

Н.С.БОРИСОВ

Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1988

ББК 63.3(2)4 Б 72

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. Г. Кузьмин*, кандидат исторических наук *В. С. Шульгин*

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета

Московского университета

Борисов Н. С.

Б72 Церковные деятели средневековой Руси XIII—VII вв.— М.: МГУ, 1988.— 200 с. ISBN 5—211—00031—5.

В книге даются общие сведения о внутреннем устройстве средневековой русской церкви, освещаются наиболее важные моменты ее истории, приводятся основанные на исторических источниках политические биографии выдающихся церковных деятелей XIII—XVII вв.— митрополитов Петра, Феогноста и Алексея, игуменов Сергия Радонежского, Федора Симоновского, Иосифа Волоцкого, патриархов Иова и Никона. Автором пересмотрены некоторые традиционные оценки церковных деятелей средневековой Руси, даны яркие характеристики их политических взглядов и личных качеств.

Для широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

0505010000—072 Б 077(02)-88 ³¹~

ISBN 5—211—00031—5

ББК 63.3(2)4

Издательство Московского университета, 1988 г.

Введение

Со школьной скамьи наша память хранит имена десятков выдающихся деятелей отечественной истории. Но есть ли среди них представители церкви? Ответим откровенно: практически нет. Впрочем, мы не найдем их в нашей памяти не только среди героев, но и среди «отрицательных персонажей». А между тем было время, когда ни одно важное событие в жизни человека, а тем более целого народа не совершалось без участия церкви. Но что мы знаем обо всем этом? Как же образовался, откуда взялся этот пробел в нашей исторической памяти? Неужели и вправду за тысячу лет своего существования русская православная церковь не воспитала ни одного деятеля, достойного памяти потомков?

Деятели средневековой русской церкви как живые люди, как личности нам почти неизвестны. Давая им оценку, издавна принято пользоваться стереотипами. В дореволюционной литературе критический анализ деятельности кого-либо из лиц, причисленных к «лику святых», был необычайной редкостью. В этом случае от историка требовалось не только высокое профессиональное мастерство, но и гражданское мужество. Любое вторжение гражданских историков в область истории церкви было связано с риском попасть под обстрел клерикальных публицистов, быть обвиненным в непочтительном отношении к «святыням религии», а в конечном счете — в политической неблагонадежности. Здесь, на пороге истории церкви, кончалась область научного исследования и начиналась политика. Изображение «чудотворцев» реальными людьми с присущими всем живущим слабостями и недостатками рассматривалось как посягательство на устои: православие было идейной опо-

з

рой, «наивысшей санкцией» ' феодально-крепостнического строя. В итоге большинство дореволюционных работ, касающихся истории церкви, выглядит весьма однообразно. Вместо

размышлений и анализа — пересказ житий святых, повторение одних и тех же традиционных образов и эпитетов.

В советской исторической литературе «церковная» тема никогда не пользовалась особой популярностью. Относительно много писали лишь о монастырском землевладении и о разного рода антицерковных движениях. Что же касается истории самой церкви, то здесь уже в 20-е годы начали складываться новые стереотипы оценок, прямо противоположные предшествующим. Если раньше прошлое русской церкви рисовали преимущественно розовыми красками, то теперь предпочтение отдавали серому и черному цвету.

Главной причиной появления этой тенденции было широкое распространение в исторической науке взглядов так называемой «школы Покровского». В трудах самого М. Н. Покровского, выдающегося историка и организатора науки, содержалось немало ценного и для своего времени передового. Он первым предпринял попытку создать марксистскую концепцию истории России. Однако попытку эту нельзя назвать удачной. Многовековая история России выглядела бескрайней пустыней, в которой безликие «народные массы» живут и действуют лишь под воздействием «торгового капитала» или же иных абстрактных сил. В этой унылой панораме не было места для героев и мучеников, философов и пророков, честолюбцев и авантюристов, словом — для бесконечно многогранной, часто противоречивой и непоследовательной в своих поступках человеческой личности.

При экскурсах в историю русской церкви к обычному схематизму «школы Покровского» примешивалась и изрядная доля чисто публицистических обличений. Вопрос о роли церкви и ее деятелей в истории России звучал очень актуально и в контексте тогдашней политической борьбы: в 20-е годы руководство православной церкви в ряде случаев выступило против Советской власти. Православные иерархи, покинувшие Россию вместе с остатками белых армий,

4

развернули за границей шумную кампанию, призывая к крестовому походу против большевиков.

Шло время. С середины 30-х годов стал меняться подход к показу истории средневековой Руси. Усилился интерес к героическим страницам прошлого, к борьбе русского народа за свою независимость. Наряду с изучением общих процессов истории стали уделять внимание и конкретным историческим деятелям. Стало очевидно, что в каждом сословии, в каждом звании всегда были люди, достойные благодарной памяти потомков. Задача историка — воздать каждому «по делам его».

Однако в оценке деятелей русской церкви положение почти не менялось. Вмешательство иерархов в политическую борьбу по-прежнему принято было объяснять исключительно их корыстолюбием, стремлением к власти или иными низменными мотивами; уход монахов в северные леса — желанием захватить крестьянские земли. Конечно, среди духовных феодалов, как и среди светских, было немало стяжателей, ханжей, лицемеров и даже инквизиторов. Однако встречались и деятели другого склада: бесребреники, патриоты, человеколюбцы. В связи с этим полезно напомнить справедливое суждение крупнейшего русского историка прошлого столетия С. М. Соловьева: «Мы считаем непозволительным для историка приписывать историческому лицу побуждения именно не нравственные, когда на это нет никаких доказательств»².

Книга, которую читатель держит в руках, дает общие сведения об устройстве средневековой русской церкви, освещает некоторые важные моменты ее истории. Она содержит также основанные на исторических источниках политические биографии ряда выдающихся церковных деятелей XIV—XVII вв. — митрополитов Петра, Феогноста и Алексея, игуменов Сергия Радонежского, Федора Симоновского, Иосифа Волоцкого, патриархов Иова и Никона. Очень трудно, оставаясь на твердой почве фактов, нарисовать законченный портрет каждого из них. Средневековые письменные источники характеризуют мотивы поступков в соответствии с социальным статусом героя. Переживания, сомнения героя носят абстрактный характер и как бы механически прилагаются к пер-

5

сонажу. За этим словесным декором трудно разглядеть живое человеческое лицо.

Церковные деятели, о которых рассказывается в книге, были очень разными по своим политическим взглядам и складу характера людьми. Однако вглядываясь в каждого из них, можно заметить одну закономерность. Почти всегда наши герои оказываются не такими, какими их принято изображать. Те, кого принято считать «крестными отцами» Московского государства, в действительности отнюдь не были таковыми; те, кого клерикальная традиция рисует кроткими и смиренными, в жизни полны были гнева и страстей. Становится очевидным и другое: среди тех,

кого мы не замечали или не хотели замечать, есть люди самой высокой пробы, имена которых могут служить светлыми маяками русского средневековья.

Как и любых других исторических деятелей, русских иерархов нельзя оценивать предвзято.

Историк должен показать их такими, какими они были в жизни, не приукрашивая, но и не забывая об их заслугах и достоинствах.

ПРИШЕЛ НАРОД НЕВЕДОМЫЙ

«Того же лета явишася языци, их же никто же добре ясно не весть, кто суть, и отколе изидоша... И зовут их татары...»
Лаврентьевская летопись, 1223 г.

К началу XIII в. христианство прочно утвердилось в городах, настойчиво прокладывая себе дорогу в сельскую местность, где все еще процветали языческие традиции и обряды. Русская православная церковь представляла собой в это время могущественную разветвленную организацию, во главе которой стоял митрополит Киевский. Как же был устроен, по каким законам действовал этот огромный социальный организм?

Среди нескольких десятков «митрополий» — церковно-административных областей, находившихся под началом константинопольского патриарха, — русская митрополия была самой обширной и многолюдной. Население Руси составляло тогда около 5 миллионов человек. По свидетельствам современников, Русь была «страной городов». Мастерство ее ремесленников, богатство вельмож, мужество воинов были известны по всей Европе. Византийский император и константинопольский патриарх очень дорожили своим правом назначать митрополита — главу русской церкви. Они тщательно подбирали кандидатов на этот ответственный пост из числа наиболее ловких и проницательных придворных клириков. Митрополит помимо своей церковной деятельности представлял и отстаивал на Руси интересы византийской дипломатии. Империя хотела, чтобы Русь принимала на себя удары кочевников, отвлекала их от границ «ромейской державы», чтобы русские князья не помышляли

7

о набегах на Византию, твёрдо хранили православие и почаще жертвовали «на ремонт храмов» Константинополя.

Митрополит Киевский обладал огромной властью над священнослужителями. Он утверждал кандидатов на епископские кафедры, совершая при этом особый обряд «поставления в сан». Он мог запретить провинившемуся епископу продолжать службу и, созвав поместный собор, лишить его сана. Митрополит также имел право отменять решения епископского суда. Перед ним трепетали рядовые священники и монахи.

Глава церковной иерархии имел сильные средства и для воздействия на светских феодалов. В период обострения междукняжеской борьбы в XIV—XV вв. митрополиты широко пользовались таким грозным оружием, как отлучение от церкви. Многие могущественные князья вынуждены были смириться под угрозой митрополичьего проклятья, которое в те времена было равносильно политической смерти. Случалось, митрополит отлучал от церкви целые города, правители которых не соглашались исполнить его требования. Тогда закрывались все городские церкви и перепуганные жители устремлялись к княжескому двору, требуя срочно примириться со «святителем». К концу 30-х годов XIII в. на Руси, по данным летописей, известно 16 церковно-административных областей — епархий. В Южной Руси действовали Белгородская, Юрьевская, Переяславская и Черниговская епархии, в Юго-Западной — Галицкая, Владимир-Волынская, Перемышльская, Угровская (Холмская), Туровская. На территории Руси существовали также Новгородская, Полоцкая, Ростовская, Смоленская, Владимирская и Рязанская епархии. Митрополит имел собственную епархию с центром в Киеве. Епископы управляли своими епархиями с помощью целого штата чиновников — наместников, клирошан, десятильников. Подобно князьям и боярам митрополит и епископы строили богатые дворцы, окружали себя многочисленной свитой.

Князья и бояре стремились провести на епископскую кафедру своего кандидата, подкрепляя свои просьбы дарами или угрозами. Иногда они «через голову» митрополита обращались к константино-

польскому патриарху. Некоторые могущественные русские князья пытались добиться самостоятельности киевской митрополии, выставляли своих собственных кандидатов на пост главы русской церковной иерархии. Однако всякий раз их попытки порвать с константинопольской патриархией оканчивались неудачей. Главным препятствием на этом пути было сопротивление высших иерархов русской церкви, не желавших терять покровительства патриарха, боявшихся остаться «один на один» с княжеской властью. Были и другие причины. Правители

Руси понимали, что церковное единство с Византией имеет свои преимущества. Оно упрочивало позицию страны среди христианских народов, облегчало торговлю и культурные связи с Византией, способствовало укреплению авторитета церкви в глазах населения самой Руси. Случалось, что епископ вступал в спор со своим князем. В таких случаях князь обычно обращался за помощью к митрополиту. Весьма показательна в этом отношении трагическая история владимирского епископа Феодора. Получив кафедру благодаря поддержке князя Андрея Боголюбского (1157—1174)*, Феодор, выходец из киевской боярской семьи, не захотел быть послушным инструментом в руках князя и вскоре поссорился с ним. Тогда князь отправил епископа в Киев, на суд к митрополиту. Давно ненавидевший Феодора митрополит Константин расправился с ним со средневековой жестокостью: низложенному владыке урезали язык и отрубили правую руку¹.

Самой мелкой административной единицей церковной организации был «приход» — городской или сельский округ, жители которого считались «прихожанами» (посетителями) одного храма. Этот храм, находившийся обычно в центре прихода, обслуживали несколько лиц, вместе именовавшихся «причтом». Наиболее типичным для города был приходской храм, причт которого состоял из двух «священнослужителей*» — священника и дьякона — и трех «церковнослужителей» — дьячка (псаломщика), пономаря и просвирни. Сельские храмы обычно имели только священника, дьякона и дьячка.

* Здесь и далее в скобках даются годы пребывания у власти государственных и церковных деятелей.

9

Как и многие другие профессии, «служение у престола господня» в средневековой Руси было наследственным. Никаких школ, где готовили бы священнослужителей, не существовало. Необходимые знания будущие священники и дьяконы получали от своих отцов. И те и другие приступали к исполнению своих обязанностей лишь после обряда «посвящения в сан», который мог совершать только епископ. Прежде чем совершить этот обряд, «владыка» или его доверенные лица экзаменовали соискателей.

«Священнослужители» совершали различные церковные службы, причем дьякон выступал в роли помощника «иерея», как именовался по-гречески священник. Слово «дьякон» в переводе с греческого и означает «помощник».

Именно приходское духовенство вело повседневную пропаганду идей христианства среди населения. Однако по своему социальному положению оно мало чем отличалось от крестьян и ремесленников. Это была, по выражению Ф. Энгельса, «плебейская часть духовенства»². Древнерусские письменные источники почти ничего не сообщают об образе жизни, настроениях приходского духовенства. Летописи, актовые материалы освещают деятельность лишь «князей церкви» — митрополитов, епископов, настоятелей крупных монастырей. В результате из поля зрения историка выпадает значительный слой древнерусского общества. По современным подсчетам, на Руси в XI—XIII вв. действовало около 10 тысяч городских и сельских храмов, включая так называемые «домовые церкви», которые устраивались прямо в хоромы знатных людей³. Эти храмы обслуживало около 40 тысяч «причетников».

Церковная служба представляла собой сложный, формировавшийся на протяжении нескольких столетий комплекс ритуальных движений, песнопений, чтений и возгласов. Главная цель церковной службы — отвлечь человека от житейских забот, увести в мир христианских образов, внушить чувство смирения со своей земной долей.

Глубокое эмоциональное воздействие произведений искусства — росписей, икон, драгоценных тканей, ювелирных изделий — многократно усиливало впечатление, производимое церковной службой.

10

Церковные догматы и представления воплощались даже во внешнем облике храма. Одна глава символизировала Христа, три — догмат о троице, пять — Христа и четырех евангелистов. Храмы обычно ставили на высоких местах. Их архитектурные формы были устремлены ввысь, подобно молитве, обращенной к богу. Уже издали, глядя на храм, верующий должен был готовить себя к восприятию церковной службы.

Порядок церковной службы определялся взаимодействием трех «кругов» (рядов молитв и песнопений) — дневного, недельного и годового. Дневной круг состоял из 9 отдельных служб*. Церковный устав предусматривает их соединение в том или ином порядке в зависимости от того, является ли данный день будничным или праздничным.

Недельный круг включает особые молитвы для каждого дня недели. В воскресенье надлежало

вспоминать Иисуса Христа и его «чудесное воскресение из мертвых», в понедельник — ангелов, во вторник — ветхозаветных пророков и Иоанна Предтечу, в среду и пятницу — страдания и смерть Иисуса Христа, в четверг — апостолов и Николая Чудотворца, в субботу — Богородицу. Годичный круг основан на традиции праздновать в каждый из дней года «память» определенного святого или события, о котором говорит Священное писание. Среди праздников годичного круга выделяются важнейшие, так называемые «дванадесятые», посвященные событиям, описанным в Евангелии **.

* «Вечерня», «повечерие», «полунощница», «утреня», 1-й, 3-й, 6-й, 9-й «часы» и «литургия». Каждая из этих служб имеет особую тему, связанную с христианской мифологией. Особое значение имела литургия (по-гречески «служба», «церемония»). Во время литургии совершается «чудесное превращение» частиц просфоры (небольшого, особой формы хлеба) и разбавленного водой красного вина в «тело и кровь господни», которыми причащаются верующие.

** Рождество Богородицы (8 сентября), Введение Богородицы во храм (21 ноября), Благовещение (25 марта), Рождество Христово (25 декабря), Крещение, или Богоявление (6 января), Сретение (2 февраля), Преображение (6 августа), Вход Иисуса Христа в Иерусалим (последнее воскресенье перед Пасхой), Вознесение (на 40-й день после Пасхи), Пятидесятница, или Троица (на 50-й день после Пасхи), Успение Богородицы (15 августа), Воздвижение креста (14 сентября).

11

Порядок сочетания дневных, недельных и годовых тем богослужения для каждого конкретного дня определяется с помощью особых церковных книг — Часослова, Следованной Псалтири, Октоиха, Триоди, 12-ти Миней (по числу месяцев) и некоторых других. Обязательной принадлежностью каждой церкви было Евангелие, выдержки из которого читались практически на каждой службе. Оно хранилось на престоле в алтаре и символизировало самого Иисуса Христа. Напрестольное Евангелие считалось главной святыней храма. Его переплет часто украшали золотом и драгоценными камнями. Другой часто применявшейся при богослужении книгой были «Деяния и послания святых апостолов», которую обычно именовали просто «Апостол». Важное место в системе христианского ритуала занимали так называемые «посты». Пост — это время воздержания от мясной и молочной пищи. В духовном отношении — это время покаяния, скорби, особой религиозной экзальтации *.

Крупным влиятельным отрядом церковных сил в средневековой Руси было монашество.

Идея монашества возникла в христианстве в IV—V вв. н. э. Ее первые приверженцы удалялись в необитаемые места, в пустыни и там в одиночестве или с несколькими учениками предавались посту и молитвам. Широкое распространение монастыри получили в Византии. Здесь преобладали два типа монашеского «подвига» — «особное», то есть уединенное, жительство и монашеское общежитие — «киновия». В древнерусском языке греческое слово «монах» часто заменялось его русским синонимом «инок». Как

* Помимо шести недель великого поста и страстной недели, предшествующих празднику Воскресения Христова (Пасхе), церковь требовала соблюдения еще нескольких многодневных постов — рождественского, петровского, успенского. Посты получили названия по тому празднику, которому они предшествуют: Великий день (Пасха, Воскресение Христово), Рождество Христово, апостолы Петр и Павел (29 июня), Успение Богородицы. Древние «отцы церкви» установили не только многодневные, но и однодневные посты: среда и пятница каждой недели, а также некоторые памятные дни церковного календаря.

12

то, так и другое в переводе означают «одинокий», «уединенный».

Жизнь иноков регламентировалась строгими уставами, за соблюдением которых следил предводитель монастырского «стада Христова» — игумен (в переводе с греческого «игумен» означает «вождь», «правитель»). Деятельность игумена находилась под контролем епископа, во владениях которого находился монастырь. Игумены наиболее значительных городских монастырей получали наименование «архимандритов», что в дословном переводе означает «старший в овчарне». На Руси первые крупные монастыри появляются уже в середине XI в. Особую известность получил основанный иноками Антонием и Феодосией Киево-Печерский монастырь.

Идеальная киновия — а именно такой была поначалу Печерская обитель — это община, внутри которой царит равенство нищеты. Однако феодальный быт с его нормами и традициями властно стучался в ворота монастырей. Как в Византии, так и на Руси внутри монастыря-киновии сложилась своеобразная иерархия. Общиной управляла монастырская верхушка — «соборные старцы» во главе с игуменом (слово «старец» означало не возраст монаха, а его положение в монастыре, высокую степень «духовного совершенства»). Они занимали ключевые посты в обители. «Эконом» ведал монастырской казной, «келарь» занимался заготовкой и хранением одежды, обуви и съестных припасов, «ефккесиарх» следил за порядком в церкви, «кутник» распоряжался в монастырской трапезной. Среди «братьев» выделялись монахи,

посвященные в сан священника или дьякона,— так называемые «иеромонахи» и «иеродьяконы». Рядовые иноки и лица, проходившие испытательный срок перед пострижением в монахи («послушники»), составляли низшие слои населения киновии. Они обязаны были беспрекословно подчиняться «старцам». Без разрешения игумена монах не имел права даже ненадолго покидать монастырь, принимать у себя в келье посторонних. Женщинам вход в мужской монастырь был категорически воспрещен. Существовали и особые женские монастыри. Богослужение в них совершали престарелые священники, жившие за пределами монастыря.

13

Находясь на полном содержании общины, каждый ее член не имел собственности. Основой корпоративной собственности монастыря должен был служить труд самих иноков. Однако это требование обычно соблюдалось лишь на начальном этапе существования обители. Добившись известности, монастыри получали и материальное обеспечение в виде различного рода «милостыней» и «кормов». Обязательный труд монахов обычно сохранялся, но уже как средство поддержания монастырской дисциплины и одновременно— дополнительный источник доходов. В XI—XII вв. на Руси широко распространены были «ктиторские» обители. Их основателями («ктиторами») и покровителями обычно выступали князья и бояре. Помимо честолюбивого стремления иметь собственное «богомолье», развитию ктиторства способствовала и забота «о душе», о благополучии в загробной жизни. Под старость многогрешные бояре и князья уходили в тихие обители. Там они жили с привычным комфортом, окруженные многочисленной челядью; там у стен монастырской церкви, ложились они на вечный покой.

Эти фамильные княжеские и боярские обители фактически находились за рамками епископской юрисдикции. Многие из них, являясь монастырями лишь по названию, по существу были особого рода резиденциями феодальной знати.

Общее количество монастырей, существовавших на Руси в XI—XIII вв., по мнению исследователей, достигало 300. Если признать, что в каждой обители было от 30 до 50 монахов, то общая цифра монашествующих превысит 10 тысяч человек⁴. Возникает вопрос, на какие же средства существовала огромная армия белого (приходского) и черного (монастырского) духовенства, рядового монашества, общая численность которой составляла около 50 тысяч человек?

Важнейшим источником поступлений в церковную казну были доходы от многочисленных вотчин. Вместо первоначальной «десятины», подсчет которой был сложным и обременительным занятием, князья уже в XII в. стали передавать духовенству земли и право сбора разного рода податей и пошлин с живущих на этих землях крестьян. Количество церковных земель быстро росло. К началу XVI в. духовенству

14

принадлежало уже около 1/3 всех обрабатываемых площадей в стране.

Другим важным источником церковных доходов была плата и добровольные пожертвования за совершение семи «таинств»— крещения, миропомазания, елеосвящения (соборования), покаяния (исповеди), причащения, брака и посвящения в сан. Обряды, имевшие, по утверждению христианских теологов, не «божественное», как таинства, а церковное происхождение, именовались «требами». Они служили как бы дополнением к основному кругу церковной службы и совершались от случая к случаю, по требованию прихожан. Из них особо распространены были молитвы «за здравие» и «за упокой души», «о дожде», «о прекращении мора», «о победе над погаными».

Весьма выгодным для церкви было и то, что епископы имели право суда (и соответственно сбора судебных пошлин) по целому ряду вопросов семейно-бытового характера. В своих же вотчинах духовные феодалы судили крестьян не только по этим, но и практически по всем остальным видам проступков и преступлений, за исключением убийства и грабежа. Церковь торговала всякого рода религиозными предметами — иконами, крестами, лампадами, свечами. За богатую «милостыню» миряне приобретали право похоронить своих умерших родственников на территории монастыря, под полом храма или снаружи у его алтаря. Считалось, что те, кто похоронен в этих «богоугодных» местах, имеют больше шансов попасть в рай.

В средневековой русской церкви известна и торговля «разрешительными грамотами» — своего рода индульгенциями, писавшимися духовными лицами с целью «очистить от грехов» умирающего человека.

Огромные ценности поступали в церкви и монастыри в виде вкладов. Роскошные предметы церковной утвари или же просто суммы денег богатые прихожане передавали церкви, требуя

взамен лишь молитв «за здравие» или «за упокой души».

1

Век тринадцатый, «жестокий век», принес миру небывалые потрясения. В 1203—1204 гг. под ударами крестоносцев рухнула древняя Византия, была раз-

15

граблена ее столица — блистательный Константинополь. На развалинах Византии возникло новое государство, основанное крестоносцами, — Латинская империя. Уцелевшие представители столичной византийской знати отсиживались до времени в провинциях, где они создали несколько небольших государств с громкими названиями — Трапезундская империя, Никейская империя, Эпирский деспотат. Крестоносцы пытались захватить весь Балканский полуостров, однако в 1205 г. были разгромлены болгарским царем Калояном в битве при Адрианополе. Лишь во второй половине XIII в. удалось восстановить единое Византийское государство.

На Руси внимательно следили за этими событиями. Князь Роман Мстиславич Галицкий приютил у себя изгнанного византийского императора Алексея III Ангела.

Угроза крестоносной агрессии возникла и на северо-западных границах Руси. В 1202 г. был основан Орден меченосцев, который ставил своей задачей завоевание Прибалтики и насильственную христианизацию ее населения. Вдохновляемые католической церковью, «псы-рыцари» получали материальную поддержку немецкого купечества. Вскоре к агрессии в Прибалтике подключились и датские феодалы. Война в землях ливов и эстов быстро разгоралась, приближаясь к русским границам. И все же главная опасность для русских земель зарождалась не здесь, а далеко на востоке, среди бескрайних степей Центральной Азии.

В 1206 г. на берегах реки Онон в южной части Забайкалья состоялся съезд местной кочевой знати, который избрал предводителем «всех живущих за войлочными стенами» прославленного воителя из рода «Борджигит» по имени Темуджин. Отныне его стали называть Чингисханом, то есть «Великим ханом». Возвышение Темуджина объяснялось не только его исключительной целеустремленностью, хитростью, военными дарованиями. Многие решили поддержать родовой знати. В этот период ей нужен был именно такой человек, как Темуджин. Монгольские племена в начале XIII в. стояли на пороге классового общества. У них складывался своеобразный общественный строй, который некоторые историки предлагают на-

16

зывать «кочевым феодализмом». Почувствовавшая силу родоплеменная знать стремилась закрепить свое господство, увеличить богатство путем захвата соседних земель. Повышенная военная активность — отличительная черта раннего феодализма у многих азиатских и европейских народов. Война железным обручем стягивала общество, закрепляла привилегированное положение знати. Темуджин сумел убедить сородичей, что именно его «девятибунчужное» знамя принесет им власть над миром. Став правителем, он быстро привел в движение ту страшную «мельницу войны», которая более полувека перемалывала народы и государства.

После смерти Чингисхана (1227) его сыновья и внуки продолжили завоевательные походы. В 1235 г. они приняли решение начать большой поход на запад. Огромное войско, в состав которого входили и насильно мобилизованные воины из покоренных монголами народов, насчитывало около 150 тысяч хорошо вооруженных всадников. Их возглавил внук Чингисхана Бату (в русском произношении — Батый). В переводе с монгольского его имя означало «сильный», «крепкий». Это был способный, удачливый полководец, хитрый и безжалостный правитель. Придворные льстецы называли его «Саин-хан», что значит «Счастливый».

Завоевав в 1236 г. Волжскую Болгарию и разгромив несколько половецких орд, полчища Батыя осенью 1237 г. нацелились на Русь.

Героическая борьба русских земель против монголо-татарского нашествия хорошо известна. Драматическим событиям 1237—1240 гг. посвящено немало научных трудов и литературных произведений. Историческое значение проявленного русским народом мужества и стойкости глубоко определил еще А. С. Пушкин. «России, — писал он, — определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией»⁵.

Как же повела себя церковь в грозные годы Ба-тыева нашествия? На этот вопрос трудно ответить

17

однозначно. В пылу сражений монголы, конечно, не отделяли лиц духовного звания от остального населения завоеванных земель. Летописи полны лаконичных известий о поголовном уничтожении черного и белого духовенства, попавшего в руки озверевшей от крови орды, об ограблении храмов и поспании христианских святынь. «Татары... пошли и взяли Суздаль и разграбили церковь святой Богородицы, и двор княжеский огнем сожгли, и монастырь святого Дмитрия сожгли, а другие разграбили. Старых монахов, и монахинь, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей убили, а юных монахов, и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей — всех увели в станы свои». Захватив Владимир, ордынцы «церковь святой Богородицы разграбили, сорвали оклад с чудотворной иконы, украшенный и золотом, и серебром, и камнями драгоценными, разграбили все монастыри и иконы ободрали, а другие разрубили, а некоторые взяли себе вместе с честными крестами и сосудами священными, и книги ободрали, и разграбили одежды блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквах на память о себе»⁶. Такие же сцены происходили и в любом другом захваченном отрядами Батия русском городе. Под ударами монгольских таранов рушились стены храмов, превратившихся в последнее убежище горожан. Монголо-татарами были разрушены знаменитая Десятинная церковь в Киеве, оригинальная по архитектуре церковь Михаила Архангела в Переяславле-Южном, дворцовый ансамбль в Боголюбове.

Среди верхушки духовенства нашлись мужественные люди, до конца выполнившие свой пастырский долг. В охваченном пламенем Успенском соборе погиб владимирский епископ Митрофан. От рук «поганых» приняли смерть рязанский и переяславский епископы. При штурме Киева пропал без вести митрополит Иосиф. Однако известны и примеры другого рода. Ростовский епископ Кирилл пережил страшную зиму 1237—1238 гг. в безопасных северных лесах, на Белоозере. Сумел поладить с завоевателями и был отпущен ими после недолгого плена черниговский епископ.

Нашествие монголо-татар было воспринято на

18

Руси как грандиозная катастрофа. Церковь объявила его проявлением «гнева божьего». Библейскими текстами, словно магическими ключами, средневековые книжники открывали причины и смысл современных им событий. Со стоаниц русских летописей, с амвонов церковей зазвучали традиционные рассуждения, которыми прежде объясняли набеги печенегов и половцев: «За грехи наши бог напустил на нас поганых... нужно нам покаяться, и жить как велит бог... Если так сделаем, простятся нам все грехи»⁷.

Пройдя в 1241—1242 гг. через Венгрию и Польшу, достигнув Адриатики и Вены, внук Чингисхана остановился и повернул назад. Батый решил обосноваться в степях Восточной Европы. Эти бескрайние, милые сердцу кочевника степи, простиравшиеся от Южного Урала до Днепра, некогда сам Чингисхан передал в управление своему старшему сыну Джучи. Сын Джучи, Бату, после смерти отца имел основания считать себя законным наследником владений Джучи. Прежние хозяева степей — половцы — были частью перебиты, частью переселены на новые места и отданы под власть монгольских военачальников. В 60-е годы XIII в. «услус» (т. е. владение) Джучи превратился в самостоятельное государство — Золотую Орду.

Завоевав русские земли, ордынские правители стали размышлять над тем, как ими управлять, как извлечь из своей победы наибольшую выгоду. Самым разумным с точки зрения интересов Орды было сохранение прежнего политического устройства Руси, но уже как области монгольского государства.

Начиная с 1243 г. русские князья утверждались на своих «столах» особыми ханскими грамотами — «ярлыками», за которыми они должны были лично являться в Орду. Каждое княжество ежегодно выплачивало Орде большую дань. За положением дел на Руси зорко следили ханские чиновники — «баскаки», постоянно жившие в крупных городах.

Стремясь укрепить свое господство над Русью, поддержать постоянный страх перед угнетателями, ордынские воеводы периодически устраивали кровавые набеги на русские земли. Правители Орды хорошо усвоили один из главных принципов военной стратегии Чингисхана — массовый террор, уничтоже-

19

ние мирного населения, «всех, кто дорос до тележной чеки».

Особая роль в монгольской системе управления покоренными народами отводилась религии. Привлечение на свою сторону служителей культа, выделение их в качестве привилегированной категории населения было еще одним принципом монгольской администрации. Проведя в 50-е годы XIII в. общую перепись населения русских земель, наладив систему сбора дани и определив

ее размеры, ордынские правители вскоре предприняли следующий шаг на пути упрочения своего владычества. В 60-е годы XIII в. устанавливается практика выдачи митрополиту особой ханской грамоты, в которой перечислялись льготы, предоставленные «церковным людям»: освобождение от уплаты ордынской дани, от постоя ордынских отрядов, от уплаты таможенных сборов. Ханский ярлык русскому митрополиту составлялся параллельно на двух языках — русском и «татарском». Каждый новый хан и митрополит заново оформляли отношения, составляя и новый ярлык. При этом хан мог увеличить, оставить без изменения или же уменьшить круг привилегий, предоставленных русской церкви.

После свержения ордынского ига ханские ярлыки утратили всякое юридическое значение. До наших дней не сохранилось ни одного ханского ярлыка, выданного какому-либо русскому князю. Иное дело — ярлыки митрополитам. Несмотря на все утраты, на гибель множества архивных фондов, в одном рукописном сборнике первой половины XVI в. сохранились копии с текстов 6 ханских ярлыков русским митрополитам⁸. Едва ли это можно объяснить простой случайностью. И после свержения ордынского ига церковники бережно хранили ярлыки, снимали копии, используя их как аргумент в полемике с великокняжеской и царской властью, мечтавшей об ограничении привилегий церкви, о секуляризации монастырского земельного фонда. «Вы же, православные князья и бояре, потщитесь к святым церквам благотворение показать, чтобы не быть вам посрамленными перед этими варварами», — говорится в предисловии к сборнику⁹.

Что же все-таки заставляло алчных кибиточных

20

политиков отказаться от части доходов, предоставить русской церкви такие широкие привилегии, каких не имела христианская церковь в средние века нигде в Европе? Может быть ордынские правители боялись нарушить заветы Чингисхана? Но мы знаем, что они довольно часто нарушали «священную ясу» — свод наставлений и поучений «потрясателя вселенной». Чингисхан, например, требовал от правителя трезвости и воздержания, а его сыновья и внуки проводили жизнь в пьянстве и разгуле. В действительности сохраняли силу лишь те положения ясы, которые отвечали потребностям и нравам своего времени.

Много говорят о веротерпимости монголо-татар, об их суеверном почтении к служителям любой веры. Сами монголы в начале XIII в. были приверженцами шаманизма — одной из разновидностей первобытных верований. Однако по мере расширения монгольской империи состав ее населения становился все более пестрым в религиозном отношении. Мусульмане и буддисты, конфуцианцы и даосы, огнепоклонники-манихеи и христиане — все они перемешались в водовороте монгольских завоеваний. Многим богам молилась и Золотая Орда. Правящая верхушка государства уже со времен хана Берке (1255—1266) обращается к исламу. Основная масса кочевников по-прежнему сохраняет языческие верования. В этих условиях религиозный фанатизм неизбежно привел бы к острым конфликтам прежде всего внутри самой Орды. Веротерпимость как норма государственной политики была оптимальной позицией для ордынских ханов. Однако между признанием права на существование любой религии на территории Золотой Орды и покровительством православной церкви существует глубокое различие. Ордынцы вполне могли разрешить существование русской церкви, но не дать ей никаких льгот или даже обложить усиленными налогами.

Предоставляя русской церкви значительные привилегии, правители Золотой Орды, несомненно, преследовали вполне определенные политические цели. Русское духовенство должно было при всем народе молиться «за здравие» ордынских ханов, освящая своим авторитетом иноземное иго. Как оценить эту позицию церкви, ее косвенное

21

участие в поддержании ордынского господства на Руси? Некоторые историки рассматривают получение митрополитами ханских ярлыков как «союз православной церкви и татарского хана», как своего рода измену национальным интересам или, по меньшей мере, беззастенчивую торговлю авторитетом духовенства¹⁰. Однако прежде чем выносить русскому духовенству столь суровый приговор следует ответить на вопрос: могла ли высшая иерархия отвергнуть предоставленные ей льготы и отказаться выполнять связанные с ними обязательства? В принципе такое предположение можно допустить. Но к чему привела бы несговорчивость иерархов? В период, о котором идет речь (вторая половина XIII — первая половина XIV в.), сохранение мирных отношений с Ордой было единственным путем к возрождению страны. Этим путем шли Александр Невский и Иван Калита. И мы едва ли упрекнем их за то, что они получали ярлыки на княжение из рук ханов и всеми средствами стремились задобрить Орду.

Разумеется, церковные иерархи по-разному относились к сотрудничеству с Ордой. Одни шли на

это неохотно, скрепя сердце, другие — с радостью, предвкушая новые выгоды и преимущества. Особенно тесные контакты с Ордой во второй половине XIII в. наладили ростовские епископы Кирилл (1231 — 1261) и Игнатий (1262—1288). Об этом рассказывает старинная «Повесть о Петре, царевиче Ордынском». После того как епископ Кирилл исцелил ханского сына, «вся Орда радовалась, и повелел хан давать владыке ростовскому ежегодную дань в храм святой Богородицы». После смерти Кирилла местные князья по приказу хана ежегодно обязаны были чтить его память богатыми подарками в Успенский собор, где находилась усыпальница ростовских епископов. Преемник Кирилла епископ Игнатий способствовал превращению Ростова в 70-е годы XIII в. в один из опорных пунктов ордынского господства на Руси. Он всячески ублажал поселившегося в городе ханского племянника «царевича» Петра. Со своей стороны крещеный татарин делал богатые подарки епископу, основал в Ростове новый монастырь. Ордынцы настолько доверяли Игнатию, что поручили ему возить в ханскую ставку «оброки ханские» —

22

ежегодную дань с русских земель¹¹. Примечательно, что впоследствии Игнатий, этот, по меткому определению одного историка, «татарский угодник», был причислен церковью к лику святых. Русская церковь оказывала Орде и услуги дипломатического характера. Через епископа сарайского или же через самого митрополита ханское правительство вело переговоры с Византией.

Справедливость требует отметить, что ордынское иго принесло русской церкви не только новые экономические и политические привилегии. Духовенство вместе со всем остальным населением страдало от тех опустошительных набегов, которыми Орда устрашала русские земли. Только по летописным сведениям во второй половине XIII в. ордынцы совершили 14 походов на Русь. Иные из них, как, например, «Неврюева рать» 1252 г., «Дюденева рать» 1293 г., захватывали огромные территории, разоряли многие города: В ходе этих карательных экспедиций ордынцы не щадили и духовенство.

Большие сложности возникли у церковного руководства в связи с разорением и упадком Киева, где находилась резиденция митрополита. Город обезлюдел после погрома 1240 г. и несколько столетий не мог возродиться, оказавшись в зоне постоянных ордынских грабежей, на самой границе оседлого и степного миров. Митрополиты Кирилл II (1246— 1280) и Максим (1281 — 1305) вынуждены были постоянно разъезжать по Руси, не имея в Киеве надежного пристанища. В 1299 г. митрополит Максим, «не стерпев насилия татарского», со всей своей свитой окончательно покинул Киев и переселился во Владимир-на-Клязьме. Однако и этот обескровленный татарами город не стал подлинной столицей русской церкви.

Покровительство Орды русской церковной организации в целом не исключало враждебных действий по отношению к конкретным церковным иерархам. Понимая, какое большое политическое влияние имеет «митрополит Киевский и всея Руси», ордынская дипломатия внимательно следила за его деятельностью. Известно, что Орда, опасаясь объединения русских земель, разжигала междукняжеские распри, выдвигала соперников наиболее авторитетным, могу-

23

щественным князьям. Такую же политику ордынцы вели и по отношению к «князьям церкви». Во многих конфликтах внутри русской церкви исследователи видят происки ордынской дипломатии. Одним из самых неприятных для русской православной церкви последствий установления монголо-татарского ига было ослабление ее духовной монополии, активизация различного рода «конкурирующих» религиозных течений. Ограждая экономические привилегии церкви, Орда, однако, не вмешивалась в вероисповедные дела и предоставляла русскому духовенству самому отстаивать свои позиции. Еще в 50-е годы XIII в. сбор дани с отдельных русских городов и земель монголо-татары передали откупщикам-купцам из Средней Азии и Ирана. На Руси их называли «бесермены», «басурмане» — так произносили здесь непривычное слово «мусульмане». Нашлись на Руси люди, желавшие облегчить себе жизнь, приняв веру угнетателей. Об одном таком новоявленном «мусульманине», ярославском монахе по имени Зосима, сообщает летопись. Вероотступник был убит во время народного восстания 1262 г. Летописи, которые, как правило, много раз редактировались церковниками, почти не сохранили сведений о влиянии ислама на Русь в этот период. Однако нельзя забывать, что мусульманство с начала XIV в. стало официальной религией Золотой Орды. В столице государства — городе Сарае на Волге — были выстроены роскошные мечети и медресе. Повсюду заунывно кричали муллы, призывая верующих на

молитву. Тысячи русских людей, волей или неволей попадавших в Золотую Орду, познакомились с мусульманством. Примечательно, что митрополиту Петру (1308—1326) пришлось вести диспут о вере с неким Сеитом, судя по имени — мусульманином¹².

Монголо-татарское нашествие и установление ига привели к обострению борьбы православной церкви с язычеством. Религиозное мышление крестьянской массы было весьма консервативно и практично. Торжество «иноплеменников» вызвало разочарование в христианском боге, который не смог защитить своих людей. Нашествие могло быть истолковано как проявление гнева, мести со стороны отвергнутых языческих богов. В то же время у христианизированной

24

части населения, в первую очередь — горожан, вспыхнула фанатическая ненависть к языческим жрецам, колдунам, чародеям, происками которых объясняли все несчастья.

Говоря о роли церкви в этот тяжелейший период в истории Руси, нельзя не признать, что объективно она выступала хранительницей той части культуры, которая была связана с христианским культом. При митрополичьей кафедре, а возможно, и при Успенском соборе во Владимире в самую тяжелую пору не прекращалось летописание. По приказам церковных иерархов — митрополита, епископов ростовского, тверского и новгородского — велись немногочисленные каменные строительные работы второй половины XIII в. Сложные, малоизученные процессы протекали в это время в религиозной живописи.

Церковные иерархи заботились об укреплении феодального законодательства. В 70-е годы XIII в. митрополит Кирилл получил из Болгарии список юридического сборника — Кормчей, который во многих копиях разошелся по Руси.

Наиболее выдающиеся церковные деятели, такие, как, например, владимирский епископ Серапион (1274—1275), в обращениях к народу стремились ободрить людей, возратить веру в свои силы. На то, сколь важна была тогда такая проповедь, указывал выдающийся русский историк В. О. Ключевский. Нашествие Батыя «оставило впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли бодрость и упругость»¹³.

Летописцы точно зафиксировали это состояние всеобщего смятения, паники или же, напротив, оцепенения, психологического шока, которое вызывалось неотвратимыми, как стихийное бедствие, набегами дикой степной Орды. В такие моменты люди от страха «и сами не ведали, кто куда бежит»¹⁴. После кровавых расправ, учиненных ордынцами, «было очень страшно, так страшно, что и хлеб не идет в уста»¹⁵. Приступы этого непреодолимого страха случались и

25

много позже, даже тогда, когда Русь набрала силу и научилась побеждать ордынцев в открытом поле. Рассказывая о нашествии хана Едигея на московские земли в 1408 г., летописец дает горестную зарисовку с натуры: «Да аще явится где один татарин, то многие наши не смеют противиться ему, аще ли два или три, то многие русские, бросая жен и детей, на бег обращаются. Вот так, наказывая нас, низложил господь гордыню нашу»¹⁶.

С беспощадной яркостью рисует Серапион события недавнего прошлого. Бог «навел на нас народ безжалостный, народ лютый, народ, не щадящий красоты юных, немощи старых, младенчества детей... Кровь отцов и братьев наших, будто вода в изобилье, насытила землю, сила наших князей и воевод исчезла, воины наши, страха исполнясь, бежали, множество братии и чад наших в плен увели; многие города опустели, поля наши сорной травой поросли, и величие наше унизилось, великолепие наше сгнуло, богатство наше стало добычей врага»¹⁷.

Он обличает тех, кто и в час всеобщей скорби остается предан злу и корысти. «Даже язычники, божьего слова не зная, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют, не клеветают, не крадут, не зарятся на чужое... Мы же считаем себя православными, во имя божье крещенными и, заповедь божью зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия: братии своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаем; доносами, завистью, если бы можно, так съели друг друга, — но бог охраняет! Вельможа или простой человек — каждый добычи желает, ищет, как бы обидеть кого. Окаянный, кого поедаетшь?! не такого ли человека, как ты сам?»¹⁸.

Путь к нравственному возрождению Серапион видит прежде всего в покаянии и очищении от злых помыслов. «Любите друг друга, милость имейте ко всякому человеку... Не возгордитесь, не воздайте злом на зло».

По свидетельству летописца, Серапион был «зело учителей». Вероятно, существовали десятки его церковно-публицистических произведений. Однако беспощадное время сохранило лишь пять «слов» владимирского проповедника, каждое из которых стало украшением древнерусской литературы.

26

Большой интерес представляет загадочная фигура митрополита Кирилла II. К сожалению, письменные источники содержат до крайности мало сведений о людях и событиях второй половины XIII в. Можно лишь в самых общих чертах проследить биографию этого крупного церковного и государственного деятеля древней Руси¹⁹. Прожив долгую жизнь, Кирилл был свидетелем величайших потрясений в истории страны. Он был близко знаком со многими знаменитыми людьми своего времени. В 40-е годы XIII в. Кирилл служил могущественному и храброму князю Даниилу Галицкому в должности печатника, то есть хранителя всей княжеской канцелярии.

В 1246 г. Даниил направил Кирилла в Малую Азию, в Никею, где находился тогда константинопольский патриарх. Вскоре Кирилл стал первым утвержденным патриархом митрополитом из русских. Вернувшись на родину, он уезжает в Северо-Восточную Русь. При его содействии намечается сближение двух оппозиционно настроенных по отношению к монголо-татарам князей — Даниила Галицкого и великого князя владимирского Андрея Ярославича. В 1250 г. Андрей женится на дочери Даниила. Венчание во владимирском Успенском соборе совершал митрополит Кирилл.

Однако идея антиордынского союза русских князей была в тот период иллюзорной. Она грозила новыми бедствиями для народа. Посланное Батыем в 1252 г. многотысячное войско под началом Неврюя изгоняет Андрея из Владимира. Спасаясь от погони, он уезжает в Новгород, а оттуда — за пределы Руси, в Швецию. На великом княжении утверждается брат Андрея князь Александр Ярославич Невский.

В эти же годы на Юго-Западе Руси Даниил Галицкий, надеясь получить помощь против татар, ведет активные переговоры с католической церковью и даже принимает в 1253 г. королевский венец из рук папского легата. «Латинские» связи Даниила, по-видимому, возмущали митрополита Кирилла. Он становится деятельным сторонником политического курса Александра Невского, основными положениями которого были сохранение мирных отношений с Ордой и отказ от каких-либо связей с католическим Западом.

Смерть Александра была тяжелым ударом для

27

митрополита. Когда в ноябре 1263 г. тело умершего князя несли во Владимир, Кирилл со всей свитой встречал его за 5 верст от города, а потом, на отпевании в Рождественском монастыре, обращаясь к собравшимся, воскликнул: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!»

До конца своих дней Кирилл сохраняет неприязненные чувства по отношению к Орде. В 1267 г. хан Менгу-Темир присылает ему свой ярлык, установивший привилегированное положение русской церкви. Однако митрополит, насколько известно, не ездил в Сарай с дарами и поклонами. Он враждовал с «татарскими угодниками» — ростовскими епископами. Как и его ставленник Серапион Владимирский, Кирилл заботился о собирании духовных сил народа. Немногие дошедшие до нас произведения Кирилла по духу и по стилю удивительно созвучны проповедям Серапиона. Впрочем, митрополит не забывал и о собственно церковных интересах. В 1274 г. он созвал поместный собор русской церкви. Здесь обсуждались вопросы укрепления церковного и светского законодательства, повышения авторитета церкви, борьбы с язычеством. Умер Кирилл 6 декабря 1280 г. в Переяславле-Залесском, накануне открытия еще одного подготовленного им церковного съезда. Тело его было перевезено в Киев.

Бледной тенью скользит по страницам русских летописей преемник Кирилла митрополит Максим. Выходец из Византии, он, по-видимому, не был причастен к тем патриотическим настроениям, которые владели лучшей частью русского духовенства.

На рубеже XIII—XIV вв. в политическом развитии Руси намечаются существенные перемены. Галицко-Волынская, а за ней и Киевская земля медленно, но неотвратимо попадают под власть Венгрии, Польши и Литвы. Развитие русской государственности продолжается главным образом на северо-востоке страны. Здесь на смену разоренным татарами старым политическим центрам — Владимиру, Суздалью, Переяславлю приходят новые — Тверь, Москва, Нижний Новгород. Крепнут, вступают в период своего расцвета Новгородская феодальная республика и ее «младший брат» Псков. Многие в будущем Руси зависело от того, какую позицию займет высшее церковное

руководство.

ПРОРОЧЕСТВО ПЕТРА

«Аще мене, сыну, послушавши и храм пресвятое Богородици въздвигнеши в своем граде, — и сам прославишься паче иных князей, и сынове и внуци твои... И град сей славен будет во всех градах русских...»

«Житие митрополита Петра»

У колыбели московской государственности высится мрачно-торжественная фигура митрополита Петра (1308—1326). Сразу же после смерти он стал почитаться в Москве как святой. Его гробница стала главной святыней московского Успенского собора. Что же достоверно известно об этом человеке, чье имя золотыми нитями вплетено в ткань церковной легенды, чей строгий лик смотрит на нас с древних икон и фресок?

Даже беглое знакомство с историческими источниками убеждает в том, что легенда о Петре — «крестном отце» Московского государства — очень далека от действительности. Крупицы фактов погребены в ней под горами вымыслов. Все, что известно по летописям о жизни и деятельности Петра, может уместиться на половине тетрадного листка. Примерно столько же дает его «Житие». Оно дошло до нас в двух редакциях: краткой, созданной вскоре после кончины «святителя», и пространной, написанной в конце XIV в. митрополитом Киприаном.

Именно под пером Киприана родилось знаменитое пророчество Петра о грядущем величии Москвы. Киприан искусно вложил в уста Петра свою собственную мысль: князь обязан повиноваться «святителю»; только в этом случае он сможет добиться успехов и победы над врагом.

«Кто хочет знания, пусть ищет его там, где оно на-
29

ходится», — говорил французский философ Монтень. Обратимся же к свидетельствам подлинных исторических документов.

Будущий митрополит Петр родился где-то в середине XIII в. на Волыни. С детства он имел склонность к затворничеству и уже в 12 лет поселился в монастыре. Со временем он сам становится основателем и игуменом монастыря на реке Рате близ Львова. Однажды края, где находился монастырь, посетил митрополит Максим. Игумен Петр пришел поклониться иерарху и получить от него благословение. Он преподнес Максиму икону Богоматери собственного письма. Эта икона под именем «Максимовской Богоматери» со временем стала одной из главных святынь московского Успенского собора.

После смерти митрополита Максима тверской князь Михаил Ярославич направил в Константинополь к патриарху своего кандидата на митрополию игумена Геронтия. Узнав об этом, галицкий князь Юрий Львович решил помешать замыслу Михаила и добиться создания самостоятельной галицкой митрополии. Для переговоров по этим вопросам он направляет к патриарху игумена Петра. Патриарх Афанасий с чисто византийской ловкостью решил дело: на русскую митрополию был возведен посланец галицкого князя, однако в открытии особой галицкой митрополии Юрию Львовичу было отказано. «Двоение» митрополии противоречило интересам византийской дипломатии. Патриарх справедливо опасался, что такой раздел приведет к падению авторитета митрополичьего сана, к усилению вмешательства князей в церковные дела и в конечном счете — к ослаблению влияния Византии на церковную и политическую жизнь Руси. Получив от патриарха сан митрополита Киевского, Петр прямо из Константинополя отправился в Орду. Там 12 апреля 1308 г. ему был выдан ярлык ханом Тохтой (1290—1312). В нем, в частности, говорилось: «А как ты во Владимире сядешь, то будешь богу молиться за нас и за потомков наших»¹.

В конце весны — начале лета 1308 г. Петр торжественно въехал в Киев. На следующий год новый митрополит отбыл из Киева в Северо-Восточную Русь.

К моменту приезда Петра политическая обстановка в Залесье была крайне напряженной. Будущее Се-

30

веро-Восточной Руси многие связывали с быстрым ростом военного и политического могущества Твери. Выделившись из состава великого княжения Владимирского лишь в середине XIII в., тверское княжество очень скоро стало на равных с ведущими политическими силами края. Это объяснялось целым рядом благоприятных обстоятельств. Тверские земли находились в стороне от обычных путей татарских набегов на Северо-Восточную Русь. С самой опасной, юго-восточной, стороны они были прикрыты владениями ростовских и ярославских князей, постоянно поддерживавших дружественные отношения с Ордой. Естественной защитой тверского края были густые леса и непроходимые болота, тянувшиеся вдоль его границ.

Но не только относительная безопасность привлекала тысячи переселенцев в тверские земли. Столица княжества, Тверь, находилась на оживленном торговом перекрестке. Здесь от великого волжского пути отходила древняя дорога на Новгород.

Волею судьбы на тверском княжении постоянно оказывались энергичные, авторитетные правители. Первым из них, как полагают, был сам Александр Невский, получивший тверской удел по завещанию отца в 1247 г.²

Продолжая героическую традицию освободительной борьбы русского народа против иноземного ига, Тверь в 90-е годы XIII в. подняла знамя сопротивления. В 1293 г., во время печально знаменитой «Дюденовой рати», когда ордынские полчища разграбили и сожгли 14 русских городов, тверичи в отсутствие князя приняли решение «сесть в осаду» и отстаивать город с оружием в руках. Впервые после восстания 1262 г. ордынцы получили такой откровенный отпор в Северо-Восточной Руси. И выстояла-таки гордая Тверь, не открыла тяжелых, окованных железом ворот «поганым», не поклонилась им золотом и соболями, не разбежалась, не попряталась по лесам и болотам, как иные многие грады русские. С тех пор сильнее прежнего стали тянуться люди под высокую руку тверских само-властцев.

Наглядным свидетельством могущества Твери стал возведенный в 1285—1290 гг. белокаменный Спасо-Преображенский собор. Это был первый каменный храм, построенный в Северо-Восточной Руси после

31

Батыева нашествия. (Собор был разобран за ветхостью еще в XVII столетии.)

Спасо-Преображенский собор стал главной святыней города, усыпальницей князей и епископов, символом тверского патриотизма. Его постройка послужила своего рода заявкой на великое княжение. Тверские правители чувствовали, как ход событий выносит их на гребень успеха. Они терпеливо ждали своего часа и не намерены были делиться удачей ни с кем.

27 июля 1304 г. скончался великий князь владимирский Андрей Александрович Городецкий, последний из ■оставшихся в живых сыновей Александра Невского. Вместе с Андреем уходил в вечность целый период русской истории, период, когда со смертью Невского «солнце земли Суздальской закатилось» и в сгушавшемся мраке слышны были лишь звон мечей да крики ненависти. Ожесточенные, но бессмысленные войны Андрея с его братьями и племянниками, в которые он обычно втягивал и татар, окончательно разорили многострадальную владимирскую землю. Политический центр русских земель смещался далеко на запад.

Осенью 1305 г. Русь узнала имя нового великого князя Владимирского. Им стал Михаил Ярославич Тверской, племянник Александра Невского. Ему по праву старшинства и по воле хана суждено было отныне «честно и грозно» держать великое княжение, блюсти Русскую землю. Верная своему принципу «разделяй и властвуй», Орда, признавая Михаила, поощряла него соперников — московских Даниловичей, внуков Александра Невского, сыновей умершего 5 марта 1303 г. князя Даниила Московского.

Самонадеянный и задиристый, Юрий Данилович Московский (1303—1325), наследник Даниила, в 1305 г. пытался оспорить права Михаила в Орде, а затем дважды, в 1305 и в 1307 гг., воевал с ним. Однако сила и воинское счастье были на стороне Михаила. Уже в 1305 г., по мнению некоторых историков, он сумел вернуть Переяславль-Залесский, входивший в состав территории великого княжения Владимирского и захваченный москвичами в 1303 г.³ В 1308 г. Михаил, победив Юрия, утвердился на новгородском княжении. Казалось, он достиг полновластия и надолго усмирил соперников. В этот момент и появился в Северо-Вос-

32

точной Руси никем не званный и никому дотоле не ведомый старец в белом клобуке — митрополит Петр.

Уже с первых дней своего пребывания во Владимире Петр почувствовал глухую враждебность со стороны великого князя. Именно его, Петра, Михаил Ярославич считал виновником неудачи своего кандидата в митрополиты — Геронтия. Он вновь и вновь подсчитывал те преимущества, которые принесло бы ему пребывание на митрополичьей кафедре своего человека. И каждый раз в душе Михаила закипала ненависть к этому молчаливому вольнянину. Вместе со своим епископом Андреем князь направил к патриарху послов с жалобами на митрополита. Главным обвинением была «симония» — поставление в сан священника и дьякона за деньги. Конечно, торговля церковными должностями строго запрещалась канонами, осуждалась «отцами церкви». Однако в практике русской церкви издавна повелось, что новопоставленный священнослужитель платил

епископу нечто вроде узаконенной взятки — «ставленную пошлину». Даже властный и авторитетный митрополит Кирилл не мог искоренить этот обычай и на соборе 1274 г. лишь установил твердую ставку — «семь гривен от поповства и от дьяконства от обоего»⁴. Таким образом, Петра, если он действительно брал мзду, можно было и осудить, и оправдать. В 1310 г. для разбора тверских жалоб на Русь прибыли патриаршьи уполномоченные. В Переяславле-Залесском состоялся суд над Петром. Обвинителями и защитниками митрополита выступали как духовные, так и светские лица. Обстановка была настолько накалена, что, по выражению «Жития Петра», «вмале не безместно что бысть», — проще говоря, дело чуть не дошло до драки. В конце концов патриаршьи послы оправдали Петра. Вероятно, не последнюю роль в таком исходе дела сыграли московские князья, готовые поддержать любого недруга Твери.

В память об этом событии в Переяславле-Залесском, рядом с древним собором, в котором, вероятно, и проходил суд над Петром, в 1585 г. по указу царя Федора Иоанновича была выстроена сохранившаяся до наших дней каменная шатровая церковь во имя «святого Петра-митрополита». Уже на следующий год Петр нанес своим тверским недоброжелателям ответный удар. Под 1311 г. лето-

2 Н. С. Борисов

33

пись сообщает: «князь Дмитрий Михайлович Тверской, собрав большое войско, хотел идти на Нижний Новгород, на Юрия. И не благословил его Петр. Он же, простояв три недели во Владимире, распустил войска»⁵. Для того чтобы понять значение этих событий, необходим исторический комментарий. Поход на Нижний Новгород был одной из важных военных акций Твери, направленных против Москвы. После смерти молодого городецкого и нижегородского князя Михаила Андреевича, не оставившего потомства, его владения захватили московские князья. Однако великий князь Михаил Ярославич Тверской имел основания рассматривать нижегородскую землю как часть территории великого княжения Владимирского и, стало быть, как свои владения. Для того чтобы возратить незаконно захваченный москвичами Нижний Новгород, он и послал бояр с войском, во главе которого номинально стоял его 12-летний сын Дмитрий. Митрополит своим вмешательством сорвал поход и тем самым помог московским Даниловичам укрепиться в Среднем Поволжье.

В событиях 1311 г. отчетливо проявился далекий от евангельского всепрощения, крутой нрав «святителя». Его личность, как и обстоятельства, в которых ему приходилось действовать, ярко высвечиваются одним летописным сообщением начала 1310 г.: «После Крещения (6 января) Петр митрополит пришел в Брянск. В то время пришел и князь Василий с войском и с татарами на князя Святослава. И сказал ему митрополит: «Сын мой, поделись с ним вотчиной или сбеги». Князь же Святослав не послушал митрополита, надеясь на мужество свое и на своих многочисленных воинов. Брянцы сначала пошли за Святославом, но потом, во время боя, выдали его и бросили стяги. А он со своими приближенными долго еще сражался. И в том бою он был убит. Было это второго апреля. Петр же митрополит, затворившись в церкви, спасся»⁶.

Суровый, как ветхозаветные пророки, Петр и от тогдашнего русского духовенства требовал монашеского аскетизма и самоотречения. Именно он ввел на Руси сохранявшийся до конца XVII в. порядок, согласно которому овдовевший священник обязан был уйти в монастырь. В противном случае он лишался сана. Этого жестокого правила не знала византийская церковь.

34

Отдавая должное личному мужеству и решительности Петра, нельзя не заметить, что в его действиях мы не находим глубокого понимания интересов страны, готовности оказать содействие великокняжеской власти, которая была единственной силой, способной вывести Русь из политического кризиса. Главным мотивом деятельности Петра была забота о престиже митрополичьего сана или же просто оскорбленное самолюбие. Его личная вражда с Михаилом Ярославичем и его сыновьями противоречила идее единения русских земель под эгидой великого князя Владимирского, носителями которой в первой четверти XIV в. были тверские князья. В их деятельности заметны патриотические настроения, осознанное стремление к «собираанию» русских земель. Московские князья выступают в этот период как подстрекаемые Ордой политические марионетки, с помощью которых ханское правительство дестабилизирует обстановку в Северо-Восточной Руси, мешает развитию централизаторских тенденций.

Не следует, однако, переоценивать и московские симпатии Петра. В современной церковной и буржуазной историографии его именуют «другом Москвы», «основоположником московской державы». В действительности Петр не был убежденным сторонником какого-либо княжеского дома. Его политика — это традиционная для митрополичьей кафедры политика лавирования, выжидательного нейтралитета, который не исключал и немедленных ударов в ответ на любые

враждебные действия князей. Не случайно источники не сообщают о каких-либо земельных пожалованиях Петру со стороны московских князей. Его единственное приобретение, городок Алексин на Оке, был куплен митрополитом на собственные средства у тарусских князей. Вскоре после конфликта 1311 г. великий князь Михаил Ярославич начинает искать примирения с Петром. В 1312 г. митрополит приезжает в Тверь и здесь совершает поставление двух новых епископов. В 1313 г. вместе с великим князем митрополит отправляется в Орду, на поклон к новому хану Узбеку (1312—1342). Предварительно Петр сводит с кафедры сарайского владыку Измаила и ставит на его место епископа Вар-сонофия. Сарайский епископ имел прямой доступ к хану, находился в центре многих придворных интриг.

2*

35

На этом месте митрополиту нужен был всецело преданный ему человек.

Желая угодить Петру, Михаил Ярославич в 1315 г. позволяет митрополиту свести с кафедры тверского епископа Андрея, главного обвинителя на соборе в Переяславле-Залесском. Эти действия Михаила принесли свои плоды. Летописи почти не упоминают о деятельности митрополита в 1315—1325 гг., в период наиболее жестокой борьбы между Юрием Даниловичем и тверскими князьями. В 1318 г. Михаил Тверской был казнен в Орде. Но даже за период с 1318 по 1322 г., когда великокняжеский стол занимал Юрий, нет сведений о каких-либо его совместных с митрополитом акциях. Лишь после того, как в 1322 г. великим князем стал сын Михаила Дмитрий Тверской, положение изменилось. Опасаясь вспылчивого и скорого на расправу Дмитрия «Грозные очи», Петр вновь стал искать сближения с московскими Даниловичами. В 1325 г. именно в Москве он поставил Новгороду архиепископа Моисея, а в начале 1326 г. был в Москве на похоронах князя Юрия Даниловича. Московский князь, некогда своими происками подготовивший гибель Михаила Тверского, сам погиб в Орде 21 ноября 1325 г. от руки его сына Дмитрия. Накануне седьмой годовщины смерти отца Дмитрий, лицом к лицу столкнувшись с Юрием в ханской ставке, не сдержал накопившей ненависти и собственноручно убил его. Вскоре Дмитрий был казнен по приказу хана за этот самосуд.

Новый московский князь Иван Данилович хорошо понимал, как сильно заблуждался его брат Юрий, убежденный в том, что главное — любыми средствами свалить тверского сородича. На место казненного Узбеком Михаила пришел Дмитрий, на место казненного-тем же Узбеком Дмитрия великим князем был признан его брат Александр. Тверичи прочно держали в своих руках великое княжение Владимирское, и даже те четыре года великого княжения, которые Юрий буквально вырвал у Орды, ничего, в сущности, не изменили. Именно Тверь с ее многочисленным населением, каменными храмами и обширным кремлем, с ее монастырями и летописями была в глазах хана и в мыслях народа законной наследницей Владимира. Там был уже не только свой епископ, но и свой святой — князь Михаил, согласно житию, пожертвовавший собой, спасая

36

тверскую землю от гнева Орды. Ореолом мученика окружила молва имя его сына Дмитрия. Борьба с Москвой не ослабляла Тверь, а лишь поднимала ее авторитет в русских землях. В 1317 г. Михаил Тверской нанес сокрушительное поражение Юрию и сопровождавшему его татарскому военачальнику Кавгадыю в битве у села Бортенева, близ Твери. Татары Кавгадыя побросали стяги и сдались. В плен к тверичам попала и жена Юрия, сестра хана Узбека. Сам Юрий едва успел уйти в Новгород. И хотя эта неслыханная дерзость в конечном счете и погубила Михаила Тверского, эхо Бортневской победы разнеслось по всей Руси.

В горячке борьбы с тверской военной силой московские Даниловичи позабыли о главном: во имя чего ведут они эти бесконечные войны? Иван Данилович Калита, став московским князем, должен был срочно позаботиться об идейном обосновании своей политики. Слишком очевидны, неприглядны были чисто эгоистические цели и разбойничьи методы деятельности его предшественника Юрия. Даже в ту эпоху всеобщего ожесточения людям свойственно было искать высший смысл своей повседневной борьбы.

Для начала Москве нужен был хотя бы свой, мест-ночтимый святой. И здесь как нельзя кстати пришлась новая размолвка митрополита Петра с Тверью. Иван Данилович всячески чтит его в Москве, уговаривал пожить как можно дольше. Возможно, он заводил разговор о причислении к «лику святых» своего отца Даниила, построившего неподалеку от города Данилов монастырь. Развязав мощну, Иван Данилович принялся за постройку в московском Кремле каменного храма. Его посвящение Успению Богоматери повторяло посвящение кафедрального собора во Владимире.

4 августа 1326 г. митрополит участвовал в закладке московского Успенского собора. Осенью он

занемог. По Москве ходили слухи, что митрополит, чувствуя приближение смерти, завещал похоронить себя не в Киеве или Владимире, а именно здесь, в недостроенном московском соборе. Рассказывали также, что он якобы оставил московскому тысяцкому Протасию свои личные сбережения, приказав истратить их на достройку собора.

37

21 декабря 1326 г. гроб с телом Петра был опущен в мерзлую землю среди строительного мусора и обледенелых фундаментов Успенского собора. Над могилой стоял московский князь Иван, только что вернувшийся из Орды. Отпевание совершал случившийся в Москве по церковным делам луцкий епископ Феодосии. «Случайный гость Калиты», как назвал Петра один дореволюционный историк, оценил усердие князя и, по-видимому, действительно распорядился похоронить себя в Москве. Впрочем, и без всякого завещания Петра Иван Калита мог самовольно оставить его тело в Москве. Даниловичам не в новинку было строить свои планы в буквальном смысле «на костях». В 1319 г. Юрий Данилович долго не отдавал тверским боярам привезенное им из Орды тело князя Михаила, видимо, требуя от них каких-то политических уступок.

Сразу же после кончины Петра Иван Калита с помощью своих придворных книжников занялся подготовкой его канонизации, т. е. «причисления к лику святых». Прежде всего требовались доказательства святости Петра. Тут же сыскался человек, который клялся, что видел, как во время похорон митрополит поднялся из гроба и стал благословлять собравшийся народ и самого князя Ивана. Через 20 дней у гробницы Петра исцелился сухорукий, вслед за ним — глухой, затем — слепой. Все эти «чудеса» тщательно записывались и были изложены в особом церковно-литературном произведении — «Сказание о смерти митрополита Петра». Вскоре было составлено и другое обоснование канонизации — «Чтение на память митрополита Петра». В начале 1327 г. во Владимире на съезде светских и церковных владык, посвященном вступлению на владимирский «стол» нового великого князя Александра Михайловича, было принято решение о местном, в масштабах Северо-восточной Руси, почитании Петра как святого⁷. Это решение, неприятное для тверских князей, по-видимому, сумел отстоять близкий к Петру ростовский епископ Прохор, исполнявший обязанности духовного главы Северо-Восточной Руси до прибытия нового митрополита. Что касается патриарха Константинопольского, то он лишь в 1339 г. согласился признать «святость» Петра.

14 августа 1327 г., накануне престольного праздника, в Москве состоялось освящение заложенного при

38

участии митрополита Петра собора Успения Богоматери. Торжественный молебен совершал ростовский епископ Прохор. Язык христианских образов и символов в те времена широко использовался для передачи вполне определенных политических идей. Задумав посвятить главный московский храм Богоматери, Иван Калита сделал очень серьезную политическую заявку. Культ Богоматери со времен «крестителя Руси» князя Владимира Киевского занимал особое место в русском православии, являясь своего рода религиозно-политическим знаменем киевских и владимирских великих князей. Корни этого явления уходили в дохристианскую древность. Главные праздники богородичного цикла — Рождество (8 сентября) и Успение (15 августа) — отмечались в конце лета — начале осени. Они заступили место славянских языческих праздников в честь богини плодородия. Богородица стала христианским аналогом древнего женского божества, матери всего сущего.

Определенную роль в оформлении богородичного культа на Руси в своего рода религиозную формулу идеи государственности сыграла византийская традиция. «Византийское почитание Божией Матери, — писал известный русский византист Н. П. Кондаков, — основывалось на примере самой столицы, где не только народ, но и власти, начиная с императоров, проявляли в этом культе высшее религиозное одушевление»⁸. В одном лишь Константинополе в византийскую эпоху известно около 50 храмов, посвященных Богоматери⁹. Икона «Богоматерь Одигитрия» («Путево-дательница») считалась главной святыней империи. В константинопольском Влахернском монастыре в 469 г. император Лев Великий поместил в золотом ковчеге принесенную из Палестины «нешвенную» ризу Богоматери. В память об этом событии был установлен особый церковный праздник Положения Ризы Богоматери (2 июля). Когда Константинополю угрожала опасность, ризу извлекали из ковчега и носили по городским стенам. Считалось, что она много раз спасала город от беды. Положению Ризы была посвящена церковь, устроенная над Золотыми воротами византийской столицы.

Успению Богоматери была посвящена первая церковь, выстроенная князем Владимиром после креще-

ния, так называемая «Десятинная». В честь Успения был освящен выстроенный в 1077 г. собор Киево-Печерского монастыря. По преданию, его строителями были греческие мастера, присланные самой Богородицей, явившейся им во Влахернском монастыре. Вскоре собор в честь Успения по образцу киево-печерского был выстроен и в черниговском Елецком монастыре. В XII в. соборы во имя Успения Богоматери были возведены в главнейших русских городах — Смоленске, Рязани, Владимире-Волынском, Галиче. Как правило, строителем собора был князь, а «пользователем» — епископ.

Связь богородичного культа с развитием феодальной государственности особенно ярко проявилась в Северо-Восточной Руси. Главные соборы во Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле были посвящены Успению Богоматери. Культ Богородицы утверждался и монастырским строительством: во Владимире в домонгольский период известны монастырские соборы в честь Рождества и Успения Богоматери, в Суздале — в честь Положения Ризы. В середине XII в. Андрей Боголюбский, стремясь к политической и церковной независимости от Киева, выдвинул идею об особом покровительстве Богородицы Северо-Восточной Руси. Он посвятил Рождеству Богородицы свой придворный храм в Боголюбове, Положению Ризы — церковь над Золотыми воротами во Владимире. С помощью послушных ему церковных властей Боголюбский ввел на Руси неизвестный Византии праздник Покрова Богоматери. Идеологической подоплекой праздника Покрова была мысль об особом расположении Богоматери к славянам. Согласно преданию, в VI в. н. э. во Влахернском монастыре, расположенном на окраине Константинополя, произошло «чудо»: Андрей Юродивый, родом славянин, удостоился видеть саму Богоматерь, в знак покровительства простиравшую над людьми свой чудотворный покров. В честь праздника Покрова (1 октября) Андрей Боголюбский в 1165 г. выстроил близ Владимира, на реке Нерль знаменитую белокаменную церковь. Главной святыней Северо-Восточной Руси со времен Андрея почиталась икона Владимирской Богоматери, привезенная им из Киева. Владимирские книжники поспешили создать особое «Сказание» о «чудесах» этой ико-

40

ны. Ее создателем они называли самого евангелиста Луку.

Успенский собор в Москве стал новым звеном в этой цепи религиозно-политических символов, уходящей своим началом ко временам первых киевских князей. С постройкой этого храма Иван Калита включился в борьбу за роль наследника духовных ценностей, накопленных предшествующим историческим развитием русских земель. Отныне эта борьба станет неотъемлемой частью его деятельности, залогом прочности, необратимости его военно-политических успехов.

Археологические раскопки последних лет свидетельствуют о том, что московский Успенский собор 1327 г. отличался большими размерами и, вероятно, повторял архитектурные формы владими́ро-суздальских храмов. Однако упадок строительной техники в результате монголо-татарского ига дал о себе знать. В то время как многие храмы XII в. сохранились и донныне, собор Ивана Калиты уже через полтора столетия обветшал, дал трещины и был разобран. На его месте итальянский зодчий Аристотель Фиораванти в 1475—1479 гг. выстроил новый Успенский собор, ставший архитектурным символом единого Российского государства.

ЗАБЫТЫЙ ЧУДОТВОРЕЦ

-<f

(5=

«Заделаша мощи его в землю... и покрова на гробнице каменной не положиша...»

Софийская летопись, 1474 г.

Русские летописи полны сообщений о разного рода «чудесах» и «знамениях». Эти события всегда происходили удивительно своевременно, освящая ту или иную политическую акцию, создавая необходимое религиозное возбуждение. Обычно летописец сообщает о «чудесах» с полной уверенностью в их реальности. Лишь изредка он приоткрывает механизм «чудотворений», высказывает сомнения в их подлинности. Среди таких уникальных известий — рассказ о «чуде» у гробницы митрополита Феогноста (1328—1353) в 1474 г.

Начало правления митрополита Геронтия (1473—1489) было отмечено целой серией «чудес» в Успенском соборе московского Кремля. Они были связаны с культом предшественников Геронтия — митрополитов Филиппа и Ионы. Искусно подогреваемый митрополичьей кафедрой религиозный ажиотаж привел и к незапланированному «чуду» — «исцелению» немощного у гробницы митрополита Феогноста. Однако прославление Феогноста как святого натолкнулось на резкое противодействие великого князя Ивана III и митрополита Геронтия. Оба они, по свидетельству

летописца, весьма необычно отреагировали на известие о «чуде»: «неверием одержими беша, не повелеша звонити и всему городу славити его»¹.

Несколько лет спустя, закончив постройку нового Успенского собора, князь и митрополит вновь дружно выразили пренебрежение к памяти Феогноста. В то время как мощи других «святых» митрополитов поместили в возвышавшихся над полом собора богато укра-

42

шенных саркофагах, покрытых шитыми золотом покрывами с их изображением, прах Феогноста был зарыт в землю, а надгробная плита ничем не отмечена.

Демонстративное пренебрежение к памяти Феогноста со стороны московских правителей отчасти объяснялось тем, что он был родом грек, а Московская Русь уже в 1448 г. разорвала церковную зависимость от Константинополя и не любила о ней вспоминать. Однако дело было не только в происхождении митрополита. Из летописей и семейных преданий Иван III знал и о его политической деятельности, о весьма сложных отношениях с московскими князьями. Именно в этом скрывалась главная причина возмущившего набожного летописца «неверия» Ивана III в святость Феогноста.

Для того чтобы разобраться в этой странной истории, необходимо покинуть эпоху Ивана III и углубиться в прошлое еще на полтора столетия. Там, во времена Ивана Калиты, лежит разгадка тайны забытого «чудотворца».

15 августа 1327 г. принадлежит к числу таких дат, которые находятся как бы на переломе исторических процессов. В этот день пересеклась история Москвы и Твери. Отсюда развитие Москвы идет по крутой восходящей линии. Тверь после событий 1327 г. никогда уже не смогла вернуть себе утраченное первенство в Северо-Восточной Руси.

В то время как в Москве готовились к празднику по случаю освящения нового собора, в Твери назревали события совсем иного порядка. Весной 1327 г. тверской князь Александр Михайлович сел на великое княжение во Владимире. Обеспокоенный усилением Твери, хан Узбек присылает в город своего воеводу Чол-хана (в русском произношении — Шевкала, Щелкана) с отрядом. По своему обыкновению, ордынцы чинили жителям всяческие обиды и притеснения. Князь Александр успокаивал людей, призывал их к смирению и покорности, однако терпение тверичей было на исходе. Как это часто случается в истории, великие события начались с мелких, незначительных происшествий, которые, непостижимым образом цепляясь друг за друга, постепенно превращались в грозную лавину. Некий дьякон по прозвищу Дудко рано утром, когда

43

еще только собирался праздничный торг, повел лошадь к Волге, чтобы напоить ее. Случившиеся на его пути татары, завидев «кобылицу молодую и зело тучную», без лишних слов отняли лошадь. «Дьякон же очень огорчился и стал вопить: «Люди тверские, не выдавайте!»— повествует летописец.— И началась между ними драка. Татары же, надеясь на свою власть, пустили в ход мечи, и тотчас сбежались люди, и началось возмущение. И ударили во все колокола, стали вечем, и восстал город, и сразу же собрался весь народ. И возник мятеж, и кликнули тверичи и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала. Убивали же всех подряд, не оставили и вестника, кроме пастухов, пасших на поле стада коней. Те взяли лучших жеребцов и быстро бежали в Москву, а оттуда в Орду, и там возвестили о кончине Шевкала»².

Узнав о тверском восстании и гибели Чол-хана, который, по некоторым сведениям, доводился ему родственником, взбешенный Узбек приказал казнить оказавшегося в это время на свою беду в Орде русского князя Ивана Ярославича Рязанского. Затем он распорядился собрать для похода на Русь 5 туменов — 50 тысяч конных воинов. Великий князь Александр Михайлович Тверской с семьей и боярами поспешил уехать в Новгород. Однако там ему было отказано в убежище. Лишь гордый и независимый Псков принял к себе опального князя. Братья Александра — Константин и Василий, пережидая грозу, отсиживались в отдаленной новгородской крепости Ладоге.

Оставляя за собой длинный кровавый след, ордынские каратели прошли по тверской земле. Они сожгли Тверь, Кашин и другие тверские города. Увлечшись грабежом, татары опустошили и соседнюю с тверским княжеством новоторжскую волость. Устрашенные новгородцы, узнав о приближении ордынцев, поспешили откупиться 2 тысячами серебряных рублей и богатыми дарами.

Наконец, нагруженная добычей ордынская «рять» ушла, угоняя с собой тысячи пленных. Вскоре Русь узнала о небывалом решении хана: владения великого князя владимирского были поделены на две части между московским князем Иваном Даниловичем и суздальским князем Александром Васильевичем. Первому достались Новгород (где обычно князем признавали

44

великого князя Владимирского) и Кострома, второму— Владимир, Нижний Новгород и Городец. Этим разделом хан стремился ослабить Русь, создать излюбленную ордынской дипломатией ситуацию соперничества между двумя сильнейшими русскими князьями. Для Ивана Калиты решение хана было хотя и не полной, но очень важной победой. Его соправитель, суеверный и недалекий суздальский князь Александр, не был серьезным соперником. Основной враг, Тверь, по меньшей мере на несколько лет вышла из борьбы. И так, судьба вновь оказывалась благосклонной к Ивану Даниловичу. Перед ним открывались немыслимые прежде возможности. Важно было лишь не упустить их, не спугнуть неловким движением сказочную Жар-Птицу, опустившуюся на верхушку московского княжеского терема. Калита неплохо разбирался в людях, знал, кого и чем можно привлечь на свою сторону. Однако в той сложной, масштабной политической игре, которую он начинал, была одна темная, неподвластная ему фигура— новый митрополит грек Феогност.

Приезд на Русь нового митрополита не вызвал особой радости у Ивана Калиты. По-видимому, он ожидал увидеть на кафедре совсем другого человека — некоего архимандрита Феодора, которого в конце жизни Петр наметил своим преемником. Некоторые историки полагают, что этот Феодор был ставленником московского князя. Примечателен и сам факт появления «наследника Петра». Церковные правила запрещают передавать митрополичью кафедру «по наследству», от одного лица — к другому. Несмотря на это, русские митрополиты XIV—XV вв. постоянно намечали себе преемника и всячески домогались у патриарха его утверждения.

Кандидатура Феодора была отвергнута патриархом по чисто политическим мотивам. Зная о московско-тверском споре за власть, византийцы опасались, что митрополит из русских не сможет сохранить нейтралитет и быстро окажется на самом острие политической борьбы. Это противоречило бы основным принципам поведения «митрополита Киевского и всея Руси», разумеется, как их понимали в Константинополе. Кроме того, патриарх не хотел ставить на киевско-владимирскую кафедру второго подряд митрополита из русских и тем самым создавать определенную традицию.

45

Иван Калита не повторил ошибки Михаила Тверского и, насколько известно, постоянно стремился быть в добрых отношениях с Феогностом. Что касается митрополита, то его в клерикальной литературе обычно изображают верным сподвижником Ивана Калиты. «Св. Феогност, как пастырь мудрый и ревностный, употреблял все меры, чтобы содействовать московскому князю, стремившемуся к благу России и православной церкви»,— писал в середине прошлого столетия церковный историк митрополит Макарий³. Спустя полвека другой, гораздо более трезвый в своих оценках автор «Истории русской церкви» профессор Московской духовной академии Е. Е. Голубинский уверял, что «преемник св. Петра Феогност был самым усердным помощником князей московских в достижении ими своих стремлений»⁴. Прошло еще полстолетия — и новый корифей церковной историографии профессор Духовной академии в Париже А. В. Карташев рисует деятельность Феогноста в самых восторженных выражениях: «Митрополит Феогност замечателен в истории Москвы тем, что, будучи чужим для Москвы по происхождению, он всю жизнь содействовал ее успехам как добрый патриот». «В своей гражданской политике митрополит Феогност сделался столь усердным москвичом, как только можно было ожидать от местного уроженца». Он стал «дружественным сотрудником московских князей в их стремлении к возвышению Москвы»⁵. И наконец последнее слово церковной историографии — историческое введение к «Православному календарю за 1985 год», изданному Московской патриархией: «В 1328 году на Русь из Константинополя прибыл преемник святителя Петра митрополит Феогност. С глубоким пониманием отнесся он к деятельности великого князя Ивана Калиты, направленной на создание централизованного государства. Митрополит Феогност справедливо усматривал в этом залог общенародного блага и порядка, успешного развития духовного просвещения и культуры»⁶. История с Феогностом может послужить еще одним примером того, как церковные историки десятилетиями, веками кружат в одном и том же, раз и навсегда очерченном для них круге оценок и характеристик. Любопытно другое: тезис о Феогносте — «надежном помощнике» московских князей — настолько устоялся,

46

стал общим местом, что очень часто как нечто само собой разумеющееся используется и в работах современных советских историков.

Что же сообщают источники об отношении Феогноста к процессу усиления Московского княжества, к различным идейно-политическим акциям его правителей? Как правильно истолковать то немногое, что говорят летописи о поступках этого иерарха?

Прежде всего необходимо восстановить тот исторический фон, на котором разворачивалась деятельность Феогноста на Руси. Во второй четверти XIV в. борьба московских князей за соби́рание под своей властью различных княжеств и земель была в исторической перспективе наиболее важным политическим процессом. Экономический подъем 30—50-х годов XIV в. коснулся не только московских земель. Быстро росли и такие политические центры, как Нижний Новгород, Рязань, Суздаль. Довольно быстро поднялась после погрома 1327—1328 гг. Тверь. Во второй половине XIV в. эти княжеские столицы готовы были оспаривать руководящую роль Москвы. Основой возрождения сельского хозяйства, торговли, ремесла, культуры в Северо-Восточной Руси были стабилизация политической обстановки, прекращение ордынских нашествий — словом, та самая «великая тишина», за которую современники так восхваляли Ивана Калиту и его сыновей, московских великих князей Семена Гордого (1340—1353) и Ивана Красного (1353—1359), прощая им многочисленные «обиды» и «неправды».

Эта «тишина» нелегко далась московским князьям. Она была оплачена огромными расходами в Орде, регулярными поездками к ханскому двору. Сам Калита ездил к Узбеку в 1326, 1328, 1331—1332, 1333—1334, 1336, 1338 (?), 1339 гг.⁷ Поездки в Орду отнимали не менее полугода, требовали большой физической выносливости, сопровождались огромным нервным напряжением. Да и у себя дома, в Москве, великий князь Владимирский постоянно находился под наблюдением гласных и негласных ордынских соглядатаев. Даже во времена Ивана III в московском Кремле имелось ордынское подворье, где постоянно находились ханские представители.

Впрочем, Иван Калита не был, да и не мог быть домоседом. Большая часть его жизни проходила в седле,

47

в походах. Он то выколачивал «ордынское серебро» из прожившихся ростовских и ярославских князей, то страшил своенравных и прижимистых новгородских бояр, то вновь замирал непокорную Тверь.

Успехи Ивана и его сыновей во многом объяснялись тем, что в их руках было великое княжение Владимирское. Его обширные территории с большими экономическими и людскими ресурсами были поставлены на службу Москве. В 1331 г., после смерти своего соправителя князя Александра Суздальского, Калита добился воссоединения великого княжения и стал его полновластным хозяином. С тех пор московские князья мертвой хваткой держали владимирский стол. Уже Дмитрий Донской, по молодости лет чуть было не выронивший из рук великое княжение, к концу жизни гордо именовал его своей «отчиной», то есть бесспорным, наследственным владением. Сохраняя за собой великое княжение, Калита одновременно расширял свои владения с помощью покупки в Орде ярлыков на право управления городами и целыми областями. Так, он «прикупил» Углич, Галич и Белоозеро. Через эти края московский князь тянется к пушным богатствам русского Севера, где издавна хозяйничали новгородцы. Меха, «мягкое золото», были важнейшей статьёй торговых доходов Руси. Их охотно принимали в качестве дани и подарков ордынские правители.

Покупая целые княжества, Калита не гнушается и более мелкой добычей. В ростовской земле известны в это время села, принадлежащие московскому князю. Такие островки московских владений быстро становились плацдармом для дальнейшего «освоения» края московскими феодалами.

Источники не дают оснований говорить о сколько-нибудь активной поддержке, оказанной митрополитом Феогностом московским князьям при решении этих важнейших вопросов их внутренней политики. Впрочем, есть один эпизод, который обычно приводят как пример помощи Феогноста Ивану Калите. В 1329 г. Калита безуспешно пытался заставить псковичей выдать ему для отправки к ханскому двору опального князя Александра Михайловича Тверского. Псковичи, не боявшиеся никого, «кроме Бога и св. Троицы», и к тому же недавно построившие еще один пояс город-

48

ских каменных стен, деятельно готовились к борьбе с москвичами и их союзниками новгородцами. Трудно сказать, чем закончился бы этот конфликт. Однако в дело вступил митрополит Феогност. Он как раз собирался отправиться в Орду и потому стремился продемонстрировать свою лояльность по отношению к хану, приняв участие в преследовании Александра Тверского, которое велось по приказу Узбека. Митрополит своей властью запретил церковную службу во Пскове до тех пор, пока жители не перестанут поддерживать тверского князя. Храбрых псковичей не остановила и эта мера. Однако дальновидный князь Александр не

захотел открыто оскорблять митрополита неповиновением и уехал в Литву. При этом в залог скорого возвращения он оставил во Пскове свою княгиню. В сущности, это была тонкая игра двух опытных политиков: князь своим смирением оказал услугу новому митрополиту, укрепил его авторитет в глазах русских и Орды. Оценив этот жест Александра, митрополит никогда более не предпринимал против него каких-либо враждебных действий. Уже через полтора года, когда стих ханский гнев, Александр вернулся во Псков, княжил здесь и даже приезжал в Тверь, хотя формально все еще находился под отлучением.

Вся эта история служит ярким образцом дипломатической ловкости митрополита, его византийской изворотливости в сложных положениях. Что касается его мнимой «помощи» московскому князю, то здесь уместно вспомнить, что уже в 1336 г. князь Александр принял от Феогноста «благословение и молитву». Возвращение князя-изгнанника в лоно церкви послужило прелюдией к его политическому «воскресению». Вскоре он отправился в Орду, где получил свою «отчину» — тверское княжение. Это было крупным поражением Ивана Калиты. Одним из виновников этого поражения был «надежный помощник» московского князя — митрополит Феогност.

История русской церкви знает немало примеров открытого вмешательства иерархов в политическую борьбу. Однако такие случаи все же были скорее исключением, чем правилом. Гораздо чаще клинок политической интриги прятали под пышными одеяниями богословия. Быть может, и митрополит Феогност, сохраняя внешнюю беспристрастность, помогал московским кня-

49

зьям исподволь, в области идейной борьбы, где главным оружием служили религиозно-политические теории? Проверим это предположение на конкретном историческом материале. Важнейшим событием московской жизни конца 20-х — начала 30-х годов XIV в. была постройка в Кремле (или как тогда говорили — Кремнике) трех каменных храмов и небольшого храма-придела, примыкавшего к Успенскому собору. Это строительство произвело сильное впечатление на современников необычайным для того времени размахом.

Каково же было идейно-политическое значение этого строительства? Как отнесся к нему митрополит Феогност?

Историки давно связывали «храмоздательство» со стремлением Ивана Калиты утвердить в Москве митрополичью кафедру, привлечь на свою сторону нового главу русской церкви. Однако каменные храмы, возведенные Иваном Калитой в московском Кремле, — не просто «приманка» для митрополита. Князь Иван, пользуясь необычайно благоприятной для Москвы политической ситуацией, создал в своей столице своего рода общерусский архитектурный «пантеон». В 1329—1333 гг. к храму Успения Богоматери прибавились храмы в честь двух других главнейших образов христианства вообще и русского православия в частности — Спаса и Михаила архангела. Тогда же были построены храм в честь Иоанна Лествичника и храм-придел Поклонения веригам апостола Петра.

Конечно, Иван Калита не знал, сумеет ли он своим строительством расположить к себе митрополита, который вел свою собственную, во многом противоположную московской политическую игру. Возводя свои белокаменные храмы, князь работал прежде всего для будущего. Заявка, сделанная постройкой Успенского собора, подтверждалась и подкреплялась новым строительством. Москва стараниями Калиты превратилась в крупнейший религиозный центр еще до того, как стала местопребыванием «митрополита Киевского и всея Руси».

Известный историк древнерусского искусства Н. Н. Воронин говорил о «публицистическом» значении постройки некоторых храмов XIV—XV вв. Пользуясь этим выражением, можно сказать, что своим пуб-

50

лицистическим звучанием строительство Калиты утверждало первенство Москвы в русских землях и было обращено не к одному лишь греку-митрополиту, но ко всей Северо-Восточной Руси. Каждая деталь — посвящение, день закладки и день освящения храма — тщательно обдумывалась, имела строго «прицельный» характер. Не случайно летописцы, пропускавшие порой целые пласты событий, бережно хранили, переносили из свода в свод эти на первый взгляд незначительные даты. Расшифрованные с помощью церковного календаря — месяцеслова, они оказываются символическим выражением важнейших религиозно-политических идей ранней Москвы.

Весьма странную для «надежного помощника» московских князей позицию занял по отношению к

кремлевскому строительству митрополит Феогност. Летописи обычно отмечают присутствие главы церкви при закладке или освящении храма. В данном случае есть известие лишь об участии Феогноста в освящении Архангельского собора 20 сентября 1333 г. На это, однако, была особая причина. Храм во имя предводителя небесного воинства архангела Михаила был освящен в день памяти князя-мученика Михаила Черниговского, казненного в 1246 г. в ставке Батые за отказ поклониться местным святыням.

Одной из главных забот Феогноста была борьба за сохранение под своей властью православных епархий Юго-Западной Руси, где с помощью местных князей постоянно появлялись самозванные, а иногда и признанные патриархом митрополиты-конкуренты.

Культ Михаила Черниговского был широко распространен как в Юго-Западной, так и в Северо-Восточной Руси. Его центрами были Чернигов, Брянск и Ростов, где княжили потомки Михаила. Чествование памяти Михаила утверждало мысль о единстве русской митрополии.

Для московского князя Ивана Даниловича культ Михаила Черниговского имел совершенно иной, но не менее актуальный политический интерес. Имя князя Михаила в сознании народа символизировало готовность к самопожертвованию, непокорность Орде. Освящение храма 20 сентября было и поминовением погибших от рук «поганых», и обещанием отомстить за них.

Выбрав для освящения Архангельского собора

51

именно эту дату, Иван Калита языком религиозных символов высказал одну очень важную для московского дела идею — идею сопротивления. В этом решении Калиты отчетливо прозвучала та самая антиордынская нота, которой доселе так не хватало московской политике.

Освящение Архангельского собора в 1333 г. — один из тех случаев, когда митрополит, преследуя свои собственные цели, объективно сыграл на руку московским князьям. Однако таких случаев было очень немного. Судя по летописям, Феогност не считал нужным почтить своим присутствием закладку и освящение всех остальных сооружений, возведенных Калитой в московском Кремле. По-видимому, он даже не считал Москву своей постоянной резиденцией. Выстроив в 1330 г. Спасский собор в Кремле и задумав основать при нем монастырь, Иван Калита вынужден был послать к Феогносту, находившемуся тогда на Волыни, своих послов за благословением. Если бы строительная деятельность Ивана разворачивалась с ведома и одобрения митрополита, такое заочное благословение было бы излишним.

Не надеясь на помощь митрополита, московские князья создавали собственные центры литературной и религиозно-политической работы. Еще в последней трети XIII в. князь Даниил Александрович основал в излучине Москвы-реки монастырь, собор которого посвятил своему «небесному покровителю» Даниилу Столпнику. Даниловский игумен получил звание архимандрита, означавшее старшинство данной обители среди других окрестных монастырей.

Иван Калита, основав в Кремле Спасский монастырь, передал его настоятелю звание архимандрита. Спасский монастырь стал придворной княжеской «богомольней». Здесь готовились кандидаты на высшие церковные должности. Вероятно, именно здесь был создан московский летописный свод 1330 г.⁸

В княжеских и боярских монастырях работали «сказатели книг», создатели первых московских религиозно-политических теорий. Пользуясь материальной поддержкой и покровительством московской знати, монастырские «старцы» со временем превратились в особый, влиятельный отряд церковных сил, с которым приходилось считаться и самому митрополиту.

52

После гибели своего давнего соперника князя Александра Михайловича Тверского, казненного в Орде вместе с сыном Федором в 1339 г., Калита вновь, как и в конце 20-х годов, почувствовал себя полным хозяином положения. Он поспешил использовать благоприятную обстановку для продолжения кремлевского строительства. На сей раз речь шла о перестройке старой московской крепости. Зимой 1339—1340 гг. Москва была окружена мощными дубовыми стенами. Это строительство также отразило некоторые религиозно-политические идеи своего времени. Новый Кремль был заложен 25 ноября 1339 г. По церковному календарю это был день памяти Климента, папы римского. Один из первых епископов-христиан, Климент был сослан в Крым, где трудился в херсонесских каменоломнях. Культ Климента был тесно связан с традициями Киевской Руси. Князь Владимир, «креститель Руси», перенес мощи Климента из Херсонеса (Корсуня) в Киев и поместил их в Десятинной церкви. По-видимому, именно в пределе Климента, в одной из боковых папертей Десятинной церкви, Владимир и был похоронен. Закладка московской крепости в день памяти Климента символизировала историческую преемственность Москвы от Киева. Источники не сообщают о каком-либо участии митрополита Феогноста в создании нового московского

Кремля.

Постройка новой московской крепости была последним делом Ивана Калиты, своего рода итогом его многогрешной и многотрудной жизни. Он скончался 31 марта 1340 г., приняв незадолго до смерти монашеское имя Ананий. Ушел в «мир иной» один из выдающихся строителей Московского государства. Калита ■ был истинным сыном своего жестокого времени. С точки зрения абстрактной морали это был человек далеко не привлекательный. Но было бы исторически несправедливым рисовать его портрет одними лишь черными красками — портрет скопидама, ханского раба и палача. Обратим внимание хотя бы на то, как рос он вместе со своей властью, со своей землей. Из бессловесного помощника разбойного Юрия Даниловича Иван со временем превратился в политического деятеля общерусского масштаба. Внук Александра Невского не только по крови, но и по духу, он строил Москву, собирал Русь. На его долю досталась черновая работа

53

закладки фундаментов. Не будем же слишком презирать его за то, что руки его не совсем чисты. В небольшом каталоге добродетелей Калиты не забудем и о том, что это был человек идеи. Он дал московскому делу знамя, вдохнул в него душу. Своим глубоко практическим умом он сумел осознать необходимость духовного начала, которое, словно известь, скрепило бы стены и своды здания русской государственности. Таким духовным субстратом в то время могла быть только вера в богоизбранность Москвы, особое религиозное воодушевление, превращавшее деятельность московских князей в служение. Поняв это, Калита перестроил свою жизнь в соответствии с самыми строгими требованиями официальной христианской морали. Он стал набожен до мелочности. Не было такого нищего в Москве, который не получил бы подавания из его денежной суммы — «калиты». Кстати, именно этим «нищелюбием», а отнюдь не скупостью он заслужил свое прозвище. Всем своим детям Иван давал только церковные, христианские имена. У самого княжеского дворца Калита устроил монастырь, близость которого, несомненно, повлияла на весь уклад придворной жизни. Летопись не случайно называет его «ревнителем иноческого жития», который ни дня, ни ночи, ни единого часа не мог оставаться без «божественных словес». В грамотах Ивана Калиты впервые появляется так называемая «богословская преамбула» — «я, грешный худой раб божий Иван...»⁹. Словом, Иван Калита сам стал первым истовым служителем в том храме московской «святости», который он задумал возвести. Он зажег ту негасимую свечу, которая так явственно мерещилась перед смертью сыну Калиты князю Семену Гордому, что он велел дьякам написать о ней в завещании. Князь умолял своих наследников на московском престоле жить в мире и согласии, чтобы не угасла заветная свеча — символ святости московского дела.

Князь Семен Иванович, прозванный Гордым, твердой рукой продолжил дело отца. Он сумел осадить многочисленных недругов Москвы, надеявшихся после смерти Калиты освободиться от ее властной опеки. Летопись рисует Семена человеком смелым, решительным и в то же время — расчетливым, дальновидным, хорошо усвоившим уроки отцовской дипломатии. Его отношения с митрополитом Феогностом, по-видимому,

54

были довольно напряженными, постоянно на грани открытого конфликта. Молодого князя раздражали стремление митрополита уклониться от решения общерусских задач, его демонстративный политический нейтралитет.

В середине 40-х годов Семен Гордый организовал роспись всех выстроенных Калитой кремлевских храмов. Это было выдающееся по своему идейному значению предприятие. Оно осуществлялось в условиях, когда новый ордынский правитель хан Джанибек стремился ослабить московское княжество, поощрял его политических противников. После смерти Калиты из состава великого княжения Владимирского по воле Орды было изъято Нижегородское Поволжье. Неудачно для Москвы складываются отношения с Великим Новгородом. Усиливается натиск Литвы на русские земли. Роспись кремлевских соборов должна была поднять престиж Москвы, ее роль как религиозного центра. Участие митрополита в этих работах было весьма ограниченным. Его придворные мастера-греки за один летний сезон расписали Успенский собор. Все остальные храмы украшали стенописями русские мастера. Их работа оплачивалась из средств великокняжеской семьи. В сообщении летописца об этих работах сквозит сочувствие к русским мастерам, замешкавшимся с росписью Архангельского собора «величества ради этого храма», и почтительно-холодное отношение к митрополичьим мастерам-грекам.

Одной из главных причин напряженности в отношениях между великим князем Семеном Гордым

и митрополитом было столкновение их финансовых интересов. Освобождение «церковных людей» от ордынских даней и повинностей вело к тому, что многие крестьяне и горожане, желая облегчить свою участь, различными путями переходили в этот привилегированный разряд населения. В результате численность налогоплательщиков уменьшалась, в то время как общая сумма «ордынского выхода», за сбор которого отвечал князь, оставалась прежней. Отчаявшись решить дело полюбовно, Семен Гордый решил добиться своего путем интриг в Орде. Под 1343 г. новгородская летопись сообщает, что митрополит Феогност «ходил в Орду к поганому Царю Джанибеку. И оклеветали его перед царем ка-лантаи. (Тюркское слово «калантай» обычно перево-

55

дят как «сборщик податей»). Возможен и другой перевод: «вельможа», «знатный человек». — Н. Б.) И разграбили имущество митрополита, а самого его схватили и стали мучить. И говорили ему: «Давай дань ежегодную!» Но он на это не согласился. И, раздав посулов 600 рублей, вернулся на Русь невредим»¹⁰.

По мнению историка М. Д. Приселкова, в 1343 г., несмотря на все усилия митрополита, податные и судебные льготы церкви были существенно урезаны ханом. Через несколько лет финансовые споры между князьями и митрополитом вновь обострились. Отражением этих конфликтов служит грамота Тайдулы, жены хана Джанибека, выданная, по-видимому, князю-Семену Гордому во время его визита в Орду в 1347 г. По традиции, идущей со времен хана Узбека, женатого-на христианке, дочери византийского императора Андроника Младшего, старшая жена хана ведала делами христиан, считалась их покровительницей. В грамоте Тайдулы, сохранившейся в тексте Львовской летописи, вначале подтверждаются права русской церкви: «Тай-дулино слово ко всем татарам... Молебник наш, митрополит, за нас молится с первых времен и доселе. И не нужно брать с него никакой мзды, никакой пошлыны, потому что он о нас молитву творит. И что мы сказали, то все должны знать». Далее в грамоте содержится обращение ко всем русским князьям во главе с Семеном Гордым. Его смысл, сильно затемненный невнятной передачей летописца, можно понять как расширение права княжеского суда над церковными людьми¹¹.

Скрытая стеной молчания летописей неприязнь между митрополитом и московским князем вновь отчетливо проявилась в 1347 г. Семен Гордый, женившийся вторым браком на дочери волоцкого князя, вскоре отослал супругу обратно к отцу¹². После развода открылась крайне заманчивая для московского двора перспектива женитьбы великого князя на дочери казненного в 1339 г. в Орде тверского князя Александра Марье. Этот брак между детьми, родители которых люто ненавидели друг друга и один свел другого в могилу, открывал новые возможности для усиления московского влияния в Твери, для организации совместного отпора усиливавшемуся натиску Литвы.

Митрополит Феогност категорически протестовал

56

против женитьбы Семена на тверской княжне. Обычно его позицию объясняют чисто религиозными причинами: византийская церковь крайне неодобрительно относилась к третьему браку. Однако на Руси в XIV в. запрет на него был далеко не таким строгим. Известный ревнитель церковного благочестия митрополит Киприан в 1381 г. в «Ответях игумену Афанасию» фактически разрешает третий брак при условии подаяния и вкладов в церковную казну. Другой митрополит-византиец, Фотий, в 1427 г. в послании псковичам, молчаливо признавая существование «троеженцев», то есть лиц, вступивших в третий брак, советовал лишь не избирать их церковными старостами. Да и в самой Византии запрет был не столь уж нерушимым: император Константин IX Мономах, имя которого было хорошо известно на Руси, женился трижды, причем его третий брак был признан церковью и патриархом.

Противодействие митрополита третьему браку Семена Гордого ставило под угрозу смелый замысел московской дипломатии. Однако князь Семен, не даром носивший свое прозвище, решил, что называется, идти напролом. «Женился князь Семен тайком от митрополита Феогноста, — сообщает летопись. — Митрополит же не благословил его и церкви затворил»¹³. Лишь ценой щедрой милостыни, посланной константинопольскому патриарху, Семен сумел поправить положение и узаконить свой брак с Марьей Тверской.

Говоря об отношениях Феогноста с русскими князьями, следует учесть еще одно обстоятельство. Митрополит имел явную склонность к стяжательству, собиранию движимых и недвижимых имуществ. Живя в эпоху, когда закон и право постоянно отступали перед силой и произволом, он не стеснялся в средствах во имя обогащения митрополичьей кафедры и укрепления ее могущества. Он окончательно ликвидировал владимирскую епархию, взяв значительную часть ее прежней

территории в свои руки. При нем появляются обширные владения митрополичьего дома в Московском и других уездах.

Приемы церковно-административной деятельности Феогноста ярко проявились в тяжбе о Червленом Яре. Эту пограничную между двумя епархиями область митрополит в 1330 г. закрепил за рязанским епископом, но затем переменял решение и отдал ее сарайскому вла-

57

дыке. Спустя некоторое время Феогност, не смущаясь, вновь меняет решение и после личной встречи с рязанским епископом возвращает ему право на управление Червеным Яром¹⁴.

Особенно часто стонали от произвола и корыстолюбия митрополита новгородцы. Под 1353 г. новгородская летопись сообщает: «В том же году послал послов своих архиепископ новгородский Моисей в Царь-град к царю и патриарху, прося у них благословения и суда о незаконных делах, которые властью своей творит митрополит»¹⁵. Впрочем, тяжелую руку Феогноста новгородцы почувствовали гораздо раньше. В 1334 г. новгородский архиепископ Василий отправился во Владимир на поклон к митрополиту «со многими дарами». Привезенных подарков Феогносту показалось мало и он потребовал новых подношений. В 40-е годы митрополит, нуждаясь в деньгах для помощи Византии, «пожаловал», а точнее — продал новгородскому архиепископу право на особое отличие: «крестчатые ризы».

Со страниц новгородских летописей часто слышатся жалобы на митрополита. «Приехал митрополит Феогност, родом грек, в Новгород со многими людьми; тяжело было тогда владыке и монастырям кормить и одаривать их всех», — жалуется новгородский летописец под 1341 годом¹⁶. Эта фраза весьма многозначительна. Уточнение «родом грек» полно сарказма. На Руси слову «грек» часто придавали насмешливо-недоверчивый оттенок. Греки, которых знали на Руси, — церковные иерархи, дипломаты, торговцы, разного рода наемники — в массе своей были далеко не лучшими представителями своего народа. Алчные и лицемерные, они вызывали недоверие и презрение у русских. Возмущаясь коварством византийцев, автор «Повести временных лет», писавший в начале XII в., сопроводил рассказ о событиях 971 г. собственным замечанием: «И до сего дня греки остались такими же лживыми!»¹⁷. Греческие иерархи на Руси держались отчужденно и высокомерно, не стремились узнать русский язык и культуру. Даже титул свой в конце посланий и документов они требовали писать по-гречески. Их немногочисленные поучения отмечены холодной официальностью, лишены живого участия по отношению к тем, кому они адресованы. Этот забытый, нищий народ в

58

сермягах, стонущий под гнетом своих и чужеземных господ, кажется, очень мало интересовал «благородных ромеев», считавших себя прямыми потомками покоривших полмира римлян. Русские епископы, не говоря уже о низшем духовенстве, поражали ученых греков своим простодушным невежеством. Заботясь лишь о том, как извлечь из Руси побольше доходов для себя и для своей патриархии, греческие иерархи с насмешкой и презрением относились к русским святыням.

В 1351 г., по мнению некоторых историков, Феогност вновь побывал в Орде, где требовал оградить церковные имущества от посягательств со стороны князей. Вернувшись, он занемог. Как и его предшественник Петр, Феогност приехал умирать в Москву. Все дела по управлению митрополией он передал своему владимирскому наместнику Алексею, которого 6 декабря 1352 г. возвел в сан епископа.

Кончины митрополита многие ждали с нетерпением. Уже определен был его преемник, епископ Алексей, о поставлении которого московские послы договаривались с императором и патриархом еще в конце 40-х годов. В 1352 г. в Константинополь отправилось новое княжеско-митрополичье посольство с просьбой не ставить на место умиравшего Феогноста никого, кроме Алексея. Уже собраны были богатые дары, названы бояре, которым надлежало ехать вместе с Алексеем в Константинополь сразу же после смерти Феогноста. Престарелый митрополит скончался лишь 8 марта

1353 г., две недели не дожив до праздничных пасхальных колоколов. Возможно, его кончину ускорила чума, ходившая тогда по Москве.

О чем думал московский князь Семен Иванович, стоя над могилой Феогноста? Конечно, старый митрополит мало что сделал для блага Москвы. И все же у него было чему поучиться, было за что уважать. Это был человек крепкого закала. Легкий на подъем, он бесстрашно пускался в тысячеверстные путешествия. Он не раз подвергался смертельной опасности в охваченных мятежом городах, среди кровавых княжеских Усобиц. Вся жизнь Феогноста была подчинена

служению единожды избранному делу. Чистокровный грек,

59

уроженец Константинополя, где прошли его детство и юность, он до конца своих дней служил интересам Византии. И словом и делом он старался помочь обреченной на медленное умирание империи. И греки очень высоко ценили Феогноста. Император писал ему в самом почтительном тоне. Феогносту было дано исключительное право именоваться патриаршим экзархом.

Адресованные ему грамоты патриарх снабжал не восковой, а свинцовой печатью, что также было знаком особого отличия. В период торжества паламитов Феогност, известный как противник этого церковно-мисти-ческого учения, не имел никаких неприятностей **.

Каковы же были итоги 25-летнего пребывания Феогноста на кафедре «митрополита Киевского и всея Руси»? Какое политическое наследство оставил он своим преемникам?

Митрополиты Кирилл, Максим и Петр действовали в обстановке частой смены князей на великом княжении Владимирском, в обстановке крайней политической нестабильности как в Северо-Восточной, так и в Юго-Западной Руси. Митрополит Феогност 25 лет своего¹ правления имел дело всего лишь с двумя великими князьями Владимирскими — Иваном Калитой и Семеном Гордым. Оказавшись перед лицом существенно изменившейся политической системы в Северо-Восточной Руси, он должен был выработать и новую линию поведения главы церкви или же отстоять старую линию-в новой обстановке. Митрополит предпочел второй путь. Суть его линии — в намеренной отстраненности митрополичьей кафедры от политической борьбы, которую вели московские князья. Лишь в тех случаях, когда интересы сторон совпадали или же когда под угрозой оказывалось личное благополучие митрополитов, они шли на компромисс с московскими князьями. Позиция выжидательного нейтралитета, которую митрополиты-византийцы, следуя примеру Феогноста, занимали практически до самого момента установления автокефалии русской церкви в 1448 г., тормозила процесс формирования Русского централизованного государства. Именно это равнодушие Феогноста к московскому делу было главной причиной пренебрежения к его памяти со стороны московских князей, столь ярко проявившегося в загадочном на первый взгляд эпизоде 1474 г., с которого мы и начали рассказ о «забытом чудотворце».

НЕБЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Новую ты покажа тварь Зиждитель, всебла-женне Алексие, земна ангела и небесна человека».

Акафист Алексию, святителю Московскому, икос 7.

Каких только проектов не возникало в середине XIV в. в хитроумных головах византийских политиков, чувствовавших, как задыхается древняя империя в тисках османского нашествия! Одни мечтали о том, чтобы, используя русскую церковь как посредницу, натравить Золотую Орду на османов и традиционным способом уничтожить варваров руками варваров. Другим грезилось могущественное православное царство в Восточной Европе, духовными вождями которого станут греческие иерархи. Они приведут несметные силы славян и литовцев для защиты Царьграда и империи от турок. Третьи предполагали использовать русские земли как золотую монету в торговле с католическим миром: византийские иерархи, стоявшие во главе русской церкви, закрывают глаза на распространение католичества в Восточной Европе, даже первыми идут на унию с Римом, а в обмен на эти уступки папская курия организует военную помощь Византии против турок.

Ситуация усложнялась появлением в Восточной Европе быстро растущего молодого государства—■ Великого княжества Литовского. Его правители, деды и прадеды которых были закоренелыми язычниками, вели своеобразный торг, принимая то православие, то католичество. Случалось, они и вовсе сбрасывали личину христиан и безжалостно убивали проповедников «слова божьего».

К середине XIV в. литовские князья захватили

61

огромную часть территории Юго-Западной Руси, почти всю современную Белоруссию. Они контролировали Волынь, среднее Поднепровье, простирали руку над Северной Украиной. Земли бывшего Галицкого княжества были захвачены польскими феодалами. Польский король Казимир теснил Литву, получая поддержку от Венгрии и папской курии.

Одним из активных участников церковно-полити-ческой борьбы в Восточной Европе была Золотая Орда. Прищуренные глаза «кибиточных политиков» с птичьей зоркостью различали все сколько-нибудь значительные события, происходившие в тогдашнем мире. Ордынскую дипломатию сильно беспокоило усиление Литвы. Еще основатель литовского государства князь Миндовг в середине XIII в. дважды наносил поражение ордынским отрядам, вторгавшимся в его владения. Особенно окрепла и усилилась Литва в правление великих князей Гедимвна (1316—

1341) и его сына воинственного Ольгерда (1345—1377). Собственно литовские земли, Аукштайтия и Жемайт-тия, составляли лишь около 1/10 от всей территории Великого княжества Литовского в период его расцвета. Остальное — восточнославянские земли Белоруссии, Украины, Великороссии, частью захваченные литовскими князьями, а частью добровольно принявшие подданство в надежде найти таким путем защиту от набегов ордынцев и орденских рыцарей. Стратегической линией ордынской дипломатии было раздувание вражды между Великороссией и Литвой. Беспокойство Орды становится особенно понятно, если принять мнение некоторых историков о том, что объединение Великого княжества Литовского, большая часть населения которого говорила по-русски и исповедовала православие, и Великороссии в единое государство, или хотя бы возможность прочного союза между ними были отнюдь не беспочвенной мечтой, а реальной политической перспективой. Объединение этих земель под единой духовной властью митрополита Киевского и «всех Руси» было существенной предпосылкой для политического объединения. Оно способствовало поддержанию мирных отношений между московскими и литовскими князьями. Все это прямо противоречило целям ханской дипломатии.

|
62

В константинопольской патриархии господствовала традиционная точка зрения о необходимости сохранения единства русской митрополии. Однако под давлением обстоятельств греки порой вынуждены были уступать. Уже в начале XIV в. по требованию польского короля выделилась самостоятельная Га-лицкая митрополия, которую на протяжении первой половины XIV в. патриархия то упраздняла, то вновь открывала. Последний раз Галицкая митрополия была закрыта в результате настойчивых требований митрополита Феогноста в 1347 г. Рост могущества Литвы не оставлял сомнений в том, что вскоре особого митрополита потребует и князь Ольгерд.

Вопрос о путях сохранения единства митрополии сильно беспокоил Феогноста. Он предвидел, что немедленно после его кончины в Константинополь устремятся несколько кандидатов на кафедру. Победа одного из них тотчас вызовет раскол митрополии. Если же патриарх направит на Русь своего человека, отвергнув всех местных соискателей, то этому иерарху невозможно будет устоять перед дружной ненавистью его неудачливых конкурентов и их светских покровителей.

Не желая оставлять столь важное дело на волю случая, Феогност уже давно присматривал среди русских человека, который, пользуясь прочной поддержкой одного из ведущих ^политических центров, имел бы шансы быть признанным и в других частях обширной русской митрополии. Со временем мысли Феогноста все чаще обращались к московскому монаху Алексею.

Ни Петр, ни тем более Феогност не оставили столь глубокого следа в русской истории, какой суждено было оставить Алексею. Подлинные черты личности этого иерарха со временем исчезли под шелухой славословия и трафаретных эпитетов. В середине XV в. Алексей был причислен к «лику святых». Рака с его «мощами» и по сей день является одной из наиболее почитаемых святынь русской церкви. Каким же он был на самом деле, этот «земной ангел и небесный человек», как именуют его церковные песнопения?

Сын черниговского боярина Федора Бяконта, перебравшегося в Москву во второй половине XIII в.,

63

будущий митрополит был крестником самого Ивана Калиты. Год его рождения неизвестен. Вероятно, он появился на свет в самом начале XIV в. Младенец в крещении был наречен Елевферием. Это трудное для русского слуха имя в обиходе произносили проще— Алферий, Алфер.

Отец Алферия входил в число 10—12 знатнейших московских бояр, составлявших своего рода правительство, главой которого был князь. Есть сведения, что князья настолько доверяли Федору, что даже оставляли его московским наместником на время своих отлучек. Перед боярским сыном открывалась проторенная дорога военной службы. Однако Алферий избрал иной путь. Он с детства отличался религиозной экзальтированностью и одновременно живым умом, незаурядными способностями и богатым воображением. Вскоре он уходит из мира и затворяется в стенах московского Богоявленского монастыря. Здесь он принял постриг и получил монашеское имя Алексея. По традиции первая буква мирского и монашеского имени совпадали.

Богоявленский монастырь был местом пострижения московской знати. Его ктиторами были тысяцкие Вельяминовы. По некоторым сведениям, уже в 40-е годы XIV в. здесь был выстроен каменный собор.

Заметив расторопного и хорошо образованного инока, митрополит в 1340 г. назначает его своим наместником во Владимире. В конце 40-х годов Феогност вместе с великим князем Семеном

Ивановичем отправляют в Константинополь посольство, которое, передав императору Иоанну Кантакузину крупную сумму денег «на ремонт храма св. Софии», заводит речь о возведении Алексея на митрополию «всех Руси» после смерти Феогноста.

Выдвижение Феогностом Алексея в качестве своего преемника в клерикальной литературе обычно изображают как величайшее благодеяние Москве. При этом церковные авторы и те, кто разделяет их тезис, совершают ту самую ошибку, от которой предостерегал историков известный исследователь древней Руси академик С. Б. Веселовский. «Мы склонны обыкновенно по последствиям судить о предшествующих событиях, о намерениях и целях тех лиц, которые были участниками этих событий» Ч Те, кто ут-

64

верждает, будто, выдвигая Алексея, Феогност хотел услужить Москве, исходят из последствий, а именно из того, что лет десять спустя Алексей действительно активно поддержал московскую политику.

Почему же все-таки византиец Феогност выдвинул своим преемником «русича» Алексея? Прежде всего потому, что эта кандидатура не вызвала возражений со стороны Орды. Не только поддержка московской дипломатии укрепила позиции Алексея в Сарае. Ханская ставка связывала с фигурой Алексея свои собственные политические интересы. Появление митрополита-москвича, по расчетам ордынцев, должно было неминуемо привести к церковному расколу и отделению самостоятельной великорусской митрополии. Феогност понимал, чего ждет Орда от Алексея, но надеялся, что тот, став митрополитом, сумеет отстоять интересы патриархии. Поддерживая кандидатуру Алексея, великий князь Семен Иванович и бояре надеялись иметь в его лице надежного политического союзника. Однако из этого вовсе не следует, что Алексей открыто проявлял свои московские симпатии, обещал стать «духовным мечом» в руках сыновей Калиты. Митрополит Феогност, всю жизнь чуравшийся московских забот, едва ли поддержал бы Алексея в том случае, если бы видел в нем явного сторонника московских князей.

Что касается позиции самого Алексея, его сокровенных замыслов, то здесь можно сказать определенно лишь одно: будущий митрополит прекрасно умел скрывать свои мысли, умел внушать самые противоположные надежды, не давая никаких определенных обещаний. До времени это был «человек в себе», которого каждая политическая группировка надеялась использовать в своих целях.

Трудно, почти невозможно было провести старого грека Феогноста, искушенного во всех оттенках человеческой хитрости. Вероятно, Алексей и не обманывал его. Главной целью, ради которой он покинул монастырь и пустился в плаванье по бурным волнам житейского моря, было служение церкви. Именно Церковь, ее сила и могущество были альфой и омегой его политической программы, которую он ощущал как, предназначение. Алексей был одним из тех несокрушимых фанатиков православной идеи, которыми бо-

3 Н. С. Борисов

65

гато русское средневековье. Жизнь в миру была для него подвигом, добровольным послушанием, которое он нес во имя воплощения своих идеалов.

Эту суровую устремленность увидел и оценил Феогност. Понял он и то, что для русского православия, а в конечном счете и для пользы империи, этот москвич может сделать больше, чем любой самый хитроумный грек.

Весной 1353 г. в Москве царили смятение и ужас. Казалось, «черная смерть» унесет все население города. Живые не успевали хоронить умерших. Заразу разносили крысы, во множестве обитавшие в подвалах и на чердаках деревянных хором и клетей, на городских свалках и в сточных канавах. Чума не обошла и Боровицкого холма. Едва справили «сороковины» Феогноста, как при смерти лежал и сам великий князь Семен Иванович. Он отошел в вечность 26 апреля 1353 г.

Люди ушли, но события, у истоков которых они стояли, продолжались своим чередом, уже независимо от их угасшей воли. С большим трудом удалось московским послам добиться посвящения Алексея в сан «митрополита Киевского и всех Руси». В Константинополе бушевали тогда политические страсти. Положение императора Иоанна Кантакузина было настолько шатким, что он вынужден был пойти на крайность, на скандал, выдав дочь Феодору замуж за врага империи турецкого султана Орхана. Патриарх Каллист обвинил Кантакузина в том, что он использовал полученные от русских на ремонт храма св. Софии деньги в качестве приданого своей дочери. Вскоре патриарх переметнулся на сторону соперника Кантакузина императора Иоанна Палеолога. Озабоченные собственными политическими интригами, греки не спешили с утверждением русского митрополита. Их 'настораживало также известие о кончине великого князя Семена Ивановича. Лишь после того как брат Семена Иван Иванович Красный был утвержден

Ордой на великом княжении Владимирском и прислал патриарху грамоту с требованием поскорее поставить Алексея, дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки. 25 марта 1354 г. Иван Красный сел на великое

66

княжение во Владимире, а 30 июня того же года Алексей получил, наконец, из рук патриарха Фило-фея настоятельную грамоту, именовавшую его «митрополитом Киевским и всея Руси». В грамоте говорилось, что Алексей признан митрополитом лишь в виде исключения, тогда как обычный порядок требует, чтобы этот пост занимал урожденный грек, из числа патриарших клириков².

Живя в Константинополе, митрополит не терял времени даром. Еще на Руси изучив греческий язык, он использовал вынужденный досуг для подготовки собственного перевода Евангелия на русский язык. О чем думал он тогда, в начале своего пастырского служения, вчитываясь в каждое слово древней книги? «Вот, я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (ОтМатф., 10, 16).

Но не одни лишь благочестивые занятия и размышления занимали время Алексея в Константинополе. Он сумел решить с патриархом целый ряд церковно-политических вопросов. Добившись причисления к «лику святых» трех литовцев, казненных по приказу князя Ольгерда в 1347 г. за приверженность православию, Алексей получил духовное оружие против своего врага. В эти же месяцы томительного ожидания, во время долгих, тягучих бесед с патриархом Филофеем Алексей убедил главу православной церкви признать перенос резиденции «митрополита Киевского и всея Руси» из Киева во Владимир-на-Клязьме. Наконец, Алексей заинтересовал патриарха рассказами о «дивном старце», суровом подвижнике Сергии, основавшем монастырь в густых лесах к северу от Москвы. Филофей направил Сергию грамоту с благословением и советом ввести в монастыре общежительный устав по образцу византийских киновий³.

Осенью 1354 г. Алексей вернулся на Русь. По дороге домой он едва не погиб, когда корабль, на котором он плыл, попал в сильный шторм. В минуту крайней опасности митрополит дал обет построить Церковь в честь того святого, в день памяти которого он вступит на землю. Это случилось 16 августа, на праздник знаменитой константинопольской иконы Спаса

Нерукотворного. Выполняя обет, Алексей впо-3*

67

следствии основал близ Москвы, на берегу Язвы монастырь с храмом в честь Спаса. Его первым игуменом был монах по имени Андроник. Интересно, что, еще в XIV в. ручей, протекавший в овраге вблизи Спасо-Андроникова монастыря, получил громкое имя — Золотой Рог, по названию бухты, на берегу которой располагался Константинополь.

Первые годы своего управления русской церковью Алексей провел в постоянных разъездах. Зимой 1354—1355 гг. он «принимал дела» в Киеве. Среди прочих дел он не забыл учредить в Софийском соборе чествование памяти «трех литовских мучеников». Между тем город уже с 1321 г. находился под властью литовских князей. Поздней весной 1355 г., когда просохли дороги, Алексей отправился обозревать епархии Юго-Западной Руси.

Втянувшись в крайне запутанные дела православной церкви во владениях литовских князей и польского короля Казимира III (1333—1370), Алексей стал на тернистый путь борьбы «на чужой территории». Судьба уже готовила ему первый **тяжелый** удар. Летом 1355 г. в Константинополе вернувшийся из ссылки патриарх Каллист поставил на Русь еще одного митрополита — Романа. Этот иерарх был по происхождению тверич, родственник второй жены князя Ольгерда Юлиании (Ульяны) Александровны Тверской. Именно Ольгерд убедил патриарха поставить Романа митрополитом для православных епархий Великого княжества Литовского. В случае отказа литовский князь грозил принять католичество. Константинопольский патриарх, потерявший к этому времени власть над православными церквями Болгарии и Сербии, не захотел вступать в конфликт с правителем Литвы.

Столицей владений митрополита Романа стал Новгородок-Волынский. Ему подчинились туровская и полоцкая епархии. Своей первоочередной задачей Роман считал изгнание Алексея из Киева. Осенью 1356 г. по требованию Романа патриарх вызвал Алексея в Константинополь для уточнения границ его владений. Патриаршьи послы застали Алексея в сентябре 1356 г. уже в Москве. Отсюда через Орду, где Алексей совершил «чудесное исцеление» ханши Тай-дулы, митрополит направился на Босфор.

68

Суд в Константинополе превратился по существу в своего рода аукцион, на котором продавалось звание «митрополита Киевского и всея Руси». В итоге Алексей дорого заплатил за его сохранение,

Роман еще дороже — за приобретение. Раскол митрополии сохранялся. Оба митрополита, неся большие убытки, посылали на Русь своих представителей для сбора дани в одних и тех же епархиях.

В 1357 г. Алексей вернулся в Москву, затем совершил еще одну поездку в Орду. Здесь в июне 1357 г. он получил ярлык от хана Бердибека. Этим ярлыком Орда, благоволившая к Алексею, восстанавливала привилегии русской церкви во всей их полноте, какими они были при ханах Тохте и Узбеке⁴. В самом начале 1358 г. Алексей покидает Северо-Восточную Русь и едет в Киев, не желая допустить утверждения там Романа. Мечта о сохранении единой митрополии по-прежнему владела Алексеем, гнала его навстречу явной опасности.

Поездка в Киев едва не стоила Алексею жизни. Схваченный по приказу Ольгерда, митрополит около двух лет провел в темнице. Орда, где в это время кипела жестокая междоусобица, не смогла оказать своему «молебнику» никакой помощи. Впрочем, и сама идея единой митрополии, за которую сражался Алексей, как уже известно читателю, не встречала у ордынской дипломатии особого сочувствия. В сущности, это была чисто византийская идея, которая даже у московских князей вызывала по меньшей мере двойственное отношение. Последующие события показали, что свой, «управляемый» митрополит, признанный и действующий только в Великороссии, был для них гораздо нужнее, чем бродячий иерарх-византиец, благодаря политической эквилибристике сидящий одновременно на двух или даже трех «стульях» — московской, литовской и галицкой кафедрах.

За первые пять лет своего митрополичества Алексей не оказал Москве никаких политических услуг. Это был совсем не тот воинственный «москвич», который позже, в 60-е годы, горой стоял за ее интересы. В 50-е годы Алексей, следуя заветам Феогноста, боролся за целостность русской митрополии, апеллируя к Орде и патриарху как высшим инстанциям. Он избегал открытого вмешательства в политические дела

69

и лишь однажды без особого успеха выступил в роли миротворца, пытаясь погасить ссору тверских князей.

В первой половине 1360 г. Алексей с помощью своих тайных друзей бежал из литовского плена. 12 июля 1360 г. он уже был во Владимире-на-Клязьме, где поставил на кафедру новгородского владыку Алексея.

Вернувшись в Великороссию, митрополит оказался перед лицом совершенно иной, чем в середине 50-х годов, политической обстановки. Орда уже несколько лет сотрясалась жестокими междоусобицами. Русский летописец под 1357 годом не без удовольствия записал: «Началась в Орде замятия великая». Другой летописец уточнил, также не без злорадства: «Замятия в Орде не перестала, но только сильнее разгорелась»⁵. За период с 1357 по 1381 г. на престоле Золотой Орды сменилось 25 ханов⁶. Под натиском соседних государств уменьшалась территория Орды.

Упадок Золотой Орды шел одновременно с усилением Великого княжества Литовского. Около 1356 г. Ольгерд овладел Брянском, в 1362 г. окончательно утвердился в Киеве, в 1364 г. отобрал у поляков Подолию. Воодушевленный успехами Ольгерда, митрополит Роман активно наступает на позиции Алексея. Оттеснив его за Оку, Роман пытается получить признание и «в самой Великороссии». В 1360 г. он прибыл в Тверь и некоторое время прожил здесь. Тогда же литовский отряд совершает набег на митрополичью вотчину — городок Алексин на Оке. Роман явно стремится овладеть Алексином, считая его собственностью «митрополита Киевского». В любой момент против власти Алексея могли взбунтоваться новгородцы. Еще в 1352—1353 гг. они отправляли к патриарху посольство, жалуясь на произвол со стороны Феогноста и протестуя против московских планов возведения на кафедру Алексея. Тогда патриарх с трудом сумел успокоить новгородцев, наградив архиепископа Моисея крестчатыми ризами, ранее отобранными у него Феогностом. Имея давние связи с Литвой, новгородцы с интересом наблюдали за успехами митрополита Романа.

Но более всего Алексея тревожило то, что Москва, его родина и опора, не могла уже вступить,

70

стать горой за митрополита, выдвижение которого стоило ей стольких хлопот и затрат. В правление Ивана Красного Москва переживала тяжелые времена внутренних неурядиц. Престиж московского князя упал. Сбывались слова Семена Гордого, предупреждавшего братьев об опасности боярских крамол. В 1357 г. дело дошло до политических убийств, массовых отъездов бояр из Москвы.

Положение еще более осложнилось после кончины 13 ноября 1359 г. великого князя Ивана Ивано-

вича. На московском престоле оказался его девятилетний сын Дмитрий. Воспользовавшись этим, суздальский князь Дмитрий Константинович получил от одного из ордынских правителей ярлык на великое княжение и 22 июня 1360 г. торжественно въехал во Владимир. Митрополит Алексей признал нового великого князя. Однако уже тогда он вынашивал совсем иные планы.

Правление малолетнего Дмитрия, как это часто случалось в истории России, ознаменовалось вспышкой вражды между боярскими кланами. Политические разногласия бояр сочетались с острым соперничеством на почве местничества и личных счетов. При московском дворе выходцы из юго-западных русских земель соседствовали с бывшими ростовскими боярами, коренные москвичи — с недавними тверичами, ордынские «царевичи» — с опальными литовскими князьями. Каждый боярский род стремился занять при дворе положение не менее видное, чем то, которое он занимал до отъезда в Москву.

Трезво оценивая создавшееся к лету 1360 г. положение, Алексей не мог не видеть, что он стоит перед необходимостью выбора: либо, следуя заветам Феогноста, отстраниться от политической борьбы и терпеливо ждать ее исхода, либо всецело поддержать московского князя. Первый путь был для Алексея, пожалуй, даже более опасным, чем второй. И успехи митрополита Романа, и утверждение во Владимире Дмитрия Суздальского, и возможная победа враждебной боярской группировки в ближайшем будущем грозили ему, ставленнику московского князя и выходцу из рода Бяконтовичей, потерей кафедры.

Несомненно, сильное давление на Алексея в этот период оказывали его земляки и родственники —

71

влиятельный клан киево-чернигово-брянских выходцев, обосновавшихся в Москве. Отец Алексея в свое время был, по-видимому, главой этого «землячества». Уговоры и поддержка родичей укрепили решимость Алексея, позволили ему взять на себя роль неофициальной главы московского боярского правительства.

На выбор Алексея повлияли и те черты его характера, которые отчетливо проявились уже в первые годы митрополичества — решительность, вера в собственные силы и предназначение, умение привлекать к себе людей. Случай, редкое стечение политических обстоятельств давали возможность митрополиту сыграть совершенно особую роль в истории русской церкви и государства. И Алексей не упустил этой возможности.

Стремясь прикрыть от посторонних глаз далеко не христианские причины своего прихода к «мирской» власти, Алексей создает легенду о том, что князь Иван Иванович перед смертью якобы просил его стать опекуном малолетнего Дмитрия, регентом и главой правительства. В действительности этого быть не могло. В момент кончины Ивана митрополит находился в плену у Ольгерда и никто не мог сказать, когда он оттуда выйдет, да и выйдет ли вообще. Легенду о своем обещании умиравшему князю Ивану митрополит излагал и в грамотах к патриарху, стремясь оправдать свое деятельное участие в политической борьбе.

Едва ли была хотя бы одна крупная задача московской политики в 60-е годы XIV в., в решении которой не принимал участия митрополит Алексей. Духовная власть стала в его руках грозным оружием в борьбе за торжество московского дела.

Уже в 1362 г. долгожданный ветер удач вновь наполнил паруса московского корабля. В этом году ордынский хан Амурат выдал ярлык на великое княжение Владимирское 12-летнему Дмитрию Московскому. Посланные из Москвы рати выбили Дмитрия Суздальского из Владимира. В 1363 г. с помощью ордынского отряда он вновь захватил город. Однако всего через неделю суздальский князь был еще раз

72

изгнан оттуда москвичами и осажден в своей удельной столице. В итоге он вынужден был отказаться от претензий на Владимир.

В том же 1363 г. вспыхнула усобица между Дмитрием Суздальским и его младшим братом Борисом, незаконно захватившим Нижний Новгород. Московское правительство поспешило сыграть на удельных распрях Константиновичей. Оно явно искало сближения с одним из них. Осенью 1363 г. митрополит Алексей направил к князю Борису своих послов — архимандрита Павла и игумена Герасима, вызывая его на суд в Москву. Борис отказался ехать к митрополиту. Тогда послы Алексея воспользовались своими полномочиями и запретили церковную службу в Нижнем Новгороде. Устрашенный князь принужден был пойти на компромисс и отправить в Москву для переговоров своих бояр.

В 1364 г. митрополит Алексей вновь отправляет в Нижний Новгород своего представителя, на этот раз — игумена Сергия Радонежского. Столкнувшись с отказом Бориса выполнить требования

московского правительства, Сергей именем митрополита затворяет церкви во всем городе. Одновременно на помощь Дмитрию Суздальскому была послана московская рать. Князь Борис вынужден был отступить. Он оставил старшему брату Нижний Новгород, а сам уехал жить в Городец.

В ходе этой усобицы митрополит действовал решительно и властно. Он лишил епархии нижегородского владыку Алексея и взял суздальско-нижегородские и городецкие земли в свое личное церковное управление. Своим опорным пунктом в «благоприобретенном» крае митрополит сделал нижегородский Благовещенский монастырь.

Убедившись в том, что с Москвой выгоднее дружить, чем враждовать, Дмитрий Суздальский в 1364 г. добровольно отказался от ярлыка на великое княжение Владимирское, присланного ему из Орды. Он заключил с Москвой политический союз, который был скреплен династическими узами. 18 января 1366 г., в воскресенье, в Коломне была сыграна свадьба московского князя Дмитрия и дочери Дмитрия Константиновича Суздальского Евдокии.

Есть сведения, что в период междукняжеских

73

столкновений 1362—1364 гг. митрополит Алексей обнажал «меч духовный» и против ростовских князей, пытавшихся освободиться из-под власти Москвы. В качестве митрополичьего посла в Ростов был направлен игумен Сергей Радонежский. Подробности его миссии неизвестны, однако в сочетании с известием о приближении московской рати проповедь Сергия имела несомненный успех. Враждебный Москве князь Константин Васильевич покинул Ростов и уехал жить в Устюг. Выступая в роли руководителя и вдохновителя московской политики, митрополит Алексей должен был рано или поздно вступить в острый конфликт с Тверью. В первой половине 60-х годов, когда главной военно-политической задачей Москвы было получение великого княжения Владимирского и подчинение суздальско-нижегородских князей, Алексей держался по отношению к Твери весьма сдержанно, а в нейтральных вопросах даже дружелюбно. В 1361 г. он лично приезжал в Тверь на поставление нового епископа Василия, в 1364 г. окрестил в Твери «литвин-ку» — дочь князя Ольгерда. В 1366 г. Алексей поручил тверскому епископу Василию выступить посредником в очередном удельном споре местных князей.

В середине XIV в. Тверь не имела сил для открытой борьбы с Москвой. В отличие от московских князей, редко ссорившихся друг с другом, потомки Михаила Ярославича Тверского сотрясали свой общий дом непрерывными междоусобными войнами. Пылкий политический темперамент, гордость, переходящая в заносчивость, были наследственными чертами большинства тверских князей. Окруженные со всех сторон сильными соседями, надломленные психологически кровавым террором Орды, они с яростью принялись истреблять и преследовать друг друга.

Был и еще один, весьма неблагоприятный для Твери фактор. В то время как в московском княжестве после губительного «дуновения чумы» к 60-м годам¹ XIV в. уцелело всего лишь три князя-отрока: Дмитрий Московский, его младший брат Иван (умерший в 1364 г.) и Владимир Серпуховской, в тверском княжестве, напротив, было слишком много претендентов на власть. Тверское княжество длинной полосой тянулось вдоль Волги, по форме слегка напоминая лод-

74

ку, нос которой был устремлен на северо-восток, а корма — на юго-запад. В этой в общем-то небольшой лодке теснились более десятка больших и малых князей. Среди них наибольшую известность получил князь Михаил Александрович, ставший одним из самых видных правителей средневековой Твери. Рано оставшись без отца, погибшего в Орде в 1339 г., Михаил воспитывался в Новгороде, при дворе умного и образованного архиепископа Василия Калики. Со временем Михаил вернулся в тверские земли, где получил собственный удел — городок Микулин в среднем течении Шоши. Кипучая энергия, честолюбие, отличавшие Михаила, вскоре толкнули его на борьбу; со своими старшими сородичами. С середины XIV в. не только обладатель владимирского княжения, но и некоторые другие князья присвоили себе титул «великий». В 1365 г. Михаил становится «великим князем Тверским».

В 1366 г. Михаил завладел большинством вотчин своих умерших от чумы братьев. Из оставшихся в живых родичей лишь клинский князь Еремей Константинович представлял для Михаила серьезную опасность. Поддержка моковской дипломатии позволила Еремею еще несколько лет бороться с Михаилом⁷.

Сосредоточение тверских уделов в руках самостоятельного, энергичного князя Михаила сильно обеспокоило московское боярское правительство и его главу митрополита Алексея. Старый способ борьбы с Тверью — уничтожение ее князей руками ордынских ханов — в новой обстановке был невозможен. Ордынские правители были заняты собственными усобицами и не

имели сил для новой расправы с тверичами. Приходилось делать ставку на внутренние распри тверских князей.

В 1367 г. вспыхнул спор между Михаилом и его соперниками о судьбе выморочного удела князя Семена Константиновича Дорогобужского. По завещанию покойного его владения должны были перейти к Михаилу, по традиционному праву наследования — к родному брату Еремею Константиновичу. Тверской епископ Василий, к суду которого обратились князья, решил дело в пользу Михаила. Тогда враги Михаила обратились за помощью к Москве. Митрополит Алек-

75

сей отменил решение тверского владыки, а его самого вызвал в Москву для объяснений. В митрополии епископа ожидали «истома и протор велик». Одновременно московское войско, приглашенное соперниками Михаила, вошло в тверские земли, разорило волости Михаила и тверской епископской кафедры. С помощью москвичей князья Еремей и Василий Кашинский одержали победу над Михаилом.

Начиная эту войну, московские руководители надеялись на легкую победу над Михаилом и захват некоторых тверских волостей. Однако закинув удочку на пескаря, они вытащили зубастую щуку. Михаил обратился за помощью к великому князю Литовскому Ольгерду, женатому на его сестре Ульяне. Осенью

1367 г. Михаил вернулся в тверские земли с литовской ратью. Он разгромил войска соперников, взял в плен жену Еремея и почти всех бояр Василия Кашинского, двинулся с войском к Кашину. Лишь новое вмешательство тверского епископа положило конец военным действиям.

В летописи, принадлежавшей некогда патриарху Никону и оттого получившей название Никоновской, после рассказа о войне 1367 г. сохранилась интересная вставка: собственное суждение летописца. В нем слышится взволнованный голос современника событий, осуждавшего княжеские усобицы, с горечью вспоминавшего библейскую легенду о происхождении всех людей от общего «праотца» Адама. «И радовались (прекращению войны.— *Н. Б.*) бояре княжеские, и все вельможи, и гости, и купцы, и все работные люди, роды и племена Адамовы. Ведь все они — один род и племя Адамово. Цари, и князья, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремесленники, и работные люди — один род и племя Адамово. И забыв о том, друг на друга враждуют, и ненавидят, и грызут, и кусают, отрекаясь от заповедей божьих любить ближнего своего как самого себя»⁸.

Как бы в ответ на успехи Михаила зимой 1367—

1368 гг. в Москве было начато строительство белокаменной крепости. Это было новым словом в оборонном зодчестве Северо-Восточной Руси. В домонгольский период князья довольствовались деревянными «градами» и не имели особенной потребности в каменных цитаделях. После установления ордын-

76

ского ига каменное строительство было невозможно из-за тех подозрений, которое оно тотчас вызвало бы у ханской ставки. Как только в Орде разгорелась «замытия» и контроль с ее стороны ослаб, мысль о каменном строительстве стала реальной. Есть сведения, что инициатором постройки московской каменной крепости был сам митрополит Алексей.

Огромные по размаху строительные работы, осуществленные зимой 1367—1368 гг., резко повысили военный потенциал Москвы. Опясавшись каменными стенами, москвичи почувствовали себя гораздо увереннее. Летописец, выражавший настроения тверских феодалов, записал под 1367 годом: «В том же году в Москве начали строить каменную крепость. И надеясь на свою великую силу, князей русских начали приводить в свою волю. А на тех, которые не захотели повиноваться их воле, стали посягать злобою»⁹.

Укрепляя Москву, бояре не оставляли мечты о наиболее простом решении тверского вопроса — физической расправе с князем Михаилом Александровичем. Среди традиций московского двора не последнее место занимала склонность к интриге, политическому убийству. Ордынская жестокость в сочетании с византийским коварством глубоко врезались в характер потомков Ивана Калиты. Выросший среди московской знати, митрополит Алексей не мог не перенять кое-что из ее нравов и обычаев. В 1368 г. он решился на такой шаг, оправдать который затруднялись даже поднаторевшие в софистике клерикальные историки XIX в. Вызвав Михаила Тверского в Москву якобы для «суда» и примирения с его двоюродным братом Еремеем, митрополит распорядился арестовать его и бросить в темницу. Безопасность тверского князя в Москве гарантировалась «словом» митрополита и «крестным целованием» князя Дмитрия Ивановича Московского. Все эти «условности» были принесены в жертву политическим интересам.

Тверской князь содержался отдельно от его бояр, «в истоме», т. е. в очень суровых условиях. Не приходится сомневаться, что московский застеночник быстро свел бы его в могилу. Уверенные в исходе дела, московские наместники уже осваивали владения Михаила. Однако судьба послала тверскому князю спа-

77

сителя в лице ордынского посла, внезапно нагрянувшего в Москву. Митрополит и князь Дмитрий вынуждены были освободить Михаила, предварительно заставив его подписать выгодный для Москвы договор. Впрочем, вряд ли кто-либо сомневался в иллюзорности этого подписанного в застенке документа.

Московское пленение страшно озлобило Михаила. Вернувшись в Тверь, он стал готовиться к войне с Дмитрием Ивановичем. Тверской князь понимал, кто является главным виновником его злоключений. По свидетельству летописца, Михаил «более всего сетовал на митрополита, ибо верил ему, как истинному святителю».

Осенью 1368 г., не дожидаясь, пока Михаил соберется с силами, Дмитрий Московский двинул полки на Тверь. Михаил вновь бежал в Литву. Великий князь Ольгерд, обеспокоенный захватом москвичами весной 1368 г. принадлежавшего литовцам Ржева, не заставил себя долго уговаривать. Он решил использовать ситуацию для сокрушительного удара по Московскому княжеству. В лице князя Ольгерда Москва обрела сильного, опасного врага. Это был один из лучших полководцев восточноевропейского средневековья. Вспыльчивый и горячий, не чуждый рыцарственных представлений о чести, Ольгерд в то же время умел быть осторожным и неуловимым. Его удары были внезапны и стремительны. Московский летописец с восхищением отмечал, что этот князь «не пил вина, ни пива, ни кваса, имел великий разум и подчинил многие земли, втайне готовил свои походы, воюя не столько числом, сколько умением»¹⁰.

Вместе со своим братом-соправителем Кейстутом и его сыном Витовтом Ольгерд в конце 60-х годов вел тяжелейшую борьбу с наседавшими на его владения немецкими рыцарями. Успешный и, как ожидалось, нетрудный поход на Москву должен был пополнить казну Ольгерда, укрепить боевой дух войска. Войдя в московские земли, литовцы принялись «жечь, сечь, грабить, палить, пленить». Запоздавшие московские воеводы были разбиты 21 ноября 1368 г. в битве на реке Тросне. После этого Ольгерд поспешно двинулся к Москве и осадил город. Вместе с Дмитрием Московским и его двоюродным братом Влади-

78

миром Серпуховским в осажденной Москве находился и митрополит Алексей.

Простояв три дня под стенами Москвы, Ольгерд отступил. Его войска истребляли все на своем пути. Эта заимствованная у ордынцев тактика террора имела целью запугать москвичей, ослабить экономику княжества. Рассказывая о «первой литовщине», летописцы сравнивали ее со страшной «Федорчуковой ратью» — карательной экспедицией ордынцев в тверские земли после восстания 1327 г.

Через два года после первого похода, в ноябре — декабре 1370 г., Ольгерд вновь попытался захватить Москву. Он осадил город и восемь дней стоял под его стенами. Однако и на этот раз новая московская крепость выдержала испытание. Озабоченный борьбой с немецким Орденом, Ольгерд 26 октября 1371 г. подписал мирный договор с московским правительством. Залогам поворота в московско-литовских отношениях стала женитьба князя Владимира Андреевича Серпуховского на дочери Ольгерда Елене. Свадьба состоялась весной 1372 г. Династический брак не помешал литовским князьям в том же 1372 г. совершить еще один поход на московские земли, хотя сам Ольгерд, связанный мирным договором с Москвой, в нем не участвовал.

В конце 60-х — начале 70-х годов XIV в., когда Москва вела напряженную борьбу с Литвой и Тверью, Алексей по-прежнему выступал в роли ее политического кормчего. Во время «второй литовщины», осенью 1370 г., он отправился в Нижний Новгород с целью заставить местных князей прийти на помощь Москве или же по крайней мере не наносить ей удара в спину. Особые подозрения вызывал нижегородский князь Борис Константинович (вытесненный к этому времени в Городец-на-Волге). Давний враг Москвы, Борис с жадным вниманием следил за походом Ольгерда, но выступить к нему на помощь не посмел.

Осенью 1371 г. митрополит Алексей вновь в центре событий. В отсутствие князя Дмитрия, уехавшего в Орду, Алексей от имени московского правительства заключил мирный договор с Ольгердом.

Как и в споре с суздальско-нижегородскими князьями, Алексей в эти годы, не раздумывая, пускал в

79

дело «меч духовный». Под разными предлогами он отлучил от церкви всех участников походов на Москву: Ольгерда, Михаила Тверского, их союзника смоленского князя Святослава.

Одновременно он «отпускал грехи» всем изменившим присяге Ольгерду и перебежавшим на сторону Москвы.

Конечно, тверичей, а тем более Ольгерда гораздо труднее было запугать митрополичьим проклятием, нежели суздальских или ростовских князей. Они обратились в Константинополь с жалобами на незаконные действия Алексея, требуя его низложения. Патриарх Филофей поначалу твердо встал на сторону Алексея. Однако тяжба затянулась. Вскоре патриарху стало ясно, что с точки зрения церковных канонов Алексей поступает весьма сомнительно. Особо взволновало Филофея то, что действия Алексея явно шли вразрез с установками константинопольской дипломатии. Его открытое предпочтение Москвы привело к окончательному расколу митрополии. После смерти митрополита Романа в 1362 г. Ольгерд до времени не выдвигал нового кандидата. Однако Алексей, наученный горьким опытом, уже не пытался въезжать в литовские земли, православное население которых оставалось таким образом без всякого «пастырского попечения». В мае 1371 г. польские феодалы, не желавшие и слышать об Алексее, добились от патриарха особого митрополита для Галицко-Волинских земель. Под властью новоявленного митрополита Антония оказались Холмская, Туровская, Перемышльская и Влади-миро-Волинская епархии. Таким образом, некогда единая русская митрополия раскололась на три больших осколка. Соединять их в одно целое митрополит Алексей не только не мог, но, кажется, уже и не хотел. Осенью 1371 г. патриарх направил на Русь своего доверенного человека Иоанна Докиана. Посланец Филофея передал Алексею вызов на суд в Константинополь. Однако перспектива опасного .утомительного путешествия с сомнительным исходом и несомненными крупными расходами отнюдь не привлекала Алексея. Он арестовал патриаршье посланца, желавшего иметь встречу с Михаилом Тверским, и отправил к Филофею для объяснений своего человека, клирика Аввакума. К этому времени (1372 г.) положе-

80

ние Москвы настолько окрепло, что патриарх, поразмыслив, решил не ссориться с Алексеем. Его уступчивость, вероятно, объяснялась и очередной «милостыней» в пользу патриархии, на которую намекает Филофей в своей грамоте митрополиту. Патриарх отказал Ольгерду в создании самостоятельной литовской митрополии. Одновременно он обязал Алексея непременно посетить православные епархии в Литве.

Конечно, такое решение патриарха привело лишь к отсрочке нового конфликта. Алексей боялся ехать в Киев. Со своей стороны, Ольгерд продолжал беспокоить патриарха жалобами на то, что митрополит пренебрегает заботами православного населения Великого княжества Литовского. В 1374 г. Филофей вынужден был отправить на Русь еще одну «комиссию». Во главе ее был поставлен ловкий и изворотливый константинопольский дипломат, а в прошлом афонский монах Киприан. В мутной воде русских церковных споров Киприан намеревался ловить рыбу к собственному столу. Он вернулся в Константинополь с грамотой от литовского князя, в которой тот просил патриарха поставить митрополитом на Киевскую кафедру самого Киприана. Наскучив жалобами Ольгерда, порой переходившими в неприкрытую грубость и брань, патриарх решил уступить. В декабре 1375 г. Филофей поставил Киприана митрополитом на Литву с условием, что после смерти Алексея он должен воссоединить под своей властью всю русскую митрополию. Этим актом патриарх разрубал узел одной церковно-политической интриги, но, сам того не зная, давал начало новой, куда более затяжной и драматической. Однако ее развитие выходит за рамки биографии митрополита Алексея и относится уже к последующей эпохе в истории русской церкви.

Происки византийских дипломатов в рясах, в сущности, не так уж и беспокоили Алексея. Он понимал, что его будущее как митрополита зависит прежде всего от положения Москвы среди других русских княжеств и земель. В начале 70-х годов XIV в. Москва утвердилась в роли руководящей политической силы Великороссии. Однако успех Москвы не мог быть окончательным до тех пор, пока не сказала своего слова Золотая Орда.

Еще осенью 1370 г. дальновидный Михаил Твер-

81

ской понял, что ни в одиночку, ни в союзе с Ольгердом не удастся сокрушить Москву. Покинув Литву, он в ноябре 1370 г. поехал жаловаться на Дмитрия Московского в Орду. Там в эти годы все чаще звучит имя Мамай, удачливого временщика, впоследствии ставшего полновластным хозяином Орды. Мамай давно присматривался к Михаилу Тверскому как главному недругу

Москвы. Ослабевшая, но все еще цепкая ордынская дипломатия решила воспользоваться испытанным приемом: поддержать соперника правящего великого князя Владимирского с целью дестабилизации политической обстановки на Руси. Уже в 1370 г. послы Мамай Каптагай и Тюзяк привезли Михаилу ярлык на великое княжение. Однако в это время тверской князь в связи с московским нашествием находился «в бегах». Зимой 1370—1371 гг. Орда вновь передала Михаилу великое княжение Владимирское. 10 апреля 1371 г. он торжественно въехал в Тверь, предполагая вскоре сесть на владимирский стол. Между тем времена уже были другие. Московский князь Дмитрий не согласился с решением Орды. Он перекрыл своими войсками все дороги к Владимиру. Прибывший с Михаилом ордынский посол Сарыхожа, получив от Дмитрия богатые дары, не стал вмешиваться в княжеский спор и отбыл восвояси. Не надеясь силой овладеть Владимиром, Михаил до времени осел в Твери. В конце мая 1371 г. он отправил в Орду с новыми жалобами на Дмитрия своего сына Ивана.

Сложившаяся ситуация удивительно напоминала события 1317 г., когда Михаил Ярославич Тверской силой остановил вернувшегося из Орды с ярлыком на великое княжение и ханским послом Юрия Московского. Однако на сей раз роли поменялись. Ослушником Орды выступил московский князь Дмитрий, а его тверской соперник занял неблагоприятную позицию ордынского клеветника. В этой перемене ролей ярко проявились новая политическая обстановка в Северо-Восточной Руси, антиордынские настроения молодого московского князя.

В Москве всерьез обеспокоились вестью о поездке тверского княжича к Мамаю. Все хорошо помнили, чем закончилось своеволие Михаила Ярославича Тверского по отношению к Орде. Конечно, обстанов-

82

ка изменилась. Ордынские «царевичи», потомки Чингисхана, не хотели признавать власть Мамай, в жилах которого текла далеко не «царская» кровь. Они постоянно бунтовали против него, устраивали заговоры. Да и сама Москва была теперь куда сильнее, чем во времена Калиты и Узбека. Могучие, приземистые башни белокаменной крепости, точно невиданные грибы, выросли на кремлевском холме. За все 120 лет ее существования врагу ни разу не удавалось взять московскую крепость штурмом. Были в Москве отважные, горячие воеводы, которые рвались в бой с ненавистными поработителями. Однако митрополит настоял на умиротворении Орды. Он указывал на опасность союза между тремя врагами Москвы — Ольгердом, Мамаем и Михаилом Тверским.

Трудно, практически невозможно на расстоянии в шесть столетий точно определить правильность или ошибочность принимавшихся политических решений. Нельзя забывать и о том, что мы всегда смотрим на прошлое в «обратной перспективе», зная следствия, но, по правде сказать, никогда не будучи до конца уверенными в причинах. Тогда, в начале лета 1371 г., решение митрополита, быть может, все еще было плодом политики благоразумия, проявлением мудрой осмотрительности. Но пройдет два-три года — и его осторожность превратится в тормоз на пути развития освободительной борьбы.

Приняв решение не вступать в конфликт с Ордой, приходилось делать следующий шаг: отправляться на поклон к Мамаю. 15 июня 1371 г. Дмитрий выехал из Москвы.

Как сообщает летопись, митрополит «проводил князя великого до Оки. И, молитву сотворив, благословил его и отпустил с миром. И его бояр, и его воинов, и всех прочих благословил, а сам возвратился назад»¹¹. Эти подчеркнута торжественные проводы должны были продемонстрировать не только Руси, но и Орде полное единство князя и митрополита.

Проявленное московским князем смирение, выразившееся в его личном прибытии к Мамаю, принесло свои плоды. Правитель Орды дал Дмитрию ярлык на великое княжество Владимирское. Предвидя жалобы со стороны Михаила Тверского, Мамай отправил ему послание, написанное в традиционном для

83

монголо-татарской дипломатии высокомерном и грубоватом тоне: «Мы дали тебе княжение великое, и давали тебе рать, а ты не понял, сказал: «Своей силой сяду». Вот и садись с кем тебе любо»¹².

Победа Дмитрия была добыта не только унижением и готовностью рискнуть головой. Это была и победа московской великокняжеской казны. Огромные расходы в Орде привели к тому, что Дмитрий вернулся на Русь в сопровождении целой толпы кредиторов. Чтобы рассчитаться с ними, он обложил население своих владений повышенной данью. Окрепшая экономика московских земель выдержала это испытание. Дмитрий не только уплатил свои долги, но и выкупил в Орде погрязшего в долгах тверского княжича Ивана. Привезенный в Москву, Иван был посажен под

стражу на митрополичьем дворе. Лишь год спустя, после ожесточенного торга, Михаил Тверской смог выкупить сына из московского плена.

Московско-тверская война, то разгораясь, то затихая, продолжалась до 1375 г., когда огромное войско, в состав которого входили московские, ярославские, ростовские, брянские, смоленские и новгородские полки, осадило Тверь. Спротивление продолжалось около месяца. Союзные войска сильно разорили тверские земли. В самом городе начался голод. 3 сентября 1375 г. Михаил признал себя побежденным. В мирном договоре («докончальной грамоте»), составленном от имени Дмитрия Московского, говорилось: «А начнут татары нас сваживать, и начнут тебе давать нашу вотчину, великое княжение, то тебе его не брать... А начнут нам давать твою вотчину, Тверь, то и нам ее не брать»¹³. Из этих слов видно, что на Руси отлично понимали стремление ордынской дипломатии «сваживать», стравливать русских князей. Договор предусматривал единство действительный московского и тверского князей по важнейшим политическим вопросам. «А пойдут на нас татары или на тебя... то биться нам с тобой вместе против них». В целом по договору 1375 г. тверской князь переходил на положение «младшего брата» Дмитрия Московского, что на языке того времени означало не только взаимопомощь, но также подчинение «старшему брату». Конечно, в глубине души Михаил Тверской оставался заклятым врагом Москвы, однако

84

после 1375 г. он уже никогда не пытался тягаться с Дмитрием в открытом военном противоборстве.

Завершение московско-тверского спора проходило в условиях разгоравшейся антиордынской борьбы. Дмитрий Московский открыто поднял знамя этой борьбы в 1374 г. Через горечь неудачи в битве на р. Пьяне (август 1377 г.), через радость первой большой победы на р. Воже (август 1378 г.) дорога истории вела Русь на Куликово поле.

Новый курс московской политики складывался в острой борьбе боярских группировок. Вопрос об отношениях с Ордой расколол окружение Дмитрия на два противостоящих лагеря. Те, кого летопись именует «старыми боярами», стояли за сохранение верноподданнических отношений с ханским двором.

Среди тех, кто выступал за верность ордынской политике Ивана Калиты, первое место занимал митрополит Алексей. В клерикальной литературе его принято изображать «духовным отцом» Куликовской битвы. «Битва на Куликовом поле была подготовлена св. Алексеем», — утверждает современный английский «специалист по истории православной церкви» Н. Зернов¹⁴. Ту же мысль, хотя и в более осторожной формулировке, проповедают и отечественные церковные писатели. Так, патриарх всея Руси Алексей (1944—1970) в переложении жития своего тезки, митрополита Алексея, писал: «Плодом его благотворного влияния явилось единодушие русских князей, которое вскоре по кончине святителя дало возможность великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу собрать силы и выступить против грозных полчищ Мамаю и одержать над ними победу на поле Куликовом»¹⁵.

Как и во многих других случаях, клерикальная традиция не подтверждается данными исторических источников. Более того, источники опровергают подобный взгляд на митрополита Алексея. В действительности этот иерарх последовательно выступал за отказ от вооруженной борьбы против ордынского ига. Трудно сказать, чем была вызвана такая позиция митрополита: боязнью потерять привилегии, которые имела церковь в условиях ига, верностью политиче-

85

ским заветам Ивана Калиты или же просто старческой осторожностью, боязнью риска, неизбежного в военном деле. Так или иначе, Алексей был тверд в своих убеждениях.

Память о примирительном отношении митрополита Алексея к «татарам», как именовали на Руси ордынцев, долго сохранялась в преданиях московского двора. Известный Григорий Котошихин, служивший подьячим в Посольском приказе и в 1664 г. бежавший из России в Польшу, в своем сочинении сообщает немало интересного о внешнеполитических связях России. Говоря об отношениях с Крымским ханством, политическим наследником Золотой Орды, Котошихин замечает, что русские цари, боясь грабительских набегов татар, стремятся умиротворить хана и его вельмож богатыми дарами — «поминками». «А будет тех поминков на год болши 20 000 рублей. А уложил те поминки давать Алексей, митрополит Московский, после того времени, как он был в Крыму в полону, тому много лет назад. Также он, митрополит, заклиал Московское государство, чтоб они сами на Крымских людей войною не ходили, а утешали б нечестиваго дарами; а ежели они через его заклинанье учнут на Крым ходить войною, и им в войне не даст бог поиску, а в земле плоду; разве они, Крымские люди, сами учнут войною приходити— и против них стояти повелел. И по тому его заклинанью Московский царь то и чинит: сам войною на Крым не

наступает, а откупается такими дарами ежегодно»¹⁶. Алексей, насколько известно, никогда не был в плену в Крыму. Однако суть его отношения к татарам предание, записанное Котошихиным, отражает правильно.

Чем быстрее и увереннее шел возмужавший воспитанник Алексея к тому историческому рубежу, перейдя который он из князя Дмитрия Ивановича превратился в легендарного Дмитрия Донского, тем глубже становилась незримая трещина, разделявшая этих двух выдающихся людей своего времени. Не только в дореволюционной, но и в советской исторической литературе можно встретить утверждение, что отношения между Дмитрием Ивановичем и митрополитом Алексеем были безоблачными от начала до конца. Так, например, известный советский историк

86

С. Б. Веселовский писал: «В отношениях церковной власти к светской Алексей достиг такого согласия и такого мирного сотрудничества, которое после него уже не повторялось в истории русской церкви, если не считать «(правления патриарха Филарета Никитича и его сына — царя Михаила)»¹⁷.

В действительности картина была отнюдь не столь идиллической. Время молодости князя Дмитрия — героический период в истории Московской Руси. В эти годы вопросы политического устройства страны все чаще решались в открытом бою, с оружием в руках. В новых условиях политическое значение митрополичьей кафедры заметно упало. К тому же и сам князь Дмитрий быстро осознал свою силу и значение. По складу характера он был далек от набожности и покорности чьей-либо воле. Его трудно было запугать рассказами о «геене огненной» и «Страшном суде». Дмитрий не желал разделять великокняжескую власть с кем бы то ни было, в том числе и с митрополитом.

Летописи, неоднократно редактировавшиеся церковниками, почти не сохранили прямых указаний на конфликты между князем и митрополитом. Однако косвенных свидетельств такого рода в источниках можно найти довольно много. Чтобы правильно истолковать летописные известия, необходимо учитывать весь строй тогдашней русской жизни. Положение человека в древнерусском обществе определялось прежде всего происхождением, родственными связями. Сын получал место на службе и за княжеским столом по заслугам отца. Отношения строились на принципах семейной, родовой поруки. Возвышение одного тянуло за собой всю фамилию, и наоборот, падение неудачника бросало тень на всю его родню. Митрополит Алексей, несмотря на свой духовный сан, никогда не порывал связей с родной для него средой московского боярства. Его родные братья служили при московском дворе, а племянники завещали хоронить себя в Чудовом монастыре — возле гроба их дяди, «святителя Алексея».

И друзья и родственники митрополита в середине 70-х годов переживали плохие времена. Алексей был близок с боярским родом Вельяминовых. В их семейной «богомольне» — Богоявленском монастыре —

87

он начинал свой иноческий путь. Однако Дмитрий Иванович весьма круто обошелся с Вельяминовыми. В 1374 г. он отобрал у них фамильную привилегию — пост московского тысяцкого. А когда один из Вельяминовых, озлобившись, бежал сначала в Тверь, а затем в Орду и принялся там интриговать против московского князя, Дмитрий, изловив изменника, приказал отрубить ему голову. Это была первая публичная казнь в Москве.

Опала на Вельяминовых совпала со скандальным поражением московского воеводы Александра Плещей, родного брата митрополита, в бою с новгородскими ушкуйниками под Костромой.

Летописец, не скрывая иронии, рассказывает о том, как воевода Плещей бежал от врага, «плещи (то есть «плечи». — Н. Б.) показав». Это история могла стать предметом обсуждения и даже попасть в летопись только в обстановке падения авторитета и влияния Алексея.

На закат могущества Алексея указывает и еще одна фраза из летописи. В 1376 г. литовский митрополит Киприан потребовал, чтобы Новгород признал его своим духовным главой. Новгородцы очень не любили митрополита Алексея за его союз с Москвой и связанные с этим крутые меры в отношении новгородских владык. Они рады были свергнуть его власть, но из осторожности ответили Киприану уклончиво: «Посылай на Москву к великому князю. И если он тебя примет митрополитом на Русь, то ты и нам митрополит»¹⁸. Примечательно, что новгородцы в своем ответе ничего не говорят об Алексее и даже допускают возможность того, что князь Дмитрий отступится от него и признает Киприана.

Среди факторов, влиявших на отношения между митрополитом и московским князем, нельзя

забывать и еще один—финансовый. Московские князья знали счет деньгам. Бережливость, доходившая до скупости, была их фамильной чертой. Между тем расходы на содержание митрополии, львиная доля которых покрывалась за счет княжеской казны, все возрастали и возрастали.

Большие средства шли и на обеспечение Чудова монастыря, основанного Алексеем в московском Кремле в конце 50-х годов. Земля, на которой разме-

88

стился монастырь, была подарена митрополиту ханшей Тайдулой в благодарность за исцеление «от глазной болезни». Согласно московскому преданию, на этом месте прежде находилось подворье татарских баскаков.

В 1365 г. в монастыре были построены каменный собор, а также трапезная и каменные погребки. Собор был посвящен «Чуду архангела Михаила, иже в Хонех». Митрополита привлекла легенда о том, как Михаил архангел спас некоего монаха Архиппа, жившего в «Хонех Фригийских». Язычники, желая уничтожить церковь, при которой служил Архипп, перекрыли воды реки. Однако вмешательство архангела прекратило наводнение. Он ударил жезлом в скалу — и вся вода ушла в образовавшуюся расселину.

Этот сюжет служил своего рода иллюстрацией к идейной программе митрополита Алексея. Небесный покровитель княжеской власти, архангел Михаил выступал здесь как защитник церкви и монашества. Именно поэтому не только в Москве, но и в других русских землях церковники очень любили этот сюжет, часто изображали его на иконах.

Привыкнув к роли главы московского правительства, Алексей и весь уклад своей жизни перестроил на княжеский лад. В его делах все чаще проглядывает властный и тщеславный московский боярин. Он обзавелся обширными земельными владениями, окружил себя многочисленной свитой. Помимо духовных лиц в нее входили «мирские люди» — бояре, дворецкий, казначей, дьяки и более мелкие служилые чины. Митрополичий двор обслуживала многочисленная челядь. В своих владениях митрополит пользовался почти полной независимостью. «Дом святой Богородицы», как принято было называть митрополичий двор, превращался в своего рода «государство в государстве».

О масштабах хозяйственной деятельности митрополита, о его стяжательских наклонностях красноречиво свидетельствует завещание Алексея. «Вот я смиренный и грешный раб божий Алексей пишу грамоту духовную целым своим умом. Даю святому великому архангелу Михаилу и честному его Чуду (московскому Чудову монастырю.— *Н. Б.*) село Жилинское, Серкизовское, Гютифцовское, Тететцовское,

89

Никола святы на Сосенке, Рамение, что есми купил у Ильи у Озакова, Софроновское с мельницею, Фо-минское, Желетовское, Каневское, Душеное с деревнями и с бортью, Филиповское с деревнями и с бортью, Обуховскую деревню. А все те села даю с серебром и с половники и с третники и с животиною. А что моя в селах челядь, а на них серебрецо, и не похотят служити, и кто куда похочет, и тем воля, отдав серебрецо; а кто рост дает, тем воля же; а огород дадут также и Садовская деревня ко святому архангелу Михаилу. А монастырь святого Архангела Чуда приказываю тебе, сыну своему великому князю Дмитрию Ивановичу всея Руси, все полагаю на бога упование и на тебя, как монастырь святого Михаила побережешь. А садик мой подольный — святому Михаилу»¹⁹.

В грамоте перечислены только личные владения Алексея, которые он оставляет своему излюбленному Чудову монастырю. Что касается митрополичьей кафедры, то ее земельные владения были разбросаны по всей Руси.

Дмитрий Ива-нович искал возможности поставить возросший экономический и политический потенциал церкви под свой надежный контроль. Князю нужен был преданный, послушный человек в роли хозяина «дома святой Богородицы». В вопросе о личности кандидата на митрополичью кафедру Алексей и князь Дмитрий столкнулись столь резко и бескомпромиссно, что даже самые осторожные летописцы не сумели замолчать этот конфликт. Здесь ярко высветилось глубокое различие целей, которые ставили перед собой митрополит Алексей и московский князь Дмитрий Иванович. Для первого будущее представлялось в виде своего рода теократической монархии, для второго — в виде единого государства во главе с правителями из рода Калиты. Митрополит мечтал о церковной централизации, об укреплении экономического могущества и политического суверенитета «дома святой Богородицы». Поддержка московских

князей в их борьбе за власть была для Алексея лишь наиболее верным путем к этой цели. Для Дмитрия, напротив, сильная централизованная церковь была лишь одним из необходимых инструментов для создания единого Великорусского государства. В этом

90

будущем государстве церкви отводилась почетная, но отнюдь не главенствующая роль.

Чем выше возносился червлёный московский стяг в 70-е годы XIV в., тем чаще думал князь Дмитрий о том, какую пользу мог бы принести, оказавшись на митрополичьем престоле, его тезка — придворный священник Дмитрий, в просторечии — Митяй. Это был яркий, смелый человек.

Его удивительная судьба послужила темой для большого литературного произведения, вошедшего в летописи, — «Повести о Ми-т-яе». Он начинал свою карьеру простым коломенским священником. Великий князь, часто бывая в этом городе — юго-восточных воротах московской земли, заметил Митяя. Этот иерей резко выделялся среди собратьев не только высоким ростом, горделивой осанкой, зычным голосом, но также образованностью, умом, сильным характером.

Князь приблизил к себе Митяя, сделал своим духовником и печатником. По-видимому, Дмитрий и просто по-человечески привязался к Митяю. В отличие от сурового старца Алексея и окружавших его монахов Митяй был человеком жизнерадостным, легким и веселым. Его увлекали грандиозные политические замыслы князя Дмитрия. Он готов был верно служить своему покровителю, выполнять любые его приказания. Можно сказать, что Митяй был далеко не самым худшим в ряду тех безродных фаворитов, которых любили иметь при себе почти все московские государи.

Задумав возвести Митяя на митрополию, князь столкнулся с одной сложностью. Согласно древней традиции, митрополит должен был избираться из числа монахов. В феврале 1376 г. Дмитрий заставил своего печатника принять постриг в придворном Спасском монастыре. Неохотно, «каки нужею», расставался Митяй с привольным мирским житьем, вступал в ряды «непогребенных мертвецов», как именовали себя монахи. Однако воля великого князя была для него законом. В утешение князь приказал сразу же после пострижения поставить Митяя (в монашестве — Михаила) на пост архимандрита того же Спасского монастыря. Это решение великого князя

91

вызвало бурю негодования в среде черного духовенства. Но князь пошел дальше: вскоре он начал требовать от митрополита Алексея официального утверждения Митяя своим наследником на кафедре.

Алексей уже давно с тревогой наблюдал за возвышением Митяя. Сам он почти 40 лет провел в монашестве, прежде чем судьба вознесла его на митрополичью кафедру. Митяй казался ему заносчивым выскочкой, неучем в духовной жизни. Конечно, дело-было не только в личной неприязни. Алексей понимал, что с помощью Митяя князь собирается в корне изменить положение митрополичьей кафедры, порвать связь с Константинопольской патриархией. По-мнению Алексея, это был гибельный для русской церкви путь.

Единственный способ противостоять планам великого князя заключался в том, чтобы найти кандидатуру, способную соперничать с Митяем. И Алексей; нашел такого человека. Но прежде чем представить читателю нового героя нашего повествования, необходимо сделать небольшое отступление.

Стремясь укрепить внутрицерковную дисциплину, усилить влияние религии на массы, Алексей еще в 50-е годы XIV в. задумал своего рода «монастырскую реформу». Суть ее состояла в создании по всей Руси сети общежительных монастырей, которые, в отличие от «особножительных», были бы не местом отдыха уставших от жизни бояр и князей, а энергичными, экономически самостоятельными общинами подвижников. Эти монастыри, насаждавшиеся лично Алексеем, став на ноги, сохраняли связь с митрополичьей кафедрой, помнили о своем происхождении.

Своего рода «опытным полигоном» для создания: новых монастырей стали малонаселенные северные районы Московского княжества. Здесь в середине XIV в. выросла первая, железная когорта основателей новых монастырей — суровых «старцев», фанатично веривших в богоугодность своей миссии. Отсюда, из Подмосковья, они разбрелись по всей Северной Руси, внедряясь главным образом там, где местные правители боялись непочтительностью к ним вызвать гнев митрополита и московского князя.

Одним из самых авторитетных основателей новых, монастырей был Сергей, игумен Троицкого монасты-

92

ря. Его обитель находилась в живописном месте, на холме Маковец, у подножья которого звенели две лесные речки — Кончура и Вондюга. До ближайшего селения, городка Радонеж, в котором

прошло детство Сергия, было не менее 10 верст. Отец Сергия, боярин Кирилл, переселился в Радонеж из Ростовского княжества во второй четверти XIV в. По-видимому, Кирилл имел прочные связи с московской знатью. Брат Сергия Стефан долгое время жил в привилегированном московском Богоявленском монастыре, был дружен с иеромонахом Алексеем, будущим митрополитом. Сам великий князь Семен Иванович покровительствовал Стефану. По его просьбе митрополит Феогност дал Стефану сан священника. Со временем он стал «духовным отцом» (исповедником) самого князя Семена и многих московских бояр. В Москве не забыли и брата Стефана — Сергия. В 60-е годы XIV в. он покидает свою монашескую келью на Маковце и выполняет ряд сложных дипломатических поручений московского правительства.

Этот странный посол являлся в княжеские терема в покрытой дорожной пылью старой заштопанной рясе. Своей тихой речью и неотступным пронзительным взглядом он приводил в смущение самых дерзких и своевольных князей. За ним стояла не только московская боевая сила, не только митрополичье проклятье, но и еще что-то неведомое, нездешнее, чего князья не понимали и потому боялись более всего. Рассказывали, что Сергию в церкви прислуживают ангелы, что ему послушны животные и птицы, что одним своим словом он может воскресить мертвого и убить живого.

В отличие от большинства тогдашних «князей церкви» знаменитый подвижник был прост и доступен. Речь его была бесхитростна и полна евангельской мудрости. В своем монастыре он требовал от братии не только суровых постов и молитв, но также постоянного физического труда. У самого Сергия с рук никогда не сходили мозоли от топора и лопаты.

Таков был человек, которому престарелый Алексей задумал передать митрополичью кафедру. Предвидя возможный отказ, митрополит подготовил целое действо. Об этом красочно повествует «Житие» Сергия. Алексей призвал к себе ни о чем

93

Ге подозревавшего троицкого игумена и торжественно возложил на него драгоценные митрополичьи регалии. Насторожившись, Сергей заметил, что с детства не был «златоносцем», а уж под старость и вовсе не хотел бы им стать. Тогда митрополит открыто объявил, что хочет сделать Сергия епископом, а затем и своим наследником на кафедре. Сергей наотрез отказался. Митрополит стал настаивать, требуя предписанной канонами иноческой покорности. Однако принудить или запугать Сергия было невозможно. Он спокойно объяснил, что если Алексей не прекратит своих домогательств, то он, Сергей, немедленно уйдет и митрополит его никогда более не увидит. После этого «первосвятитель» перевел разговор на другие темы.

Отстранив предложенный ему митрополичий клобук, Сергей в то же время не отказался от участия в церковно-политической борьбе. Вскоре троицкий игумен становится одним из главных действующих лиц затяжной драматической коллизии, которую современники назвали «мятежом на митрополии».

В последние дни жизни Алексея князь Дмитрий и бояре беспрестанно уговаривали его благословить Митяя на митрополию. Однако они смогли добиться лишь двусмысленного, похожего на насмешку ответа: «Я не властен благословить его. Вот разве что даст ему бог и святая Богородица и пресвященный патриарх и вселенский собор»²⁰.

12 февраля 1378 г. митрополит Алексей окончил свой земной путь и отправился туда, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Он завещал похоронить себя не в Успенском соборе, где находились гробницы митрополитов Петра и Феогноста, а в основанном им Чудовом монастыре, у стен каменного храма во имя «Чуда архистратига Михаила, иже в Хонех». Однако князь Дмитрий распорядился по-иному — «не восхотел положить его вне церкви, такого великого и честного святителя, а положил его в церкви, близ алтаря, со мною честию»²¹. «Земной ангел» сошел в могилу. Но его образ продолжал жить как часть исторического наследия русской церкви. Имя Алексея, властного, сурового иерарха, управлявшего страной и повелевавшего

94

князьями, волновало воображение, служило символом политических амбиций воинствующих церковников. Усиление культа Алексея в тот или иной период, как правило, служило выражением теократических тенденций, никогда не исчезавших в русской средневековой церкви. Именно поэтому московские великие князья и цари не выказывали особого пристрастия к его памяти. Казалось бы, уже великий князь Дмитрий Иванович немедленно после смерти Алексея должен был начать хлопоты о причислении своего воспитателя к «лику святых». Однако этого не случи-

лось. Дмитрий не хотел канонизацией Алексея освящать тот порядок вещей, при котором «святитель» держал в своих руках и государственную власть. Были и другие препятствия на пути общерусского прославления Алексея. Слишком свежи были у всех в памяти далеко не евангельские методы деятельности Алексея, слишком много людей в разных частях Руси считали его своим врагом. Канонизации мешало и то, что политические заветы Алексея были неприемлемы для его ближайших наследников, выходцев из Византии митрополитов Киприана ' (1381— 1382, 1390—1406) и Фотия (1408—1431).

20 мая 1431 г. рухнули своды собора Чудова монастыря. При разборке завалов в Благовещенском приделе открыли гробницу Алексея и обнаружили его «нетленные мощи». Это был повод для подготовки канонизации митрополита. Однако тогдашний глава церкви митрополит Фотий не дал хода инициативе чудовских монахов. Лишь 17 лет спустя, в 1448 г., первый русский автокефальный митрополит Иона организовал прославление Алексея как святого. По заказу Ионы пермский епископ Питирим, а затем и знаменитый агиограф Пахомий Серб работали над созданием «Жития» Алексея.

Прошло пять веков. В 1930-е годы здания бывшего Чудова монастыря были разобраны. «Нетленные мощи» Алексея были перенесены в кафедральный патриарший собор Богоявления в Елохове в Москве. Там, под пышной шатровой сенью, в позолоченном гробу, в мерцающем свете тяжелых серебряных лампад, покоятся останки того, чья жизнь была полна гнева и страстей, которые церковная легенда удивительным образом переплавилась в кротость и смирение.

МЯТЕЖНОЕ ВРЕМЯ

«А что владычня грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мне, да тое я сам подеру: та грамота не в грамоту. А что вписал проклятие и неблагословенье патриарше, а то яз с вас снимаю и благословляю вас: то был суждальский владыка, а деял то в мятежное время...»

Из грамоты митрополита Киприана псковичам 12 мая 1395 г.

В истории Руси последняя четверть XIV в. похожа на солнечный день после затяжных дождей. То была героическая эпоха, обессмертившая себя великим подвигом Куликова поля, мужественной готовностью сразиться с полчищами самого Тамерлана.

Не одна Русь — вся Восточная Европа находилась тогда в состоянии непрерывного брожения. Повсеместно старые политические формы оказывались тесны для новых идей и стремлений. Великий князь Литовский Ольгерд умер в мае 1377 г. После смерти Ольгерда в Литве началась борьба за власть между его сыновьями и племянниками. Сын Ольгерда князь Ягайло, утвердившись на виленском престоле, в начале 1386 г. женился на польской королеве Ядвига и стал правителем обоих государств. Договоренность об этом союзе, а также о принятии Ягайлом католичества была достигнута на встрече литовских князей с польскими магнатами в августе 1385 г. в местечке Крево. Заключив Кревскую унию с Польшей, Великое княжество Литовское еще долго содрогается от внутренних усобиц. В начале 90-х годов у власти здесь оказывается энергичный, воинственный князь Витовт, сын Кейстута, убитого в 1382 г. по приказу Ягайло. Вынашивая мечту

96

о разрыве с Польшей, он до времени копил силы, ищет союза с Москвой. В 1399 г. Витовт предпринимает неудачную попытку добить ослабевшую после нашествия среднеазиатского завоевателя Тимура (Тамерлана) Золотую Орду. Однако битва на реке Ворскле 12 августа 1399 г. принесла победу новому хозяину Орды — ставленнику Тимура хану Едигею. После этого Витовт оказывается перед необходимостью перестроить свою внешнюю политику. Он сближается с Польшей и Орденом и с их помощью начинает наступление на русские земли.

Одряхлевшая Византия, казалось, вот-вот должна закончить свой долгий исторический путь под ударами турецких султанов из династии Османов. Турки к концу 80-х годов XIV в. заняли не только Малую Азию, но и Балканы. В 1393 г. они взяли Тырново — столицу Второго Болгарского царства, а в 1398 г. — древний город Видин на Дунае.

Однако на пути османских завоеваний неожиданно встал непобедимый Тимур. «Железный хромец», как называли его современники, уже не раз тяжелой рукой стучал в восточные ворота Европы. Во второй половине 80-х — начале 90-х годов XIV в. он нанес несколько ударов по Золотой Орде. В 1395 г. Тимур наголову разгромил ордынского хана Тохтамыша в битве на Тереке, разорил и сжег Сарай-Берке. 28 июля 1402 г. Тимур разгромил войско османов в битве при Анкаре и тем самым на полвека продлил агонию Византии. Лишь в 1453 г. туркам удалось захватить Константинополь.

Весьма сложным, противоречивым было и политическое развитие русских земель в этот период. Победа на Куликовом поле (1380) укрепила первенство Москвы среди других феодальных

центров. Однако Золотая Орда была все еще очень сильна. После падения Мамай на ее престоле утвердился хан Тох-тамыш. В 1382 г. он совершил поход на Русь, обманом взял Москву и расправился с ее жителями. Вскоре князь Дмитрий Иванович в знак покорности Тохтамышу отправляет в ханскую ставку своего старшего сына Василия. Не имея сил для продолжения борьбы с Ордой, московский князь обращает все средства на укрепление своего положения в русских землях. Одновременно он напряженно ищет путей

4 Н. С. Борисов

97

военного усиления Москвы за счет союзов с различными политическими центрами Восточной Европы.

По мнению некоторых историков, в последней четверти XIV в. существовала реальная возможность объединения Великороссии и Великого княжества Литовского, основную часть населения которого составляли русские. И московские Рюриковичи, и литовские Гедиминовичи не желали упустить столь заманчивой возможности. Силы сторон были примерно равны, и оттого спор за первенство в будущем государстве перерос в затяжное военное противоборство. Возможность объединения сил Руси и Литвы, сохранившаяся и после заключения Кревской унии в 1385 г., настораживала соседние государства — Польшу, Орден, Золотую Орду. Они делали все возможное для того, чтобы не допустить развития событий в этом направлении.

Необычайный накал борьбы, тревожная неопределенность политических перспектив — отличительные особенности международной обстановки последней четверти XIV в. Константинопольский, патриархат, русская высшая иерархия не могли остаться в стороне, наблюдая за событиями «с точки зрения вечности». Мечты о могущественном православном государстве в Восточной Европе будоражили воображение церковников, заставляли их пускаться на самые рискованные политические предприятия. Не случайно этот период стал одним из самых драматических в истории русской церкви. В эти годы с необычайной отчетливостью проявились обычно скрытые завесой демагогии приемы и цели политической деятельности высших церковных иерархов. Разумеется, было бы исторически неверным рисовать их поступки одними лишь темными красками. Самые низменные мотивы — корыстолюбие, зависть, жажда власти, переплетаясь с горячей верой, бесстрашием, патриотизмом, образуют на редкость причудливую ткань минувшей жизни.

Церковные деятели той эпохи отличались твердым характером и несокрушимым упрямством. Наблюдая за их сложными, часто трагическими судьбами, мы и на расстоянии шести столетий ощущаем необычайную силу духа. Многие из целей, которые они ставили перед собой, кажутся нам наивными, сомни-

98

тельными или ложными. Однако мы невольно восхищаемся их готовностью действовать, подчас даже рисковать головой во имя того, во что они верили, к чему стремились.

После кончины митрополита Алексея (12 февраля 1378 г.) в Москве был пущен слух, будто умирающий святитель все же благословил Митяя своим наследником. Спасский архимандрит обосновался на митрополичьем дворе, распоряжаясь делами и людьми, как истинный хозяин «дома пречистой Богородицы». Для подтверждения прав Митяя решено было собрать собор русских епископов, подчинявшихся покойному митрополиту Алексею.

Цели созыва этого собора источники, а вслед за ними и историки определяют по-разному. Возможно, собравшиеся иерархи должны были возвести Митяя в сан епископа Владимирского. Это была именно та ступень, с которой взошел на престол митрополит Алексей. Обычно кандидатов на епископскую кафедру утверждал лично митрополит, совершавший над ними обряд хиротонии («рукоположения»). Однако, церковные каноны допускали в особых случаях поставление епископа собором нескольких местных епископов.

Не исключено и то, что замысел Митяя и стоявшего за ним князя Дмитрия Ивановича был куда более смелым: собор епископов должен был избрать Митяя на митрополичью кафедру и тем самым положить начало автокефалии (самоуправлению) русской церкви. Зная широту замыслов князя Дмитрия Ивановича, находившегося тогда в зените своего могущества, можно признать это предположение вполне вероятным. Известно, что в Москве, получив сообщение о поставлении в декабре 1375 г. на место еще живого Алексея нового митрополита «всей Руси» — Киприана, стали во всеуслышание бранить византийского императора и патриарха Филофея, называя их «литвинами». По-видимому, тогда же князь Дмитрий Иванович распорядился исключить из числа поминаемых во время церковной службы имя византийского «царя». За всем этим чувствуется не

только минутное настроение, но и явное намерение великого князя разорвать путы церковно-иерархических связей с Константинополем. Примером могли послужить Бол-

4*

99

гария и Сербия, где давно уже существовали собственные, независимые от Константинополя, церковные организации во главе с местными патриархами. Церковная политика великого князя Дмитрия была направлена на создание самостоятельной великорусской церкви, глава которой, митрополит, избирается и действует согласно указаниям светских властей. Здесь, как и во многом другом, Дмитрий ставил задачи, решить которые удалось лишь его правнуку Ивану III.

Действия великого князя вызвали острое недовольство значительной части духовенства.

Наиболее авторитетным лицом церковной оппозиции был уже-известный читателю игумен Сергей Радонежский. Его ближайшими сподвижниками были игумены подмосковных общежительных монастырей Афанасий (Высоцкий монастырь близ Серпухова), Федор, племянник Сергия (Симоновский монастырь на южной окраине Москвы), Иван (Высоко-Петровский монастырь на северной окраине Москвы), Андроник. (Спасский монастырь на р. Яузе). Церковно-политическим идеям Сергия сочувствовали многие представители боярства. У московских, «старцев» имелись единомышленники и в других княжествах.

Летом 1378 г. «старцы» предприняли первую попытку заставить князя Дмитрия отказаться от его планов относительно Митяя. Они сделали ставку на митрополита Киприана, который в 1375 г. был поставлен на Литву с тем условием, что после смерти Алексея он объединит под своей властью всю митрополию.

Фигура митрополита Киприана стараниями историков и литературоведов в последние годы все ярче выступает из мрака забвения. Диапазон оценок его-личности и деятельности очень широк: от «проходимца» до одного из крупнейших деятелей «православного возрождения», утонченного интеллектуала,, далеко обогнавшего свое время.

Биография Киприана известна лишь в самых общих чертах, с большой долей предположений.

Будущий митрополит происходил из знатного болгарского-

100

рода Цамблаков. В юности он покинул родину и вместе с выдающимся деятелем древнеболгарской литературы, впоследствии патриархом, Евфимием Тыр-новским перебрался в Византию. Приняв монашество, Киприан долгое время жил на Афоне¹. Здесь, в скалистых горах над Эгейским морем, ютились десятки больших и малых монастырей. В XIV—XV вв. Афон был самым авторитетным центром православного монашества, питомником высшей церковной иерархии, рассадником не только теологических, но и общественно-политических доктрин. Вероятно, именно на Афоне Киприан познакомился с патриархом Филофеем, переживавшим там тяжелые времена изгнания. В 1364 г. Филофей вновь вернулся на патриарший престол и призвал Киприана для выполнения различного рода ответственных поручений. В ходе одной из своих дипломатических миссий Киприан сумел расположить в свою пользу литовских князей и с их помощью стал митрополитом Киевским в декабре 1375 г.

Митрополит Алексей и его окружение, по-видимому, не питали к литовскому митрополиту особой вражды. Во время своего приезда в Северо-Восточную Русь в 1374 г. он поразил их своими обширными познаниями, увлек головокружительными планами объединения всех сил православного мира для борьбы с натиском мусульман и католиков. Невозможных, погруженных в молчание лесных подвижников Киприан сумел заинтересовать рассказами о византийском исихазме — мистическом течении, последователи которого путем строгого аскетизма и особого рода психофизических приемов «приближались к богу». В молитвенном экстазе перед их взором вспыхивало ослепительное сияние — то самое, что, согласно Евангелию, окружило Христа в момент его общения с богом на горе Фавор.

Познакомившись на Афоне с учением основателей исихазма Григория Синаита и Григория Паламы, Киприан стал их последователем.

И все же московских «ревнителей благочестия» Киприан привлекал не столько как проповедник исихазма. Прежде всего они видели в нем энергичного политика, убежденного сторонника старых традиций в отношениях между церковью и великокняжеской

101

властью. Такой человек, как Киприан, мог с успехом противостоять посягательствам московского князя неполитический суверенитет митрополичьей кафедры. Успешнее, чем кто-либо другой, Киприан мог добиваться сохранения единства русской митрополии — одного из главных условий ее политической самостоятельности.

Конечно, от Киприана трудно было ожидать того московского патриотизма, который столь ярко

окрасил деятельность митрополита Алексея. Однако все понимали, что времена Алексея минули безвозвратно. После смерти Алексея Киприан налаживает тайные контакты с московскими «старцами». Его собственное положение к лету 1378 г. оказалось крайне неустойчивым. Со смертью Ольгерда Киприан лишился могущественного покровителя. Другой доброхот Киприана, патриарх Филофей, еще в 1376 г. был вновь сведен с престола. Новый патриарх Макарий враждебно относился к Киприану и готов был пойти навстречу московским требованиям относительно Митяя.

Оказавшись в политической изоляции, Киприан решился на отчаянный шаг. В июне 1378 г. он отправился в Москву.

Некоторые подробности этой рискованной и в сущности загадочной поездки мы узнаем из двух посланий митрополита Киприана к единомышленникам — игумену Сергию Радонежскому и его племяннику Федору. Митрополит хотел во что бы то ни стало попасть в Москву, где он надеялся оказаться под защитой авторитета Сергия и его «старцев». Они должны были удержать князя от расправы с незваным гостем. Каковы были дальнейшие планы Киприана—можно только догадываться. Вероятно, он рассчитывал при личной встрече склонить князя Дмитрия к сотрудничеству, к отказу от поддержки Митяя. Посредником в этих переговорах мог стать игумен Сергий. Московский князь через своих людей узнал о намерениях Киприана и решил не допустить его в Москву. На дорогах, по которым мог ехать Киприан, >были выставлены крепкие заставы. Если верить Киприану, воеводы имели приказ действовать по обстоятельствам и в случае необходимости даже убить митрополита. Послы Сергия, направленные для встречи

102

Киприана и сопровождения его в Москву, были задержаны по приказу князя Дмитрия. Узнав от кого-то о княжеских заставах на дорогах, Киприан «иным путем прошел». Ему обязательно нужно было попасть в Москву. Но именно здесь его ожидало разочарование. Никаких решительных действий в его поддержку «старцы» не предпринимали. Митрополит воочию убедился в своей ошибке: он переоценил влияние «старцев» на князя, их готовность рисковать всем.

Как это ни парадоксально, именно князь Дмитрий Иванович, воспитанием которого занимался сам митрополит Алексей, менее, чем кто-либо из потомков Калиты, питал уважение к «святительскому сану». Он приказал арестовать Киприана и его свиту. Митрополита содержали в строгом уединении, под надзором самых преданных княжеских слуг. Опасаясь протестов со стороны «старцев» и их московских единомышленников, князь стремился побыстрее отделаться от назойливого иерарха. Вечером следующего дня, пишет Киприан, «пришли, вывели меня, и я не знал, куда меня ведут — убивать или потопить?»².

Выдворили Киприана ночью. Конвойные, сопровождавшие его до самой литовской границы, были облачены в одежду, снятую со слуг митрополита. «Слуг же моих—сверх многого и злого, что с ними сделали, отпуская их на клячах разбитых без седел, в одежде из лыка, — из города вывели ограбленных и до сорочки, и до штанов, и до подштанников; и сапог, и шапок не оставили на них!»—писал Киприан в послании к Сергию и Федору 23 июня 1378 г. Это послание — великолепный образец эпистолярного жанра. Болгарин Киприан в отличие от других митрополитов — выходец из Византии свободно владел русским языком и даже оставил заметный след в литературе. Местами в послании прорывается еще не остывшая, клокочущая ярость. Однако как истинный дипломат византийской школы Киприан не дает чувствам захлестнуть разум. Он обращается не только к двум игуменам, но и ко всем, кто «единомудрен» с ними. Послание представляет собой краткое политическое «credo» Киприана. Его основные положения: незаконность возвышения Митяя; необходимость сохранить единство митрополии; возврат к старым,

103

между мос-

кдоалексеевским», нормам отношений швским князем и митрополитом.

Учитывая, что послание могло попасть и в руки < князю Дмитрию, митрополит подробно развивает «ысль о том, какую пользу он сам принес и еще мог бы принести Москве. Между строк читается заветная *лысль* Киприана: во имя «высших интересов» он го-:ов забыть обиды, нанесенные ему князем, и сотрудничать с ним на условиях равноправного союза, но этнюдь не подчинения: «Два с половиной года я в :вятительстве... Не вышло из уст моих ни слова про-РИВ князя великого Дмитрия — ни до поставления, [и по поставлении, — ни на его княгиню, ни на его юяр. Не заключал я ни с кем договора, чтобы дру-ому добра хотеть больше, чем ему, — ни делом,

ни словом, ни помыслом. Нет моей вины перед ним. Напротив, я молил бога о нем, и о княгине, и о детях то, и любил от всего сердца, и добра хотел ему и сей отчине его. А если слышал, что кто-нибудь за-[ышляет на него зло, ненавидел того. И когда мне приходилось служить соборно, ему первому велел многая лета» петь, а уже потом другим.

...Я к нему ехал, чтобы благословить его, и княгиню его, и детей его, и бояр его, и всю отчину его, : жить с ним в своей митрополии, как и мои братья митрополиты с отцом его и с дедом, с князьями ве-икими. А еще дарами честными хотел его одарить...»

Примечательно, что Киприан обещает «жить» с нязем так, как жили митрополиты с его отцом и де-ом. Об отношениях Алексея с самим Дмитрием Кип-иан намеренно умалчивает.

В конце послания Киприан бодро заявляет: «Мне се... бесчестье большую честь придало по всей земле в Царьграде». Действительно, ему ничего другого не оставалось, как отправиться на Босфор и там ытаться воспрепятствовать признанию Митяя. 18 октября 1378 г. он отправил из Киева своим москов- <им друзьям краткое послание, в котором благода- ит их за присылку вестей, ободряет и сообщает о зоем скором отъезде в Константинополь.

Киприан отправился в Константинополь сухим путем: через Молдавию и Болгарию. По дороге, на [унае, он был дочиста ограблен разбойниками, но :коре поправил свои дела, захав в родное Тырново.

104

Земляки во главе с самим патриархом Евфимием очень тепло приняли Киприана.

В мае 1379 г. митрополит прибыл наконец в столицу Византии. Там, по выражению одного источника, «питаясь тщетными надеждами», он провел около года. В июне 1379 г. он стал свидетелем низложения императора Андроника IV и торжества его отца, Иоанна, вернувшего себе престол. Вскоре новый император созвал церковный собор для осуждения патриарха Макария, ставленника Андроника. На этом соборе присутствовал и Киприан.

Новый патриарх Нил был избран лишь год спустя— в июне 1380 г. Вскоре после этого Киприан внезапно покинул Константинополь и ни с чем уехал обратно в Киев.

Потерпев неудачу в истории с Киприаном, московские «старцы» не сложили оружия. Они стали искать новых путей к достижению своих целей, новых людей, способных противостоять Митяю. Весной 1379 г. они сделали ставку на суздальского епископа

•Дионисия.

Этот иерарх по образу мыслей был «единомудрен» с Сергием Радонежским. Воспитанник Киево-Печерского монастыря, он впоследствии перебрался в Нижний Новгород, где основал Печерский монастырь. •Как и Сергей, Дионисий стремился к обновлению русского монашества, к распространению общежительных монастырей — «киновий». В своей обители он воспитал несколько видных подвижников, среди ■которых наиболее известным был «старец» Евфи-■мий—основатель Спасского монастыря в Суздале.

Церковные авторы не жалели хвалебных эпитетов по адресу Дионисия. Если верить одному из них, в лице Дионисия церковь имела «мужа тихого, кроткого, смиренного, искусного, премудрого, разумного, вдумчивого и рассудительного, искусного в божественных писаниях, в поучениях и толковании книг»⁴. В 1374 г. митрополит Алексей решил восстановить упраздненную им в 60-е годы суздальскую епископскую кафедру. Дионисий, через Сергия и других «старцев» связанный с Москвой, был признан наи-

105

лучшей кандидатурой на этот очень ответственный в политическом отношении пост.

Алексей не ошибся в своем выборе. После смерти митрополита Дионисий оказался одним из самых :тойких его последователей. Прибыв в Москву на со-эор, Дионисий демонстративно выказывал пренебрежение к Митяю, не явился к нему с поздравлением то случаю прихода к власти. При встрече между шископом и кандидатом на митрополию произошел срупный разговор, записанный кем-то из окружения Дионисия. Митяй надменно заметил: «Разве ты не наешь, кто я? Мне подвластна вся митрополия!» «Не [меешь ты надо мной никакой власти, — возразил Дионисий. — Лучше было бы тебе придти ко мне за лагословением и поклониться мне: ведь я епископ,

ты поп. Кто же старше: епископ или поп?» «Ты [еня попом назвал, а я тебя и попом не оставлю! —

скипел Митяй. — И скрижали твои (знаки епископ-ского достоинства. — Я. Б.) своими руками спорю! Но е сейчас отомщу тебе, а когда вернусь из Царь-зада...»⁵

Собор епископов состоялся в конце 1378 — начале 1379 г. На соборе Дионисий заявил о незаконности чанов относительно Митяя. Вскоре стало известно, го он намеревается поехать в Константинополь, что-то там помешать успеху замыслов Митяя и великого князя Дмитрия. Узнав об этом, князь распорядился арестовать Дионисия. Суздальский владыка ал клясться, что не будет более выступать против Митяя. Дмитрий хорошо знал цену обещаниям, даваемым в застенке. Еще на примере митрополита тексея он убедился в том, что слово церковного рарха — такая же сомнительная гарантия, как и яжеское «крестоцелование». Поэтому он не спешил вобождать Дионисия.

Вот тут-то в ход событий вмешался, наконец, и м Сергей. Он взял Дионисия «на поруки», подтверждая нерушимость его клятв. В начале лета 1379 г. Дионисий получил свободу и отправился в свою епархию. Там он не пробыл и недели: нарушив клятву и зручника свята выдав, суздальский епископ через ду отправился в Константинополь. Разгневанный Митяй обрушил на головы Сергия I, Дионисия град упреков и проклятий и даже пригро-

106

зил разорить Троицкий монастырь и другие лесные обители. Впрочем, до исполнения угрозы дело не дошло. Митяй решил прежде получить официальное признание патриархии, а затем уже, развязав себе руки, расправиться со своими недоброжелателями на Руси. В середине июля 1379 г. он выехал из Москвы в сопровождении большой свиты, в состав которой помимо клириков входили и великокняжеские бояре. Во главе посольства князь поставил своего ближнего боярина Юрия Васильевича Кочевина-Олешинского. Прощаясь с Митяем и сопровождавшими его боярами, Дмитрий Иванович сказал: «Если будет оскудение или какая нужда и понадобится тысяча рублей серебра или еще сколько — то вот вам моя кабальная грамота с печатью». Это была высшая форма доверия: Митяй мог занять на имя великого князя любую сумму у константинопольских ростовщиков. В азарте борьбы князь готов был опустошить московскую казну, лишь бы достичь своей цели и увидеть, наконец, Митяя признанным митрополитом. По дороге в Царьград Митяй имел встречу с Мамаем, кочевавшим в крымских степях. От имени номинального правителя Орды хана Тюляка Митяю был выдан ярлык, в котором он именовался «митрополитом Михаилом». Как и прежние правители Орды, Мамай стремился привлечь русскую церковь на свою сторону.

Добравшись до Кафы (современная Феодосия), московские послы взошли на корабль, который отплывал в Константинополь. И вот настал долгожданный день, когда на горизонте показались храмы и дворцы «Царя-города». Но тут случилось неожиданное: еще недавно вполне здоровый, полный сил, Митяй умер. В источниках есть сведения, что его задушили.

Среди участников посольства началось смятение. Многие вспоминали удивительную — если не сказать подозрительную — прозорливость Сергия. В ответ на угрозы Митяя после бегства Дионисия радонежский игумен, не любивший бросать слов на ветер, спокойно заметил: «Не видать ему Царьграда»⁶.

Корабль с русскими послами встал на рейде. Тело бедного Митяя в лодке отвезли на берег и предали земле на окраине Константинополя. После этого

107

ду участниками посольства начались жаркие споры относительно дальнейших действий. Возвращаться на Русь с пустыми руками от самых ворот Дарьграда было неразумно. Бояре видели лучший выход из положения в том, чтобы заменить Митяя го политическим двойником — человеком незнатным, седело преданным князю Дмитрию, далеким от свое-равных «старцев» круга Сергия. Такой человек в свите Митяя нашелся. Звали его Пимен. Он занимал овольно скромный пост архимандрита Успенского орицкого монастыря в Переяславле-Залесском. Против кандидатуры Пимена дружно выступило /ховенство из свиты Митяя. Их вождем стал архи-андрит московского Петровского монастыря Иван, гачальник общему житию», единомышленник Сергия Радонежского. Однако бояре уже усвоили «княжеские» методы борьбы с несговорчивыми церковниками. Иван был закован в цепи и посажен под стражу. Испуганные клирики притихли.

Явившись в патриархию, московские послы заявили, что Пимен и есть тот самый кандидат на митрополию, о котором просит московский великий князь. Дело затянулось до лета 1380 г., когда новый патриарх Нил поставил, наконец, Пимена митрополитом

одну лишь Великороссию.

Эта победа дорого обошлась боярам. В ход пошли многие кабалы с печатью великого князя Дмитрия, гор «Повести о Митяе» рассказывает: «Русские по-[в]мали этой кабалой серебро в долг на имя вели-

кого князя у фряз (итальянцев.— *Н. Б.*), у бесермен (юст). Тот долг растет и до сего дня. И роздали улы тем и другим, и едва утолили всех... Царь же патриарх много расспрашивали Пимена и тех, кто был с ним. И собрали собор, и после расспросов, и юканий, и расследований, решили поставить Пименом митрополитом. При этом греки сказали так: «Авдуду ли говорят русские, или неправду — но мы живаем по истине; мы правду делаем, и творим, лаголем». Так поставил патриарх Пименом митрополитом на Русь»⁷.

Ибо в обратную дорогу и само путешествие были еще более, чем на год. Лишь в конце года посольство вместе с Пименом вернулось домой. Но здесь их ожидали отнюдь не почести и награды.

«Когда Пимен прибыл в Коломну, то сняли с него клобук белый, с головы его, и развели в разные места спутников его—советников и клирошан. И отняли у него ризницу его, и приставили к нему сторожем некоего боярина по имени Иван, сына Григория Чюровича, прозванного Драницей. И послали Пимена в изгнание и в заточение. И повезли его с Коломны на Охну, не заезжая в Москву, а от Охны в Переяславль, а оттуда в Ростов, а оттуда на Кострому, а с Костромы в Галич, а из Галича на Чухлому...»⁸

Низверженный с высоты митрополичьего престола, заброшенный в глухие заволжские леса, Пимен мог теперь вволю поразмыслить о превратностях судьбы, вспоминая слова древнего мудреца Екклесиаста: «Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа». Что же произошло в Москве после отъезда Митяя в Константинополь? Что заставило князя Дмитрия столь круто расправиться с людьми, исполнившими— в меру своего разумения — его волю?

Осенью 1379 г. московские «старцы», пользуясь отсутствием Митяя, стали искать путей примирения с князем Дмитрием. Сергей Радонежский уверенно заявлял, что Митяя не увидит Царьграда. Однако он понимал, что если тот все же вернется из патриархии в митрополичьем клобуке, то для лесных монастырей и их обитателей наступят тяжелые времена. Если же Митяя внезапно исчезнет с исторической сцены, вновь возникнет вопрос о признании Киприана. Сергей надеялся примирить великого князя с этой кандидатурой. Но прежде нужно было восстановить сильно пошатнувшееся влияние самого радонежского игумена при московском дворе.

Не одни «старцы» напряженно размышляли над создавшимся положением. Князь Дмитрий тоже склонен был пойти на мировую. Он чувствовал, как ход событий неотвратимо приближает тот роковой день и час, когда Русь встретится с Ордой в решающей схватке. От своих разведчиков князь знал, что Мамай, не желая рисковать, копит силы, подыскивает союзников, вербует наемников. Сам Дмитрий в конце 1379 — начале 1380 гг. привлек на свою сторону литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей.

109

Однако главная задача заключалась в том, чтобы как можно больше русских княжеств в нужный момент выступили заодно. Для укрепления единства, для воодушевления воинов Дмитрию нужен был авторитет лесных отшельников. Но он не хотел первым идти на примирение, отчасти из гордости, отчасти потому, что «старцы» тотчас потребовали бы каких-то уступок с его стороны. И тогда первый шаг сделал Сергей...

Среди многочисленных «чудес», о которых рассказывает «Житие Сергия Радонежского», одно выделяется особым религиозно-политическим колоритом. Это рассказ о явлении Богоматери Сергию.

Однажды Сергей долго и самозабвенно молился перед иконой Богоматери. Вероятно, это была та самая, небольшая по размерам, но очень выразительная по живописи икона «Богоматерь Одигитрия», которая до сих пор хранится в Загорском музее и, согласно старой монастырской традиции, считается любимой, келейной иконой самого Сергия.

Закончив молитву, Сергей обратился к своему ученику келейнику Михею со словами: «Чадо! Будь бдительным и бодрствуй, потому что видение чудесное и ужасное будет нам в сей час».

И тут же раздался голос: «Вот Пречистая грядет!»

Услышав голос, Сергей стремительно вышел из кельи. «И вот свет ослепительный, сильнее солнца сияющий, ярко озарил святого; и видит он пречистую Богородицу с двумя апостолами,

Петром и Иоанном,, в несказанной светлости блистающую. И когда увидел ее святой, он упал ниц, не в силах вынести нестерпимый этот свет, — повествует автор «Жития Сергия» Епифаний Премудрый. — Пречистая же своими руками прикоснулась к святому, говоря: «Не ужасайся, избранник мой! Ведь я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя о учениках твоих, о которых ты молишься, и об обители твоей...»⁹

Богоматерь пообещала Сергию и впредь защищать его монастырь от опасностей и снабжать всем необходимым. «Сказав это, стала она невидима».

«Святой же в смятении ума страхом и трепетом великим объят был. Когда он понемногу в себя пришел, увидел Сергий ученика своего лежащим от страха, словно мертвого, и поднял его. Тот же бросился

ПО

к ногам старца, говоря: «Скажи мне, отче, господа ради, что это было за чудесное видение? Ведь дух мой едва не разлучился с телом из-за блистающего видения». Святой же радовался душой, так что лицо его светилось от радости той, но ничего не мог ответить, только вот что: «Потерпи, чадо, потому что и во мне дух мой трепещет от чудесного видения».

Окончательно успокоившись, Сергий призвал к себе своих учеников и рассказал им о случившемся.

Эта чисто средневековая история порождает немало вопросов. Прежде всего следует решить: не выдуман ли весь этот эпизод Епифанием Премудрым, писавшим лет 20 спустя после кончины Сергия? На этот вопрос можно ответить отрицательно. Все, что мы знаем о методах работы Епифания, позволяет утверждать: в основе рассказа о «явлении Богоматери Сергию» лежали подлинные события, точнее — подлинные переживания троицкого игумена, его «**потусторонние**» видения, которые он сам и его современники воспринимали как реальность.

Чтобы лучше понять эту историю, вспомним одно рассуждение Бальзака. «В наши дни явления галлюцинации настолько признаны медициной, что этот обман наших чувств, это странное свойство нашего ума более не оспаривается. Человек под воздействием чувства, напряженность которого превращает это чувство в манию, часто приходит в то состояние, какое вызывает опиум, гашиш и веселящий газ. Тогда появляются привидения, призраки, тогда воплощаются сны и погибшее оживает, не тронутое тлением. То, что было мыслью, становится одушевленным существом или художественным творением, полным жизни»¹⁰.

До наших дней сохранился выполненный в конце XIV — начале XV в. шитый покров с изображением Сергия. Полагают, что он достоверно передает внешность радонежского игумена. Необычайно выразительно скуластое худощавое лицо Сергия, обрамленное копной густых рыжеватых волос и широкой, уже изрядно тронутой сединами бородой. Мастер сумел передать и отсутствующий, устремленный «внутрь себя» взгляд слегка раскосых глаз. Облик аскета, отшельника подчеркивает длинный коричневый плащ, скрывающий фигуру «старца».

Ш

Судя по этому изображению, Сергий — человек незаурядной внутренней силы и вместе с тем очень эмоциональный, способный приводить себя в состояние религиозной экзальтации. «Явление Богоматери Сергию» стало не только его личным мистическим достижением. Автор жития сообщает, что игумен, изменив своей обычной молчаливой скрытностью, поспешил рассказать ученикам о происшедшем. Особенности массового сознания той эпохи позволяли Сергию рассматривать свою «встречу» с Богоматерью как событие, имеющее огромное общественное значение. Для современников Сергия «явление Богоматери» в Троицком монастыре было* великим и радостным событием, укреплявшим веру в небесное покровительство московской земле. По наблюдению известного знатока старых религиозных представлений А. П. Щапова, «одно явление иконы Богородицы, по народному верованию, было причиной обильного урожая хлеба и всякого овоща, хорошего лета, ведряной погоды, плодovitости скота, здоровья народного»¹¹. Здесь же явилась не икона, а сама «царица небесная», причем не в сновидении, а наяву. Русская церковная история еще не знала «чудес» такого масштаба.

Когда же состоялось это удивительное «свидание» Сергия Радонежского с дево́й Марией? «Житие Сергия» не сообщает точных дат событий. Однако, изучая произведение, можно заметить, что в нем отдельные рассказы о чудесах, не имеющие сколько-нибудь убедительной датировки, чередуются с повествованиями о событиях, время которых более или менее точно известно. Порядок следования датированных известий в житии в целом соответствует их реальной хронологической последовательности. Рассказ о «явлении Богоматери Сергию» не случайно помещен сразу вслед за историей о Митяе. Между этими эпизодами существует явная причинно-

следственная связь. По-видимому, «явление Богоматери» произошло осенью 1379 г., вскоре после отъезда Митяя в Константинополь. Постоянное нервное напряжение, в котором находился Сергей, вылилось в «чудо».

Известие о столь своевременном «чуде» несомненно должно было обрадовать московского князя Дмитрия. В тревожной обстановке конца 70-х годов «яв-

112

ление Богоматери» должно было воодушевить людей, укрепить авторитет Москвы.

Дмитрий хорошо понимал и то, что после столь-громкого «чуда» престиж Сергия неизмеримо возрастал. Ход событий неотступно требовал от московского князя примирения со «старцами». Поворот в церковной политике Дмитрия замечен уже осенью 1379 г. По заказу великого князя Сергей устраивает монастырь на реке Дубенке. Собор новой обители, посвященный Успению Богоматери, был освящен 1 декабря 1379 г.

Великий князь не обходит вниманием и племянника Сергия — Федора. Он получает место придворного исповедника. Тогда же в Симоновой монастыре, игуменом которого был Федор, начинается строительство каменного собора Успения Богоматери.

Восстановив дружественные отношения со «старцами», князь Дмитрий пользуется их поддержкой и в период непосредственной подготовки к борьбе с Мамаем. В некоторых источниках содержится рассказ о поездке князя Дмитрия перед Куликовской битвой в Троицкий монастырь и об участии в битве посланных Сергием монахов Пересвета и Осляби.

Твердая патриотическая позиция Сергия Радонежского, его вклад в подготовку победы на Куликовом поле способствовали дальнейшему сближению Дмитрия Донского с монастырскими «старцами». Свидетельством этого может служить приезд в Москву митрополита Киприана. 23 мая 1381 г. он был торжественно встречен в городе, из которого совсем недавно его с позором изгнали.

Вскоре по приезде в Москву новый митрополит вместе с Сергием Радонежским окрестил сына князя Владимира Андреевича Серпуховского Ивана. Эта церемония была своего рода демонстрацией единства Киприана и московских «киновархов».

Идя навстречу пожеланиям «старцев», Киприан деятельно взялся за укрепление внутрицерковных порядков и распространение общежительных монастырей. До наших дней сохранилось написанное в 1381 г. послание Киприана к игумену серпуховского Высоцкого монастыря Афанасию. Отвечая на многочисленные вопросы игумена, Киприан требует строгого соблюдения церковно-иерархических норм, дотошно*

113

входит в самые мелкие вопросы монастырской жизни. Один из ближайших учеников Сергия, Афанасий Высоцкий был очень дружен с Киприаном. Возможно, в 1381—1382 гг. он занимал пост митрополичьего наместника. После вторичного изгнания Киприана из Москвы Афанасий последовал за ним в Киев, а оттуда перебрался на постоянное жительство в один из константинопольских монастырей.

Перемирие Дмитрия Донского с Киприаном оказалось недолгим. Уже в октябре 1382 г. князь высылает митрополита из своих владений. Если верить летописи, причиной княжеской опалы была трусость Киприана, а также его сближение с тверским князем Михаилом. Бежав из Москвы за несколько дней до подхода войск хана Тохтамыша, митрополит направился в Тверь. Вскоре после приезда Киприана тверской князь Михаил Александрович отбыл в Орду за ярлыком на великое княжение.

26 августа 1382 г. хан Тохтамыш обманом захватил Москву, перебил и увел в плен ее жителей, а сам город сжег. Во время набега Тохтамыша князь Дмитрий Иванович находился в Костроме. Вернувшись на пепелище и похоронив мертвых, князь наказал тех, кто в той или иной мере был повинен в случившемся. Осенью 1382 г. он разорил владения Олега Рязанского, указавшего Тохтамышу безопасные броды на Оке. Тогда же он вызвал Киприана из Твери и, по-видимому, имел с митрополитом «крупный разговор», итогом которого стала высылка иерарха из Москвы. Можно не сомневаться, что в разговоре с Киприаном Дмитрий вспоминал митрополита Алексея, который в 1368 г. во время «первой литовщины» возглавил оборону осажденного врагом города. Киприан же бросил на произвол судьбы не только охваченный антибоярским восстанием город, но и жену Дмитрия княгю Евдокию, едва не попавшую в руки татар.

Выслав Киприана, князь Дмитрий распорядился вернуть из ссылки опального Пимена. Этот митрополит — жалкая и трагическая фигура в истории русской церкви. Заветный митрополичий клубок оказался для него подобием тернового венца.

Благодаря необычайно удачному стечению обстоятельств Пимен целых семь лет (1382—1389)

удер-

114

живался на постоянно качавшемся под ним митрополичьем престоле. Однако судьба политической марионетки всегда печальна. Не имея ни минуты покоя, вынужденный жить в постоянном страхе перед завтрашним днем, Пимен к концу жизни оказался на грани безумия. Главными врагами Пимена были монастырские «старцы». Политическая обстановка 80-х годов благоприятствовала их замыслам. Резкое ослабление военного могущества Москвы после событий 1382 г. заставило князя Дмитрия на время отказаться от активной внешней политики, а также от планов создания «управляемой» митрополии. Опасаясь новых враждебных действий со стороны хана Тохтамыша, князь надеялся иметь в лице русской церкви посредника в переговорах с Ордой. Ему нужны были и те разветвленные связи, которые имели русские церковные иерархи при ханском дворе. Исходя из этих соображений, Дмитрий уже в начале 1383 г. позволил «старцам» уговорить себя отказаться от поддержки Пимена. На его место «старцы» рекомендовали уже известного читателю суздальского епископа Дионисия.

Проведя несколько лет при дворе патриарха, Дионисий к этому времени успел сделаться архиепископом. В конце 1382 г. он возвратился на Русь, примирился с Дмитрием Донским и заручился поддержкой монастырских «старцев». В июне 1383 г. Дионисий вновь отправился в Константинополь. В качестве доверенного лица московского князя с ним отправился и Федор Симоновский. В начале 1384 г. патриарх Нил, соблазнившись звоном московского золота, поставил Дионисия третьим по счету митрополитом на Русь.

Весной 1384 г. Дионисий возвращался из Константинополя полный надежд. Казалось, его сопернику Пимену вскоре придется вновь увидеть пустынные берега Чухломского озера. Однако Дионисий по дороге в Москву имел неосторожность захватить в Киев, во владения Киприана и литовских князей. Возможно, он считал Киприана своим единомышленником по борьбе с великокняжескими планами подчинения церкви. А может быть, увлекавшийся Дионисий надеялся «изгоном», то есть с ходу, внезапной атакой,

115

вытеснить соперника из Киева. Как бы там ни было, просчет дорого обошелся суздальскому владыке. «Оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись: внезапно ведь человек погибает!» — говорил когда-то знаменитый Владимир Мономах¹². Судьба Дионисия еще раз подтвердила это наблюдение. В Киеве Дионисий был арестован местным князем Владимиром Ольгердовичем и через полтора года умер в заточении.

Эта расправа не могла произойти без участия Киприана. Устранив соперника, он поспешил оказать его праху высшие монашеские почести. Тело Дионисия было похоронено в подземном кладбище Киево-Печерского монастыря, в его самой «святой» части — пещере «великого Антония», основателя монастыря. Зная шаткое положение Пимена на Руси, константинопольский патриархат постоянно вымогал у него деньги, шантажируя расследованием истории его незаконного доставления. 9 мая 1385 г. Пимен отбыл из Москвы в Царьград. Целью этой поездки было оправдать себя и низложить литовского митрополита Киприана. Около трех лет провел Пимен в Константинополе в ожидании патриаршего суда. В июле 1388 г. он вернулся на Русь «без неправы», не достигнув желаемого.

А уже весной следующего года Пимен вновь стал собираться в дорогу. Из Константинополя пришло известие о том, что патриарх Антоний, придя к власти в феврале 1389 г., объявил о низложении Пимена. Князь Дмитрий возражал против новой поездки; митрополита в патриархию, считая ее пустой тратой сил и средств. Пимен и сам, конечно, не желал этого путешествия. Однако еще более, чем гнев князя, его пугала внутрицерковная оппозиция. Враждебные Пимену «старцы» и их единомышленники из числа епископов выражали открытое дрезнение и неповиновение низложенному митрополиту.

По дороге в Константинополь Пимен как несостоятельный должник был задержан в Тане (Азове) своими давними кредиторами — генуэзскими купцами. Кое-как выпутавшись из этой переделки, митрополит прибыл в Кафу (Феодосию). Здесь он неожиданно столкнулся с Федором Симоновским, также направлявшимся в Константинополь. К этому време-

116

ни племянник Сергия из робкого юноши, приведенного отцом на обучение в стены Троицкой обители, превратился в одного из главных лиц русской церкви. Выполняя дипломатические поручения князя Дмитрия, Федор постоянно курсировал между Москвой, Киевом и Константинополем. Ловкий, подчас беспринципный дипломат, властолюбивый иерарх, Федор по

образу жизни и складу характера был очень мало похож на воспитавших его лесных отшельников. Отстаивая интересы «старцев», Федор при этом проявлял чудеса изворотливости. Он то интриговал против Пимена в пользу Дионисия или Киприана, то прикидывался его другом и вместе с ним шантажировал патриарха, обращаясь за помощью к «бесер-менам» — туркам. При этом Федор не забывал и о своих собственных интересах. Вначале он выхлопотал в патриархии для своего Симонова монастыря право «ставропигии», то есть неподсудности митрополиту. По всем конфликтным вопросам архимандрит Симонова монастыря мог обращаться непосредственно к патриарху.

Вскоре Федор получил от Пимена пост ростовского епископа и добился учреждения в Ростове архиепископства. На Руси был тогда лишь один архиепископ — новгородский владыка. Став ростовским архиепископом, Федор фактически занял вторую после митрополита ступень в русской церковной иерархии.

Весной 1389 г. Федор ехал в Константинополь, по-видимому, лишь с одной целью: «добить» Пимена и самому сделаться митрополитом Великороссии. Догадываясь об этом, Пимен с помощью подкупленных тенуэзцев арестовал Федора, захватил его имущество и уплыл из Кафы, оставив ростовского владыку в руках тюремщиков. Однако Федор быстро сумел вырваться на свободу и поспешил вслед за Пименом.

В конце июня 1389 г. Пимен со свитой прибыл в Константинополь. Там уже находился митрополит Киприан и вскоре появился Федор. Уже в Византии иерархи узнали печальную весть: 19 мая 1389 г. скончался великий князь Московский Дмитрий Иванович. Последняя опора Пимена рухнула. Новый патриарх Антоний явно держал сторону Киприана. Пимену оставалось последнее средство: оттягивать патриарший суд, оказавшись больным. Он перебрался на во-

117

сточный, турецкий, берег Босфора и там, почти лишившись рассудка от выпавших на его долю испытаний, скрывался от разыскивавших его патриарших клириков.

В сентябре 1389 г. после третьей неудачной попытки вызвать Пимена на суд, патриарший собор объявил о его отлучении от церкви. Это известие сломило митрополита. 11 сентября он скончался. Один из сопровождавших Пимена клириков, Игнатий Смольнянин, в своих путевых записках сообщает, что тело покойного было погребено в церкви Иоанна Предтечи, находившейся за пределами города, на самом берегу моря. Сопровождавшие Пимена клирики перешли к Киприану и принявшему его сторону Федору Симоновскому.

1 октября 1389 г. Киприан выехал на Русь. Помимо Федора Симоновского его сопровождали два греческих и два русских епископа. Корабль, на котором плыли иерархи, едва не стал добычей осенних штормов на Черном море. Однако судьба хранила Киприана. Поздней осенью 1389 г. он был уже в Киеве.

•Сама по себе смерть Пимена не означала еще окончания «мятежа в митрополии». После кончины князя Дмитрия Ивановича исход борьбы зависел главным образом от позиции его наследника, 17-летнего князя Василия Дмитриевича. Признанный Ордой, он 15 августа 1389 г. взошел на великое княжение Владимирское. 9 января 1390 г. в Москве сыграли свадьбу молодого Василия I с дочерью великого князя литовского Витовта Софьей. Этот брак послужил началом поворота в московской политике. Если в эпоху Дмитрия Донского Москва находилась в постоянном военном противоборстве с литовскими князьями, то теперь наступило время примирения и сближения. Опасаясь союза между Литвой и Ордой, Василий I всячески стремился поладить со своим могущественным тестем Витовтом.

Осторожному политическому курсу московского князя вполне соответствовала и его церковная политика. Желая укрепить наметившийся московско-литовский союз, Василий принимает митрополита Киприана, который 6 марта 1390 г. торжественно въехал в Москву. Так завершилась длившаяся 12 лет схватка* между московской великокняжеской властью и дея-

118

тельными сторонниками укрепления политического суверенитета церкви.

Итог этой борьбы нельзя определить однозначно. Московскому князю не удалось превратить митрополичью кафедру в послушный инструмент своей внутренней и внешней политики. Однако было бы неверно думать, что все усилия Дмитрия Донского, направленные на подчинение митрополии, оказались бесплодными. Ему удалось приостановить наметившуюся в третьей четверти XIV в. тенденцию к объединению двух отрядов церковных сил — митрополичьей кафедры и монастырей. В условиях, когда митрополичья кафедра сумела сохранить свой политический суверенитет, а монастырские «старцы» начали активно участвовать в политических делах, их объединение сулило московским князьям гораздо больше тревог и забот, чем выгод и

преимуществ.

Благоприятная политическая ситуация в Восточной Европе, а также незаурядные дипломатические способности позволили Киприану до самой смерти (16 сентября 1406 г.) «сидеть на трех стульях», сохраняя власть над православными епархиями во владениях русских, польских и литовских феодалов. Прожив долгую жизнь, Кицриан пережил всех своих друзей и врагов «мятежного времени». 25 сентября 1392 г. скончался «чудный старец» Сергей. Назначив своим преемником любимого ученика — «старца» Никона, Сергей последние полгода жизни провел в полном молчании, словно прислушиваясь, как смерть медленно входила в его одряхлевшее тело. Лишь перед самой кончиной он нарушил обет и обратился к инокам с наставлениями: «Завещал единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, от злых и скверных похотей остерегаться, пищу и напитки вкушать трезвенные, а особенно смирением украшать себя. ^ страннолюбия (т. е. заботы о нищих, бездомных, убогих.— Я. Б.) не забывать, от противоречия уклоняться, и ни во что не ставить честь и славу жизни этой»

13

Три года спустя, 28 ноября 1395 г., скончался ростовский архиепископ Федор, а в 1399 г., приняв

схи-

119 му, умер многомятежный тверской князь Михаил; Александрович.

Стремясь сохранить хорошие отношения со всеми восточноевропейскими правителями, а также с русскими князьями, Кицриан, насколько известно, не оказывал московскому князю заметного предпочтения. Подобно своим предшественникам Петру и Феогносту, он много путешествовал, подолгу жил во владениях Ягайло и Витовта. В его политических взглядах на первом месте были интересы Византии, которая находилась тогда на краю гибели.

Отношения между Киприаном и Василием I отмечены холодноватой вежливостью и взаимным недоверием. Митрополит выступал заодно с князем лишь в тех вопросах, где интересы сторон совпадали. Князь Василий не делал митрополиту каких-либо подарков движимостью или землями. Рачительный хозяин, Киприан привел в порядок имущества митрополичьего дома.

Свидетельством его стяжательских наклонностей стала известная грамота Константино-Еленинскому монастырю. Дотошно перечисляя все, даже самые мелкие повинности зависимых от монастыря крестьян, митрополит требует их неукоснительного выполнения.

После кончины Киприана Василий I безропотно принял посланного из Константинополя митрополита-грека Фотия (1408—1431). Не обладая столь яркой индивидуальностью, как его предшественник, Фотий тем не менее оказался его политическим двойником. Он проводил жизнь в странствиях по Восточной Европе, повсюду отстаивал интересы константинопольской дипломатии.

В 1439 г. во Флоренции была заключена уния между православной и католической церковью. Правительство Византии надеялось таким образом укрепить связи с Западной Европой, получить военную-помощь для борьбы с турками. Одним из главных организаторов Флорентийской унии был митрополит «всех Русии» Исидор (1437—1441), грек по происхождению. Он прибыл в Москву в апреле 1437 г., а уже в сентябре того же года отбыл в Италию для участия в работе совместного православно-католического церковного собора, созванного для заключения унии. Лишь в марте 1441 г. Исидор вернулся в Севе-

120

ро-Восточную Русь. Услышав, как Исидор, выполняя условия унии, вместо патриарха константинопольского поминает римского папу Евгения IV, московский князь Василий II (1425—1462) возмутился. Он объявил Исидора вероотступником и поместил его под стражей в Чудовом монастыре. Тем самым московское правительство стало на путь разрыва церковных связей с Византией.

Однако затяжная феодальная война между представителями разных линий московского княжеского дома (1425—1453) тормозила решение этого давно назревшего вопроса. Лишь в 1448 г. собор русских епископов избрал первого автокефального (самостоятельного) митрополита — рязанского епископа Иону. С этого момента начался новый этап в истории отношений между московскими князьями и митрополитами. После захвата Константинополя турками в 1453 г. связи русской церкви с патриархатом носят эпизодический характер.

В то время как митрополичья кафедра до самой середины XV в. занимала позицию выжидательного нейтралитета по отношению к объединительным усилиям московских князей, потомков Калиты деятельно поддерживали монастырские «старцы». Распространяя на новые,

необжитые территории систему феодального землевладения, собирая в своих руках крупные земельные фонды, общежительные монастыри объективно действовали в интересах московских князей. Многие из видных деятелей русского монашества XV в. были и лично связаны с московским боярством, разносили по всей Руси политические идеи, утверждавшие особую историческую роль «белокаменной».

Конечно, в отношениях «старцев» с московскими князьями были и свои сложности. Поддержку монастырей приходилось щедро оплачивать деньгами, землями, всякого рода «гостинцами» и «кормами» в дни церковных праздников. Кроме того, наиболее авторитетные игумены по примеру Сергия и Федора Симоновского часто вмешивались в политические дела, писали князьям обличительные послания, а порой и открыто принимали сторону удельной оппозиции. Лишь во второй половине XV в. разбогатевшие, но обедневшие духом монастырские «старцы» становятся послушными исполнителями воли великого князя.

ГОСУДАРЕВЫ БОГОМОЛЬЦЫ

«Инокам установлено за царя-государя и за великих князей и за весь мир во смиренном образе бога молить».
«Валаамская беседа», XVI в.

Образование единого Русского государства поставило перед высшим духовенством ряд новых проблем. Сосредоточие в своих руках огромную власть, «государь всея Руси» Иван Васильевич (1462—1505) настойчиво добивался ликвидации политического суверенитета церкви, в котором он видел один из пережитков удельного строя. Крупные успехи во внутренней и внешней политике в 80-е и 90-е годы XV в. позволяли ставить новые, все более и более масштабные задачи. Их решение во многом зависело от того, удастся ли материально обеспечить быстро растущее дворянское сословие. Нехватка земель и крестьян заставляла дворян с завистью поглядывать на богатые монастырские вотчины. Мысль об их конфискации и раздаче в поместья казалась заманчивой и самому Ивану III. Однако он не торопил события, ждал благоприятной обстановки для схватки с церковными верхами.

Образование Московского государства сулила церкви не только новые опасности, но и новые перспективы. Появилась возможность расширения и укрепления влияния церкви на все стороны духовной жизни страны путем «сращивания» духовной иерархии с формирующимся государственным аппаратом. Московская Русь нуждалась в новых религиозно-политических теориях, в идейном обосновании ее политической самостоятельности. Поиски исторических корней российской государственности, ее связей с мировой историей приобретали острую актуальность.

122

Церковные писатели конца XV — начала XVI в. немало потрудились над выполнением этого «социального заказа».

Положение высшего духовенства осложнялось широким распространением в конце XV — начале XVI в. антицерковных настроений и вольномыслия. В Новгороде зародилось движение, получившее в официальных церковных кругах название «ересь жидов-ствуюющих». Еретики отвергали поклонение иконам и новозаветную символику, обличали пороки черного и белого духовенства.

Идеи новгородских еретиков вызвали сочувствие и отклик среди московских вольнодумцев. Даже в ближайшем окружении Ивана III встречались люди, религиозные и философские взгляды которых были очень далеки от ортодоксального православия. Самому «державному» импонировала критика еретиками монастырского землевладения и корыстолюбия «князей церкви».

Новые формы отношений между духовными и светскими феодалами определялись в остром, зачастую драматическом столкновении государственных, корпоративных и личных интересов. Далеко не все новое, связанное с укреплением феодальной государственности, было в моральном отношении выше старого, ушедшего в небытие.

Создание единого Русского государства было исторически прогрессивным явлением. Однако, признавая это, не следует уподобляться средневековым летописцам и рисовать деятельность и личность Ивана III, как, впрочем, и других «державных», одними лишь светлыми красками, а их противников, не раздумывая, относить к разряду консерваторов. Было бы столь же неверно объяснять упорство противников централизации лишь ущемленными собственническими

интересами или политической недалечностью. Нельзя забывать, что строительство Московского государства было для русского народа непрерывным испытанием, сопровождалось утратой многих традиционных ценностей. Именно в XIV—XV вв. исчезают традиции городского самоуправления, а в деревне зарождается система крепостного права. Власть великого князя Московского становится практически неограниченной. Входят в обиход публичные

123

казни и византийское придворное раболепие. Попадая под неусыпный контроль государства, обедняется, приводится к «общему знаменателю» духовная жизнь. Затухает независимое летописание.

Сейчас с высоты исторического опыта можно утверждать, что не только в период борьбы с ордынским игмом, но и позже, в XVI столетии, политическая централизация была необходимым условием государственного строительства, укрепления военного могущества страны. Однако вправе ли мы требовать необычайной прозорливости от людей того времени? Многие из них имели иное представление о том, что полезно и что пагубно для России.

В словах и даже мыслях людей корыстные интересы редко выступают в чистом, неприкрытом виде. Обычно человек сознательно или бессознательно облекает их в более привлекательную форму «высших соображений». Не столь уж редко встречаются в проникнутой религиозными настроениями средневековой политической жизни и подлинные идеалисты, люди идеи, готовые ради нее пойти на любые испытания. Противники московского великокняжеского «насильства» зачастую руководствовались не менее — если не более — высокими мотивами, чем их победители. Впрочем, вопрос о мотивах для историка, как правило, оказывается наиболее сложным, подчас неразрешимым. Поэтому при его решении часто проявляется тяга к упрощению и «осовремениванию».

Как бы там ни было, ясно одно: было бы недопустимой предвзятостью или же непозволительной расточительностью нашей исторической памяти отказывать церковным деятелям средневековой Руси, становившимся поперек дороги государям, в той доле уважения, которую заслуживает всякий человек, выступавший против «земного бога».

Митрополиты Феодосии (1462—1464) и Филипп (1464—1473), следуя заветам первого автокефального «святителя» Ионы, стремились восстановить те нормы отношений между церковью и великокняжеской властью, которые существовали во времена митрополита Алексея.

Разумеется, это не могло понравиться Ивану III. Он ловко устранил с кафедры идеалиста

124

Феодосия, затеявшего «чистку» церковных рядов и* тем сникавшего всеобщую ненависть.

Однако и Филипп оказался немногим лучше. Великий князь имел немало неприятностей от этого твердого и несговорчивого иерарха. Филипп резко осуждал контакты Ивана III с католическим миром. По некоторым сведениям, митрополит отказался венчать государя с его второй женой Софьей Палеолог, приехавшей на Русь из Рима.

Филипп пытался самостоятельно, без помощи князя, выстроить новый Успенский собор в московском Кремле. Однако в результате технических ошибок строителей в 1474 г. недостроенное здание рухнуло.

После внезапной кончины Филиппа весной 1473 г. его место занял бывший архимандрит Симонова монастыря Геронтий. Он был хозяином «дома святой Богородицы» до своей кончины в 1489 г. Для Ивана III Геронтий оказался самым «крепким орешком». На самодержавный произвол он отвечал князю традиционными церковными санкциями и приемами: запрещал освящать церкви, выстроенные великим князем, демонстративно уходил с кафедры в монастырь, отлучал от церкви и бросал в темницу иерархов, перешедших на сторону князя. Известно также, что Геронтий искал поддержки в среде недовольных политикой Ивана III удельных князей и бояр.

Ведя необъявленную войну с великим князем, Геронтий опирался на поддержку и сочувствие большей части высшего духовенства, понимавшего, что речь идет не менее, чем о полной ликвидации политического суверенитета митрополичьей кафедры.

Человек сильной воли, большого ума и беспредельного честолюбия, Иван III был лишен каких-либо «сдерживающих центров» по отношению к религии и церковной иерархии. Выросший в обстановке льстивого коварства и затаенной злобы, среди ослеплений и отравлений, сын Василия Темного был убежден, что вопреки евангельскому изречению, бог не в правде, но в силе.

В борьбе со строптивым митрополитом Иван III использовал самые различные средства. В противовес авторитету Геронтия он выдвигал и поддерживал неофициальных церковных лидеров — троицкого игумена Паисия Ярославова, ростовского архиепископа

125

Вассиана, чудовского архимандрита Геннадия. Князь шантажировал Геронтия переговорами с представителями литовского православного митрополита Спи-р ид она. Случалось, что Иван III грубо вмешивался в область церковной юрисдикции и отменял решения митрополита. Наконец, в 80-е годы тот смирился и подчинился воле государя. Именно этот, «поздний» Геронтий заслужил упрек Иосифа Волоцкого, что он «бояшеся Державного».

После кончины Геронтия Иван III долго медлил - с избранием митрополита. Наконец, 26 сентября 1490 г. церковь узнала имя своего нового «архипастыря». Им, по воле великого князя, стал симоновский архимандрит Зосима Брадатый. Если верить Иосифу Волоцкому, Зосима втайне разделял взгляды новгородско-московских еретиков¹.

Источники рисуют Зосиму человеком крайне низкой нравственности. Вероятно, в этом есть большая доля враждебной тенденциозности. Однако и в действительности Зосима, по-видимому, был не более чем политической марионеткой в руках великого князя Ивана III. «Государь всея Руси» возвел его на митрополию, желая ослабить традиционно высокий престиж митрополичьего сана, внести раскол в ряды воинствующих церковников.

17 мая 1494 г. Зосима оставил митрополию «не своею волею, но непомерного пития держашесь». Удалившись в Троице-Сергиев монастырь, он еще долго бушевал там, смущая монахов, требуя оказывать ему митрополичьи почести.

Более чем через год после отставки Зосимы «изволением государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси» на митрополичью кафедру был возведен троицкий игумен Симон, человек весьма бесцветный, ставший послушным орудием в руках великого князя. Благодаря своему покладистому характеру Симон сумел без особых потрясений пробыть на митрополии 16 лет — до самой своей кончины 30 апреля 1511 г.

В эпоху Ивана III не только митрополиты, но и монастырские «старцы» искали свое место в новой политической системе единого русского государства. Минули безвозвратно времена, когда «великие светильники» Сергей Радонежский и Кирилл Белозер-

126
ский с высоты своего духовного превосходства поучали князей и бояр. Теперь лишь «старцы» Кирилло-Белозерского монастыря порой «показывали характер», надеясь на заступничество удельного князя Михаила Андреевича Вереиско-Белозерского, во владениях которого находился монастырь. Негодуя на вмешательство «державного» в дела монастыря, они демонстративно уходили из обители. Однако Иван III конфисковал белозерские владения князя Михаила Андреевича и быстро подавил кирилловскую фронду.

В эпоху Ивана III возникает многочисленный «государев двор», складывается по-византийски пышный придворный церемониал. Монастырские «старцы» вынуждены были считаться с мнением двора, вникать в его тайны, искать покровителей среди вельмож. В связи с этим появляется и новый тип «старца»: вкрадчивый и льстивый, искушенный в придворных интригах, он сильно напоминает влиятельного прелата при дворе западноевропейских правителей.

Приближенные ко двору «старцы» уже не могли сохранять в чистоте иноческий идеал. Знаменитый в свое время боровский игумен Пафнутий (1444—1477) перед смертью, оглядываясь на прожитое, сокрушался: «Шестьдесят лет угождал я миру и мирским людям, князьям и боярам, встречая их, суетился; а сколько в беседах с ними было суетного наговорено; провожая их, снова суетился, а того и не ведаю — чего ради?»²

Когда умиравший «старец» отказался принять посланца великого князя, его ученик Иннокентий пришел в ужас и стал умолять Пафнутия: «Бога ради, о нашей участи подумай: ведь этого желает князь великий; осердится он за это, не разгневай его!»

Вскоре после кончины Пафнутия церковники стали прославлять его как святого. Однако с этим были согласны далеко не все. В 1531 г. известный писатель-и переводчик Максим Грек был обвинен в том, что не признает святости Пафнутия. В ответ на обвинения Максим заявил: «Он держал села, и на деньги росты имал (т. е. занимался ростовщичеством.— *Н. Б.*), и люди и слуги держал, и судил, и кнутъем бил, ино ему чудотворцем как быти?»³

Ближайшим учеником Пафнутия Боровского был.

127

Иосиф Санин, основатель и игумен Успенского монастыря близ Волоколамска (1479—1515). В истории русской церкви Иосиф Волоцкий известен главным образом своей борьбой с еретиками. Преследуя их, Иосиф обнаруживал фанатичную нетерпимость к любому отступлению от церковных догм. Однако скрытой дружиной его деятельности была жажда власти. В глубине души он лелеял мечту об обществе, где судьбами народа и отдельных людей распоряжаются

священники. Разжигая «охоту на ведьм», волоцкий игумен хотел сыграть роль верховного судьи, перед которым трепещут не только простолюдины, но и знать. Как и его покровитель, ярый гонитель еретиков новгородский архиепископ Геннадий, Иосиф восхищался практикой испанской инквизиции. При случае он и сам охотно выступил бы в роли Великого инквизитора. Именно Иосиф добился небывалой в истории русской церкви расправы: сожжения еретиков в Москве и Новгороде в 1504 г.

Покончив с подлинными еретиками, Иосиф «вошел во вкус» и не раз пытался уничтожить своих политических противников, обвиняя их в «ереси». Однако они быстро разгадали тактику Иосифа и платили ему той же монетой: к концу жизни сам инквизитор едва не попал на скамью подсудимых по обвинению в нарушении церковных канонов.

Жестокий и властолюбивый монах, отправляющий людей на костер, — таким остался Иосиф в памяти современников. Вероятно именно его образ вызвал саркастическое замечание неизвестного русского публициста XVI в., автора «Валаамской беседы», — «и во царях таковое свирепство редко бывает, какое во иноках бывает».

Иван III и его преемник, великий князь Василий III (1505—1533) угадывали тайные помыслы Иосифа и держались по отношению к нему весьма настороженно.

Отношения между волоцким игуменом и московскими правителями еще более усложнялись его позицией в вопросе о монастырском землевладении. Иосиф резко выступал против попыток Ивана III отобрать у монастырей принадлежавшие им земли. В этом вопросе он чувствовал за собой поддержку большей части высшего духовенства. На церковном

128

соборе 1503 г. «иосифляне» выступили сплоченными рядами. Великий князь вынужден был отступить.

Понимая, что без поддержки со стороны влиятельных особ он не сумеет добиться прочного успеха, Иосиф внимательно следил за борьбой придворных партий, принимал в ней живое участие. В последние годы правления Ивана III он сблизился с группировкой, центром которой была Софья Палеолог и ее старший сын Василий. Здесь волоцкий игумен пришелся «ко двору»: в окружении Софьи царил дух церковного «благочиния» и строгой ортодоксии. Иосиф разделял и династические замыслы Софьи, для которой целью жизни было возвести Василия на великокняжеский престол.

Противники Софьи, родичи Ивана III по его первому браку с тверской княжной Марией Борисовной, были известны своим покровительством всякого рода вольнодумцам и еретикам. «Душой» этого придворного кружка стала вдова Ивана Молодого (старшего сына Ивана III от первого брака) Елена Стефановна, дочь молдавского «господаря», прозванная в Москве Волошанкой. Иван III после смерти старшего сына долго не мог решить, кому завещать престол — внуку Дмитрию, сыну Ивана Молодого и Елены Волошанки, или же старшему сыну от брака с Софьей — Василию. В феврале 1498 г. он торжественно венчал на царство внука, однако пять лет спустя изменил свое решение и объявил наследником Василия.

Став великим князем, Василий не забыл той моральной поддержки, которую оказывал ему Иосиф в период борьбы за власть. В 1509 г. Иосиф обратился к Василию III с просьбой защитить его монастырь от произвола со стороны удельного князя Федора Борисовича Волоцкого. Великий князь откликнулся на просьбу игумена и взял обитель «под свою руку». Этот казался бы мелкий эпизод вызвал целую бурю возмущения в среде духовенства. Иосиф грубо нарушил иерархическую дисциплину, обратившись к Василию «через голову» своего непосредственного начальника — новгородского архиепископа Серапиона. Непреклонный ревнитель порядка и «благочиния» оказался в роли самоуправца. Ненависть, которую вызывал инквизитор, выплеснулась наружу. Серапи-

129

он отлучил Иосифа от церкви, но за это сам был вскоре смещен с кафедры по приказу Василия III. Благодаря вмешательству «Державного», волоцкий игумен сохранил свое положение. Однако его авторитет в глазах не только духовенства, но и московского боярства упал до крайней черты. Сам Василий III, уставший от жалоб и домогательств Иосифа, предпочитал проводить время в беседах с людьми иного склада — московскими философами и вольнодумцами, самым ярким из которых был князь-инок Вюсиан Патрикеев.

Видя, как падает его влияние при дворе, как рушатся честолюбивые планы, Иосиф решает несколько изменить свою позицию. Ради того, чтобы вернуть рюположение «державного», он отказывается от утверждения о превосходстве духовной власти над светской и развивает идею о божественном происхождении самодержавной власти, которая, однако, должна действовать в

тесном союзе с церковными верха-м, строго блюсти их интересы. Свои новые идеи он формулирует в 1510—1511 гг. в посланиях к Василию III, а также в своем главном литературном труде— «Просветителе». «Царь убо естеством подобен егь всем человеком, а властью же подобен ест ншняму богу», — писал Иосиф⁴. Такие высказывания авторитетного церковного деятеля были как нельзя более кстати для московских великих князей, югорые, заглядывая в будущее, уже примеривали прский титул к себе и своим наследникам. Этим пулом они именовали себя в дипломатической пере-иске с некоторыми соседними странами.

«Смена веx» не помогла Иосифу вернуть утраченное влияние при дворе. Современники слишком яросто знали его подлинные убеждения и намерения, йссийский инквизитор умер в опале, в удалении от дора 9 сентября 1515 г. Его тело было предано зем-л у стен собора основанной им обители.

Разработанное Иосифом учение о самодержце *т* «земном боге» стало приносить плоды уже после аерти его создателя. Оно стало теоретической осно-Ей сотрудничества между высшими церковными крархами и московскими государями. Своей теорией Исиф подтолкнул церковь на путь сращивания с юударственным аппаратом российского самодержа-

130
вия — путь, который в конечном итоге привел ее к глубокому кризису.

Деятельность волоцкого игумена, его политическая позиция, при жизни и после смерти Иосифа вызвали самые противоположные оценки. Монахи Волоцкого монастыря и близкие к Иосифу иерархи пытались добиться причисления его к «лику святых». Однако приверженцы старых традиций в отношениях, между великокняжеской властью и церковью, а также все, склонные к вольнодумству и свободомыслию, ненавидели и презирали Иосифа. Со временем споры утихли. Иосиф был прославлен церковью, удостоен звания «преподобного», как именовали прославившихся своей святостью монахов. Однако в конце XIX — начале XX в. историки и публицисты либерально-буржуазного направления стали часто поминать Иосифа недобрым словом, справедливо полагая, что именно он положил начало превращению русской православной церкви в своего рода «духовную полицию» на службе у российского самодержавия. В их оценке волоцкий игумен выглядел вольным или невольным виновником падения престижа церкви среди народных масс.

«Развивая теорию государственного покровительства церкви, Иосиф Волоцкий и его последователи едва ли думали, что теория эта приведет в конце концов к полному уничтожению светских привилегий церкви и к введению ее в рамки государственных учреждений», — писал П. Н. Милоков⁵. Еще резче выразился известный русский философ-идеалист Н. А. Бердяев. «Я никогда не чувствовал никакой близости к этому типу московского бытового православия с государственной церковью, с обрядоверием, с «благочестивым» Иваном Грозным, с Домостроем, с враждой к мысли и знанию, с душностью и полным отсутствием свободы, простора и дали. Этот мир в истоках своих связан с жестокой и по-моему роковой фигурой Иосифа Волоцкого»⁶. Среди русского монашества конца XV—начала XVI в. не только Иосиф Волоцкий и его единомышленники старались ввести церковный корабль в «бухту благополучия». Свой «путь опасения» предложил белозерский монах Нил (умер в 1508 г.), основатель первого в России монашеского скита. Выходец из

5*

знатного московского рода Майковых, Нил рано избрал путь иночества и постригся в Кирилло-Белозерском монастыре. Впоследствии он ушел из монастыря и поселился в его окрестностях, на берегу лесной речки Соры.

В истории русской общеэственной мысли Нил Сорский предстает своего дэода антиподом Иосифу Волоцкому. Даже по мане ере поведения, по образу жизни Нил во всем прямо о противоположен Иосифу. Волоцкий игумен любил : всякое церковное «благоепие» и понимал в нем тэалк. В его быстро богатевшем монастыре возводились каменные храмы, работали лучшие живописцы. Нил напротив, избегал всякой роскоши, запрещал иметь в своем скиту бого-служебные сосуды, изготов.гленные из золота и серебра. Все его ■богатство составляли сочинения «отцов церкви», которые он знал пючти наизусть.

Иосиф в любую минуту готов был вступить в спор со своими недругами, многое говорил и писал. Нил избегал всякой полемики, писал мало и неохотно.

Различия в обстановке и образе жизни двух знаменитых монахов отражалги разное понимание ими самой цели монашества. Нил Сорский и его соратники стремились личным примером

утвердить евангельские принципы доброты, бесребреничества и человеколюбия. «Стяжания же, иже по насилию от чужих трудов собираема, вносите сѣтюд несть нам на ползу... но яко яд смертоносен отвъбегати и отгоняти», — учил Нил Сорский⁷. Нил во иногам походил на Сергия Радонежского. Оба они находили особую сладость в нищете и самоотречении. Однако монастырская реформа Сергия имела целью коллективное, общее «спасение». Внутри общежительного монастыря (ски-новии) царил принудительное (равенство, отсутствие всякой собственности. В то же время сама киновия могла выступать как собственник, стяжатель имения. Оправданием накопительству служил известный тезис: «богатство монастыре:—й — нищих богатство».

Сам Сергий и его наиболее последовательный ученик Кирилл Белозерский, по-видимому, осуждали «владение селами». Но остальные «старцы» не отличались такой щепетильностью. Уже в конце XIV — первой четверти XV в. Троицкий монастырь, а вслед за ним другие «пустынные» киновии превращаются в

132

крупных землевладельцев. В результате монастыри оказываются втянутыми в путы «мирских» отношений и конфликтов. Общежительные порядки в них ослабевают, а кое-где и совсем исчезают. «К сожалению, общежитие как-то слабо прививалось в наших монастырях, — писал об этом времени известный церковный историк второй половины XIX в. архиепископ Макарий. — Даже лучшие из них, основанные Сергием Радонежским и его учениками на правилах общежительных, уже клонились к «лаврскому обычаю», то есть обычаю, по которому каждый инок живет особо, сам собою»⁸.

Стремясь предотвратить личное обогащение монахов за счет имущества монастыря, такие ревнители «благочестия», как, например, тот же Иосиф Волоцкий, вынуждены были вводить в своих обителях строжайшую дисциплину. Однако никакими запретами нельзя было удержать оголодавших иноков от соблазна попользоваться за счет тугой монастырской мощны. Со временем монастырская реформа Сергия стала приносить далеко не те плоды, которых ожидал ее инициатор. «Пустынные» монастыри по образу жизни стали приближаться к городским боярским и княжеским «богомольям».

Выход из создавшегося положения Нил Сорский видел в переводе монашеской жизни в русло «скитского жития». Побывав на Афоне, изучив практику древних синайских монастырей, Нил пришел к выводу, что только немногочисленные, по 2—3 человека, сообщества иноков могут жить в обстановке братской любви и подвижничества. По сравнению с казарменными порядками в киновиях обитатели скита пользовались гораздо большей личной свободой. Они могли иметь кое-какую собственность, продавать плоды своего рукоделия, нанимать работников для мелких нужд. При этом «Устав» Нила Сорского категорически запрещал принимать крупные вклады и пожертвования, использовать труд зависимых от монастыря людей. Нил отрицал необходимость раздачи милостыни, содержания нищих, так как именно это служила оправданием монастырского стяжательства. В итоге скит Нила Сорского оказывался полностью самостоятельным по отношению к «миру». Это давало возможность без помех приступить к главному для мо-

133

наха занятию: «внутренней молитве», «умному деланию», нравственному очищению.

Стройная и по-своему красивая утопия Нила Сорского не изменила основного направления развития монастырской жизни на Руси.

Второе поколение нестяжателей оказалось несравненно более практичным и политически активным, чем первое. Наиболее ярким его представителем стал Вассиан Патрикеев. Сосланный в конце 90-х годов в Кирилло-Белозерский монастырь, князь Василий Иванович Патрикеев, отпрыск знатной боярской семьи, лет десять спустя вернулся в Москву в монашеском обличьи. Во время своей ссылки он познакомился с Нилом Сорским, увлекся его идеями. Поселившись в московском Симоновом монастыре, Вассиан жил открыто, принимая посетителей. Сам великий князь Василий прислушивался к его суждениям.

Не слишком увлекаясь проблемой оптимального устройства иноческой общины и вполне равнодушно относясь к мистике и «умному деланию», Вассиан сосредоточился на критике Иосифа Волоцкого и его последователей. Вместе с приехавшим в Москву в 1518 г. афонским монахом Максимом Греком Вассиан перечитал множество старинных актов, церковно-юридических сборников, «Кормчих» в поисках доказательств незаконности «владения селами». Максим предоставил Вассиану уточненные переводы греческих оригиналов многих канонических текстов. Свои взгляды на монастырское землевладение Вассиан настойчиво внушал Василию III. «Аз великому князю у монастырей села велю отымати», — откровенно признавался он⁹.

Вассиан сочувствует тяжелому положению крестьян, живущих на монастырских землях. «Сребролюбием и алчностью побежденные, братьев наших убогих, живущих в селах наших, различным образом оскорбляем, запросами неправедными притесняем их...» Он бросает упрек монастырским властям: «Сами же, разбогатевав сверх меры и питаясь ненасытно, сверх иноческой потребности, работающих на вас в селах христиан, братьев наших, нищетою крайней со свету сживаете».

Князь-инок прямо называет монастырские земли «чужими», принадлежащими иному, законному владельцу. Кому же следует их вернуть: боярам, удель-

134

ным князьям или великому князю? На этот вопрос Вассиан не дает ответа.

Человек гуманистического склада, Вассиан питал отвращение к инквизиторским притязаниям Иосифа. Он хорошо понимал, к чему могут привести идеи волоцкого игумена. В своих посланиях Вассиан упрекал Иосифа в лицемерии, жестокости, сребролюбии, в раболепном преклонении перед великим князем. Ученик заволжских пустынников, Вассиан с глубоким уважением относился к индивидуальной духовной жизни человека. Ему претил казарменный дух, насаждавшийся Иосифом в общежительных монастырях.

Великий князь Василий Иванович долгое время увлекался проповедью нестяжателей, восхищался чистотой их религиозно-нравственного идеала. Он открыл им дорогу к вершинам иерархической власти. Летом 1511 г. на митрополичий престол был возведен убежденный нестяжатель Варлаам. Он долгое время жил в Кирилло-Белозерском монастыре, среди монахов которого широко распространены были нестяжательские воззрения. С 1506 г. Варлаам возглавлял Симонов монастырь, в котором позднее поселился Вассиан Патрикеев и куда для беседы с ним приезжал сам великий князь Василий Иванович.

Взойдя на кафедру, Варлаам сместил ряд епископов-иосифлян, заменив их «своими», близкими к нестяжателям иерархами. Однако торжество нестяжателей было недолгим. Как и следовало ожидать, их погубила несговорчивость. Осенью 1521 г. Василий III решил расправиться с внуком мятежного Дмитрия Шемяки князем новгород-северским Василием Ивановичем Шемячичем. С этой целью предполагалось заманить Шемячича в Москву, на переговоры и здесь арестовать. Однако Шемячич соглашался приехать к Василию III лишь при том условии, что митрополит Варлаам гарантирует его безопасность.

За полтора столетия до этих событий митрополит Алексей в схожей ситуации пошел на обман и дал Михаилу Тверскому «охранную грамоту». Варлаам оказался более разборчивым в средствах. Он отказался пойти на вероломство и в результате 17 декабря ^1521 г. вынужден был сложить с себя митрополичий белый клобук. Вскоре Варлаам был сослан в Уединенный Спасо-Каменный монастырь, находив-

135

ыйся далеко за Вологодой, на небольшом острове посреди Кубенского озера.

В феврале 1522 г. митрополитом по воле великого князя стал игумен Иосифо-Волоцкого монастыря Даниил. Он быстро удалил из рядов высшего духовенства всех проникших туда нестяжателей. Так закончился краткий период расцвета нестяжательства, этого оригинального, смелого по тем временам течения русской общественной мысли. Будущее сулило нестяжателям одни лишь гонения и расправы.

В 1523 г. митрополит Даниил доказал свою преданность великому князю; он согласился взять на себя ту неблагоприятную роль, от которой с негодованием отказался Варлаам. Поклявшись обеспечить неприкосновенность Василия Шемячича, Даниил позволил Василию III схватить приехавшего в Москву новгород-северского князя. Внук отравленного по приказу Василия Темного Дмитрия Шемяки кончил свои дни в московской тюрьме. В 1525 г. Даниил признал сомнительный с точки зрения церковных канонов развод Василия III с первой женой, Соломонией Сабуровой, а затем и его брак с Еленой Глинской.

На деле убедившись в преимуществах сотрудничества с иосифлянами, Василий III дал согласие на расправу с последователями Нила Сорского. В 1525 г. перед церковным судом предстал Максим Грек. Его обвиняли в различного рода (преступлениях. Однако подливной причиной расправы были нестяжательские взгляды Максима. Последующие 30 лет своей жизни Максим провел в опале и ссылке. Он был отправлен «на послушание» к своим злевшим врагам — монахам Иосифо-Волоцкого монастыря. Впоследствии Максим был переведен в тверской Отрочь монастырь, затем — в Троице-Сергиев. Там он и умер в глубокой старости в 1555 г. Его похоронили возле Духовской церкви. Со временем троицкие монахи отметили могилу Максима, причисленного к «лику святых», особой надгробной «палаткой».

Несколько лет спустя Ваосиан Патрикеев разделил участь своего друга-«философа». В 1531 г. он был судим по обвинению в превратном толковании церковных канонов. Признанный виновным, князь-инок был сослан в Иосифо-Волоцкий монастырь.

Не довольствуясь физической расправой с идеоло-

136

гами нестяжательства, митрополит Даниил позаботился об историческом обосновании иосифлянских взглядов. Он подготовил грандиозный свод бытовавших на Руси церковно-юридических актов (так называемую «Сводную Кормчую»), который давал возможность нейтрализовать собранные Максимом Греком высказывания церковных авторов, осуждавших «владение селами». Одновременно Даниил организовал составление нового летописного свода, в котором, иосифлянские идеи были подкреплены историческими примерами.

Еще одним доказательством законности, неприкосновенности церковного землевладения должны были послужить составленные по распоряжению митрополита Даниила сборники ханских ярлыков русским митрополитам. Пример ордынских «царей» должен был вразумить христианского «государя».

Одним из проявлений иосифлянских взглядов Даниила стала забота о прославлении Пафнутия Боровского, учителя Иосифа Волоцкого. Митрополит устанавливает ежегодное празднование памяти Пафнутия в день его кончины¹⁰.

В период регентства Елены Глинской Даниил санкционировал арест и заточение удельных князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, братьев Василия III. Оба они вскоре умерли в темнице. Та же участь постигла и дядю правительницы — Михаила Глинского.

2 апреля 1538 г. Елена Глинская умерла. Начался длительный период боярского своеволия. Новое правительство, во главе которого встал князь Василий Васильевич Шуйский, освободило из тюрем многочисленных родичей и сторонников удельных князей. Митрополит Даниил, благословлявший расправы с удельной знатью, 2 февраля 1539 г. был низложен. Один неофициальный летописец середины XVI в., рассказывая об этих событиях, замечает, что митрополит «ко всем людям был немилосерден и жесток, уморял у себя в тюрьмах и оковах людей своих до смерти, да и сребролюбие имел великое»¹¹. Несколькими штрихами нарисован портрет типичного иерарха-иосифлянина: властного, алчного и жестокого.

Низложенный митрополит был отправлен в ссылку в Иосифо-Волоцкий монастырь, где прежде был

137

игуменом. На его место 9 февраля 1539 г. был возведен игумен Троице-Сергиева монастыря Иоасаф Скрипицын, прозванный Умным.

Сохранившийся до наших дней «чин» (порядок) поставления этого митрополита подробно описывает традиционный ритуал утверждения нового главы русской церкви¹². 5 февраля 1539 г. несколько епископов во главе с новгородским владыкой Макарием собрались в приделе Похвалы Богородицы Успенского собора московского Кремля и избрали трех кандидатов на митрополию: чудовского архимандрита Иону, троицкого игумена Иоасафа и игумена новгородского Спасо-Хутынского монастыря Феодосия. Затем бросили жребий, и первым вынуто было имя Иоасафа. Жеребьевка была данью древней церковной традиции.

На другой день кандидатура Иоасафа была утверждена государем в присутствии Боярской думы и «Освященного собора» (высших иерархов). После этого все отправились на молебен в Успенский собор. «Нареченный» (избранный, намеченный) митрополит шел первым. Два епископа поддерживали его под руки в знак особого почтения.

Посетив собор, процессия двинулась на расположенный поблизости митрополичий двор, где новгородский архиепископ Макарий с епископами ввели нового «первосвятителя» во владение его имуществом и хорами.

9 февраля в Успенском соборе произошло, наконец, поставление нареченного митрополита. Перед литургией он громко прочел православный «символ веры». Во время службы епископы через «царские врата» ввели его в алтарь. Там над ним был совершен обряд поставления, после которого Иоасаф уже как «первосвятитель» совершил литургию. После службы митрополит сел на «горнее место» в алтаре. Великий князь подошел к нему, сказал краткую речь и вручил посох — древний символ архипастырской власти.

После «соборной» части церемонии ее участники вышли на Ивановскую площадь. Митрополит, подражая Иисусу Христу, въехавшему в Иерусалим на осле, сел на «осляти» (обычно роль «осляти» исполняла обыкновенная лошадь). Два старших боярина,

138

государев и митрополичий, взяли «осля» под узцы и повели на государев двор. Посетив великокняжеские покои и благословив их обитателей, митрополит вернулся к себе, завтракал с епископами, затем на том же «осляти» отправился в объезд вокруг кремлевских стен, благословляя собравшийся народ. Завершением ритуала стал торжественный обед митрополита с епископами.

Примечательно, что Иоасаф был поставлен, по существу, на занятое место: только 26 марта 1539 г. бояр.м удалось сломить сопротивление его предшественника митрополита Даниила и заставить его подписать отречение.

В условиях ожесточенной борьбы придворных боярских кланов митрополит Иоасаф не сумел долго удержаться на кафедре. Во время очередного дворцового переворота в марте 1542 г. он был арестован Шуйским и сослан в свой Троице-Сергиев монастырь. Там он прожил долгое время, пользуясь большим почетом. К мнению Иоасафа Умного прислушивались и много лет спустя. По-видимому, он был близок с одним из доверенных лиц Ивана Грозного благовещенским протопопом Сильвестром. В 1551 г. именно Иоасафу решено было послать «на экспертизу» решения «Стоглавого» церковного собора. В своих замечаниях по тексту документа Иоасаф предстает весьма своеобразной личностью. Вопреки мнению собора он требует переложить расходы по выкупу пленных с податных людей на церковь. «А христианам, государь царь, и так твоей много тягли в своих по-датеях». Негодуя на широкое распространение ско-морозиных увеселений, к которым был неравнодушен и сам царь, Иоасаф увещевает: «Бога ради, государь, вели их извести, кое бы их не было в твоём царстве. Се тебе, государь, великое спасение, аще бесовская игра их не будет»¹³.

Весьма интересно и пожелание Иоасафа упомянуть в историческом экскурсе, касающемся собора 1503 г., не только Иосифа Волоцкого, но и «старцев-пустынников», то есть нестяжателей и их вождя Нила Сорского. Видимо, близость Иоасафа с Сильвестром была основана на сочувственном отношении того и Другого к учению нестяжателей. Впрочем, как и некоторые другие «поздние» нестяжатели, Иоасаф не

139

стеснял себя в повседневном обиходе: живя в Троицком монастыре, он «пировал с клирошанами», а позднее, в Кирилловской обители, устраивал себе в келье особый, отдельный от всех монахов стол¹⁴.

Вскоре после свержения Иоасафа хозяином «дома пречистой Богородицы» стал новгородский архиепископ Макарий. Уже на другой год новый митрополит едва не был раздавлен жерновами придворной борьбы. В 1543 г. князь Шуйские решили расправиться с боярином Федором Воронцовым. Его схватили в государевой «столовой избе», выволокли на улицу и принялись бить «смертным боем». Макарий вмешался, чтобы приостановить расправу. Его самого клеветы Шуйских «безчестно затеснили и мантию на нем со источники и содрали»¹⁵.

И все же Макарий сумел благополучно пережить все политические конвульсии эпохи. В период острого династического кризиса 1553 г., когда тяжело больной Иван IV принуждал бояр целовать крест на верность своему полугодовалому сыну, «пеленочнику» Дмитрию, Макарий сумел уклониться от участия в придворной борьбе. На следующий год царь назначает его своим душеприказчиком, призывает в качестве свидетеля заново составленной духовной грамоты.

7 августа 1560 г. умерла первая жена Ивана IV царица Анастасия. Макарий был в числе главных организаторов его второго брака. 21 августа 1561 г. он обвенчал Ивана с кабардинской княжной Кученей, которую он же накануне окрестил Марьей.

8 начале 60-х годов, когда Иван IV начинает раскручивать чудовищный маховик массовых репрессий и казней, митрополит пытается успокоить царя, примирить его с боярством. Он широко пользуется традиционным правом «печалования», позволявшим главе церкви брать под свою защиту провинившихся, опальных вельмож. Макарий старался смягчить участь впавших в немилость деятелей Избранной рады, дать им возможность лично оправдаться перед царем. В 1561 г. он примиряет Ивана IV с его двоюродным дядей князем Василием Михайловичем Глинским, ручается за его политическую благонадежность; в 1562 г. спасает князя Вельского. Уже незадолго до смерти, в 1563 г., Макарий на время

140

примирил царя с его двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем Старицким.

31 декабря 1563 г. Макарий скончался. Это был один из просвещенных и гуманных руководителей русской церкви. Известный исследователь эпохи Ивана Грозного академик С. Б. Веселовский, быть может несколько увлекаясь чистотой художественного образа, писал, что «Макарий

принадлежал к тем немногим избранным натурам, которые одним своим присутствием облагораживают и поднимают окружающих их людей и своим молчаливым упреком действуют сильнее, чем резким осуждением. Для борьбы он был слишком мягким человеком, но влияние его на царя долгое время было очень велико»¹⁶.

Одной из главных причин редкого для той эпохи политического долголетия митрополита Макария было его умение идти навстречу пожеланиям как светских властей, так и иосифлянского большинства церковной иерархии. В своей деятельности он тонко сочетал защиту интересов церкви с крупными услугами боярскому правительству и самому Ивану IV. Именно Макарий подготовил и провел церемонию «венчания на царство», состоявшуюся 16 января 1547 г. Митрополит благословил Ивана IV на борьбу за присоединение Казани, за выход к Балтийскому морю.

Одновременно Макарий заботился об укреплении могущества и повышении престижа церкви. В 1547 и 1549 гг. под его руководством состоялись церковные соборы, на которых были рассмотрены вопросы канонизации (причисления к «лику святых»). В свое время иерархи-византийцы, выполняя требования константинопольского патриархата, всячески препятствовали распространению культов собственно русских святых. Так, например, месяцеслов Евангелия Семена Гордого, создателем которого, по-видимому, был митрополит Феогност, вообще не содержит «памятей» русских святых. К середине XVI в. признанием митрополичьей кафедры и общерусской известностью пользовалось лишь около десятка отечественных святых: князь Владимир Святославич, «креститель Руси», его сыновья Борис и Глеб, казненный в Орде в 1246 г. князь Михаил Черниговский, митрополиты Петр и Алексей, монахи Сергей Радонежский, Вар-

141
лаам Хутынский, Антоний и Феодосии Печерские и некоторые другие. В условиях феодальной раздробленности многие святые чтились местно, без утверждения высшими церковными инстанциями. Каждое княжество имело своих собственных «небесных заступников» и «чудотворцев».

Под руководством Макария была проделана огромная работа по ревизии местных пантеонов святых, отбору кандидатов в общерусский канонизационный список, унификации старых и написанию новых житий. В результате на соборах 1547 и 1549 гг. было канонизировано 39 «новых русских чудотворцев». Среди них — «духовные отцы» иосифлян Пафнутий Боровский и Макарий Калязинский, большая группа новгородских святых, несколько учеников Сергия Радонежского, основателей новых монастырей.

Пополнение рядов отечественных святых не только увеличивало доходы монастырей и соборов, где хранились их останки, но также укрепляло престиж русской церкви внутри страны и среди других православных церквей.

На соборах 1547 и 1549 гг. были окончательно установлены необходимые предпосылки канонизации того или иного претендента: наличие жития и церковного песнопения («канона») в его честь, достоверные свидетельства «чудес», совершенных кандидатом в святые, и, наконец, нетленность мощей. Последнее требование доставило особенно много хлопот желающим иметь собственного святого. За исключением редких случаев естественной мумификации трупа, все остальные «нетленные мощи» на поверку оказывались более или менее ловкой подделкой.

В первой половине 1551 г. в Москве состоялся церковно-земский собор, в ходе которого высшее духовенство во главе с Макарием вынуждено было дать ответы на целый ряд вопросов, поставленных Иваном IV. Содержание вопросов, как и сама идея созыва собора, было подсказано молодому царю его ближайшими советниками из числа нестяжателей. Виднейшим среди них был царский духовник благовещенский протопоп Сильвестр.

Вопросы царя «Стоглавому» собору ярко рисуют

142

многие темные стороны тогдашней церковной жизни, указывают на наиболее распространенные пороки черного и белого духовенства. Приводим этот любопытный диалог царя с высшим духовенством в изложении известного русского историка прошлого столетия С. М. Соловьева¹⁷. «В 1551 г. на церковном соборе царь подал святителям следующий список беспорядкам, для прекращения которых требовал их содействия: чтобы по церквам звонили и пели по уставу, чтобы поставлены были старосты поповские над всеми священниками; при отдаче антиминов * продажа делается большая; иконы пишутся неприлично; чтобы при даче вечных знамен** не было великой продажи христианству; божественные книги писцы пишут с неправильных переводов и, написав, не исправляют же; ученики учатся грамоте небрежно; у владык бояре, дьяки, тиуны, десятичники и неделычики *** судят и управу чинят не прямо, а волочат и продают с

ябедниками**** вместе, а десятичники попов по селам продают без милости, дела сочиняют с ябедниками, а женки и девки, с судьею по заговору, чернецов, попов и мирян обвиняют ложно в насилиях и позоре; в монастырях некоторые постригаются для покоя телесного, чтобы всегда бражничать; архимандриты и игумены некоторые службы божия, трапезы и братства не знают, покоят себя в келье с гостями, племянников своих помещают в монастыри и довольствуют их всем монастырским, также и по селам, в кельи женки и девки приходят, ребята молодые по всем кельям живут, а братия бедная алчут и жаждут и ничем не упокоены; все богатство монастырское держат власти с своими родственниками,

* Антиминс—дословно «вместопрестоліе». Небольшой прямоугольный покров на престол в алтаре. Каждый новый престол должен был освящать местный епископ. Однако вместо этого обычно покупался антиминс, освященный архиереем. Продажа антиминсов — одна из статей дохода епископских кафедр.

** Венечные знамена — своего рода «свидетельства о браке», регистрационные документы архиерейской канцелярии.

*** Бояре, дьяки, тиуны, десятичники (десяТильники), не-Дельцики — светские чиновники- архиерейского управления. В их обязанности входил сбор налогов с духовенства и суд над «церковными людьми».

**** Ябедник — здесь: доносчик.

143

боярами, гостями, приятелями и друзьями; монахи и монахини по миру бродят, монахини живут в мирских просвирнях*, монахи у мирских церквей в попах живут; просвирни над просвирами приговаривают. Милостыню и корм годовой, хлеб, соль, деньги и одежду по богадельным избам во всех городах дают из царской казны, христороубцы также милостыню подают; но в богадельные избы вкупаются у прикащи-ков мужики с женами, а прямые нищие, больные и увечные без призору по миру ходят; монахи, монахини, попы и миряне, мужчины и женщины с образами ходят и собирают на церковное строение: иноземцы этому дивятся. Надобно подумать, должны ли **быть** несудимые грамоты? В монастыри отдаются имения, а строения в монастырях никакого не прибыло и старое опустело: кто этим корыстуется? Надобно решить, прилично ли монастырям отдавать деньги в рост? Монахи и попы пьянствуют; вдовы попы соблазняют своим поведением, остаются при церквях и исправляют все требы, только обеден не служат; старец на лесу келью поставит или церковь срубит, да пойдет по миру с иконою просить на сооружение, у царя земли и руги просит, а что соберет, то пропьет; должно избирать игуменов и священников достойных. В церквях стоят в тафьях и шапках с палками, говор и ропот и всякое прекословие и беседы и срамные слова; попы и дьяконы пьют бесчинно, церковные причетники всегда пьяны, без страху стоят и бранятся; попы в церквях дерутся между собою и в монастырях тоже; попы и дьяконы без риз служат; пономари и дьяки двоеженцы и троеженцы в алтари входят и святые касаются. Головы и бороды бреют и платье иноверных земель носят; крестное знамение кладут не по существу; бранятся скаредными словами: и у иноверцев такое бесчиние не творится; клянутся именем божіим во лжу; ружные попы не исполняют своих обязанностей. Продают давлению. Христиане приносят в церковь кутью, канун, на Велик день пасху, сыры, яйца, рыбы печеные, в иные дни

* Просвирня — помещение при церкви, где готовились просфоры (просвиры): небольшие круглые хлебцы, которые в ходе литургии «пресуществлялись» в «тело Христово». Выпечкой просфор занимались женщины преклонного возраста и «беспорочного поведения», жившие при церкви.

144

калачи, пироги, блины, караваи и всякие овощи: в Новгороде и Пскове для этого устроен кутейник во всякой церкви, в Москве же все это вносится в жертвенник и в алтарь; в монастырях монахи и монахини и миряне живут вместе. Надобно заняться выкупом пленных из бусурманских рук». Царские вопросы и ответы собора были записаны и оформлены в виде обширного сборника, впоследствии получившего название «Стоглав» (т. е. «состоящий из 100 глав»). Копии его рассылались по всей России, служили своего рода инструкцией для черного и белого духовенства вплоть до 60-х годов XVII в., когда некоторые положения «Стоглава» оказались противоположны церковной реформе Никона и потому весь памятник был предан забвению.

Собор 1551 г. во многом напоминал собор 1503 г. Как и полвека назад, глава феодального государства поставил перед церковным руководством вопрос о законности монастырского землевладения. Однако, как некогда его дед Иван III, молодой царь и его советники из числа немногих уцелевших к этому времени нестяжателей натолкнулись на дружное негодование иосифлянского большинства собора. В ответе царю иерархи выразились весьма решительно: «Аще ли кто, забыв страх божий и заповеди святых отцов, дерзнет таковое сотворити (отнять у монастырей их вотчины. — *Н. Б.*) ... да будут отлучены от церкви»¹⁸.

Потерпев неудачу в главном вопросе, царь все же заставил Макария и его окружение пойти на некоторые уступки. Уже после завершения работы собора было объявлено, «что впредь архиепископам и епископам и монастырям вотчин без царева ... ведома и без доклада не покупати

ни у кого. А князьям и детям боярским и всяким людям вотчин без доклада им не продавать. А кто купит, или кто продаст вотчину без доклада, и у тех, кто купит, Денги пропали, а у продавца — вотчина. А взяти вотчину на государя и великого князя безденежно»¹⁹.

Столкновение с царем по вопросу о монастырских вотчинах не сказалось на положении Макария. Напротив, царь вскоре выдает на расправу иосифлянам последних нестяжателей. В 1554 г. их предводитель,

145

игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий, был сослан в Соловки.

Расправа с Артемием — яркий пример того, какими средствами стоявшие у власти иосифляне, в том числе и митрополит Макарий, расправлялись со своими противниками из среды черного духовенства. Московский вольнодумец Матвей Башкин, оказавшись под следствием по подозрению в ереси, назвал Артемия в числе своих единомышленников. На очной ставке Артемий отверг показания Башкина. Тогда сыскан был новый свидетель—бывший ферапонтов-ский игумен Нектарий. Он обвинил Артемия в терпимости к новгородским еретикам, в сочувствии к «латыни» и «немецкой вере», а также в критике писаний Иосифа Волоцкого. Нашлись и еще свидетели против Артемия. Впрочем, некоторые из них в ходе процесса отказались от своих показаний. Главным обвинителем и одновременно судьей выступал сам митрополит Макарий. Старый нестяжатель на суде держался твердо и с достоинством. Когда стало ясно, что Макарий и возглавляемый им собор намерены осудить Артемия на смерть, в дело вмешался Иван IV. Памятуя о давних симпатиях московских государей к нестяжателям, царь велел сохранить ему жизнь. Артемий был приговорен к ссылке в Соловецкий монастырь, где должен был содержаться в одиночной, «молчательной келье». Ему было запрещено говорить и писать, получать письма и посылки. Особый монах-надзиратель постоянно следил за тем, чем он занимается в своем «зузилице». Лишь сам игумен имел право беседовать с Артемием, склоняя его к раскаянию. Впрочем, по счастью для Артемия, игуменом этим был знаменитый Филипп Колычев. Человек твердый и независимый, Филипп, по-видимому, проникся сочувствием к Артемию. Известно, что узник «молчательной кельи» вскоре бежал из монастыря, переправился на материк и ушел за рубеж, в Литву. Побег из Соловков, технически крайне сложный, был возможен лишь при явном попустительстве со стороны монастырских властей.

По кончине Макария его место занял «старец» Чудова монастыря Афанасий, в прошлом — царский

146

духовник. Он уже в начале 50-х годов был приближен ко двору, сопровождал Ивана IV в походе на Казань. В 1554 г. Афанасий крестил царевича Ивана. Есть свидетельства его близости с митрополитом Макарием.

24 февраля 1564 г. высшие церковные иерархи совместно с царем избрали Афанасия митрополитом, а 5 марта состоялось его торжественное возведение на кафедру. В знак благоволения царь выдал Афанасию грамоту, в которой подтверждался податный и судебный иммунитет митрополичьих вотчин.

Несмотря на осторожность и большой опыт общения с царем, пребывание Афанасия на митрополичьей кафедре оказалось недолгим. Следуя давней привычке московских митрополитов, он пытался влиять на выработку политической линии правительства, принимал участие в придворной борьбе. Вместе с боярами митрополит весной 1564 г. потребовал от царя прекратить расправы с «изменниками». Не ожидавший столь энергичных протестов, Иван IV на время затих. Между тем в его голове уже зрел грандиозный замысел создания опричнины.

В декабре 1564 г. Иван IV покидает Москву и поселяется в Александровой слободе. Перепуганные бояре отправились к нему, умоляя вернуться в столицу. Они беспрекословно приняли выдвинутое царем требование о разделе всей территории страны на опричнину и земщину. В опричнину отошли районы, где располагались родовые вотчины оппозиционной боярской верхушки.

Пользуясь неограниченной властью в пределах опричных земель, Иван IV выселяет оттуда бояр, а их владения передает своим опричникам. Одновременно царь вновь обращается к казням и ссылкам как к средству борьбы с «изменниками».

Одним из условий своего возвращения в Москву в январе 1565 г. Иван IV поставил отказ церковных иерархов и в первую очередь митрополита — который, кстати сказать, не ездил вместе с боярами в слободу, — от традиционного права заступничества за опальных. Митрополит вынужден был покориться. Однако когда, по выражению современника, «воску-рилось гонение великое» на многие боярские семьи, он не утерпел и, следуя примеру Макария, стал заступаться за

тех, на чьи головы обрушился опричный

147

террор. Митрополит ходатайствовал перед царем за боярина И. П. Яковлева, князя М. И. Воротынского. Но времена были уже не те, да и сам Афанасий не имел авторитета Макария. 16 мая 1566 г. митрополит Афанасий под благовидным предлогом, «за немощью», оставил кафедру и ушел обратно в Чудов монастырь. Там он прожил на покое еще несколько лет, занимаясь своим любимым делом — иконописанием. В 1567 г. именно ему было доверено «поновление» главной святыни Московского государства — «чудотворной» иконы Владимирской Богоматери.

После ухода с кафедры Афанасия Иван IV оказался перед необходимостью избрания нового хозяина «дома пречистой Богородицы». Царь искал иерарха выдающегося, способного освятить своим авторитетом деятельность правительства. Спасаясь от постоянного душевного смятения, ночных кошмаров и приступов безумия, Иван хотел видеть рядом с собой подлинного «духовного отца», мудрого советника и исповедника.

Обычно кандидатов на митрополию выбирали из числа епископов или настоятелей крупнейших московских монастырей. Иван IV нарушил эту традицию. Его избранником стал игумен далекого Соловецкого монастыря Филипп Колычев. Вопреки ожиданиям царя Филипп оказался одним из самых стойких борцов против опричного террора. В исторической литературе высказывалось мнение, согласно которому мужественные выступления Филиппа против опричнины объясняются его личными связями с московским боярством. Однако новейшие исследования этой эпохи показывают, что многие боярские роды, в том числе и Колычевы, в 60-е годы XVI в. не только не выступали против опричнины, но и сами принимали в ней активное участие. Таким образом, упрощенно-социологическое объяснение мотивов конфликта между царем и митрополитом оказывается несостоятельным.

Мы слишком обеднили бы историю русской церкви, а вместе с ней и историю страны, стремясь объяснить поступки ее деятелей одними лишь корыстными соображениями и холодным политическим расчетом. Воспитанные на каждодневном чтении Евангелия и Апостола, русские иерархи, во всяком случае наибо-

148

лее искренние из них, не могли не принять ту систему моральных ценностей, тот культ милосердия и самопожертвования, которым проникнуты эти древние книги. «Кто хочет идти за мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (От Марка, 8, 34—36). Отчего же не признать за Филиппом права положить жизнь за истины, которые проникли ему в сердце?

Круг жизни Филиппа (в миру—Федора) Колычева можно изобразить лишь в самых общих чертах. Его отец, Степан Колычев, принадлежал к старинному московскому боярскому роду, основателем которого считался боярин московского князя Семена Гордого Андрей Иванович Кобыла.

Дальними родственниками Колычевых, потомками того же Андрея Кобылы, были самые знатные московские фамилии — Романовы, Шереметевы, Горбатые, Образцовы.

Будущий митрополит родился 15 февраля 1507 г. Вотчины Колычевых находились не только в центральных уездах страны, но и на севере, в бывшей Обонежской пятине Великого Новгорода. Побывав там в юности, Филипп полюбил русский Север с его суровой и торжественной природой, особым укладом жизни. Склонный к размышлению и поискам истины, он отправился странствовать по скитам и обителям лесного края. Есть сведения о том, что Филипп посещал монастырь Александра Свирского, жил в пустынях и погостах западного Прионежья.

В 1537 г. правительница Елена Глинская, вдова Василия III, расправилась с мятежным удельным князем Андреем Старицким. В ходе расследования этой «крамолы» были казнены и трое Колычевых. Потрясенный гибелью родственников, а может быть и сам оказавшийся в подозрении у властей, Филипп решает уйти из «мира». Он поселяется в тогда еще бедном и малоизвестном Соловецком монастыре.

Основанный в первой половине XV в. монахами-отшельниками Савватием, Германом и Зосимой, Спа-со-Преображенский монастырь располагался на Большом Соловецком острове в Онежской губе Белого

149

моря. Ему принадлежали не только острова Соловецкого архипелага, но также земли и промысловые угодья на материке. Суровая северная природа заставляла соловецких монахов

проявлять необычайную изобретательность и хозяйственную смекалку. На протяжении всей своей многовековой истории монастырь отличался «предпринимательской жилкой», тягой ко всякого рода техническим усовершенствованиям. Начало этой традиции было положено Филиппом Колычевым. Став игуменом Соловецкого монастыря в 1548 г., он развернул кипучую деятельность, направленную на развитие монастырского хозяйства и улучшение условий жизни иноков.

Во время своих странствий по северным монастырям Филипп познакомился с богатым опытом устройства различных гидротехнических сооружений, накопленным на русском Севере. На Соловках он с успехом использовал полученные знания. Десятки озер, разбросанных среди лесов и болот Большого Соловецкого острова, были соединены системой каналов, завершением которой стал подземный канал, прорытый под самим монастырем. Озерная вода, устремляясь в море, вращала на своем пути колеса мельницы. Из канала брали воду для монастырской поварни, квасоварни и прачечной. Помимо чисто хозяйственного значения, филипповские каналы играли и роль огромной дренажной системы.

Благодаря неисчерпаемой энергии Филиппа в монастыре и его окрестностях выросли десятки самых разнообразных хозяйственных заведений: кузницы, кирпичные заводы, садок для живой рыбы, каменная пристань, кожевенная, гончарная, чоботная мастерские. Игумен организовал в монастыре литье колоколов, изготовление свечей и икон. С материка были завезены и успешно прижились на острове северные олени. Монастырь обзавелся собственным стадом коров, для содержания которого был отведен один из малых островов.

В вопросах устройства монастырской жизни Филипп был близок к поздним нестяжателям. Он не принуждал иноков к «иссушению плоти», не изобретал для них казарменных уставов. Напротив, монастырский летописец с удовлетворением отмечает, что «при игумене Филиппе прибыли: шти с маслом да и раз-

150

ные масленые приспези, блины и пироги и оладьи, и крушки рыбные, да кисель, да и яишница..., стали в монастырь возить огурцы и рыжики».

В личных покоях Филипп позволил себе даже некоторый комфорт: ковер, цветные стекла в окнах, многочисленную прислугу.

Своей бурной деятельностью по благоустройству монастыря Филипп привлек к себе внимание не только монашеского мира, но также московских бояр и самого Ивана IV. Богатые царские пожертвования пополнили монастырскую казну и позволили развернуть на острове большое каменное строительство. На смену старым деревянным зданиям приходит комплекс Успенской церкви с трапезной и келарскими палатами, сооруженный в 1552—1557 гг. В 1558—1566 гг. в монастыре был выстроен огромный, очень своеобразный по архитектуре Спасо-Преображенский собор.

Как и его учителя, «старцы» северных монастырей, Филипп любил уединение и безмолвие.

Прежде чем принять игуменство, он долгое время жил в скиту, получившем позднее название «Филипповой пустыни». Там, на холме, с которого открывались бескрайние северные просторы, Филипп построил келью для уединенных молитв и размышлений. Став игуменом, он не раз возвращался сюда. Великое молчание природы, торжественная гармония земли, воды и облаков наполняли его душу тишиной и покоем.

Даже в далеких Соловках слышны были раскаты грозы, бушевавшей в Москве. Царь начал борьбу с «изменниками». В 1560 г. в Соловецкий монастырь был сослан московский протопоп Сильвестр, духовник Ивана IV, один из виднейших деятелей правительства Избранной рады. Беседуя со ссыльными, прислушиваясь к вестям из столицы, Филипп и не подозревал, что вскоре водоворот политической борьбы подхватит его и понесет навстречу гибели.

Летом 1566 г. Филипп был вызван в Москву. Царь и «Освященный собор», как именовались на языке того времени высшие церковные иерархи, предложили ему принять митрополичий сан.

Филипп выставил условием своего согласия ни много ни мало как отмену опричнины.

Разгневанный Иван со своей стороны заявил, что признает Колычева митрополитом

151

лишь при условии, чтобы тот знал свое место и «в опришнину и в царский домовый обиход не вступался». Филипп отступил. Он обещал не вмешиваться в государственные дела. Лишь после этого, 25 июля 1566 г., Филипп был возведен на митрополичью кафедру.

Первое время митрополит держал слово и лишь с молчаливым осуждением взирал на разгул опричнины. Но наконец он не выдержал и заговорил. 22 марта 1568 г. Филипп публично, в

Успенском соборе, пригрозил царю Страшным судом и адскими муками за тот «пожар лютости», которым была охвачена Россия. Однако обличения Филиппа не оказали на царя никакого воздействия. «Коса» нашла на «камень». Царь Иван гневным окриком прервал обличительную речь Филиппа.

Следуя примеру прежних митрополитов, Филипп в знак протеста покинул митрополичий двор и переселился в московский Никольский монастырь. Когда-то Иван III в такой же ситуации вынужден был склониться перед митрополитом Геронтием и просить его возвратиться в Кремль. Однако Иван IV и не думал следовать примеру деда.

Вскоре Филипп вновь обрушился на Грозного, упрекая его в том, что царь явился на богослужение в черном опричном балахоне с высоким шлыком на голове. И вновь Иван велел Филиппу замолчать или же оставить митрополию.

Самый сильный приступ ярости вызвало у царя столкновение с Филиппом во время богослужения в соборе Новодевичьего монастыря 28 июля 1568 г. Возмущенный тем, что один из опричников не снял шапку во время чтения Евангелия, митрополит произнес гневную речь, требуя отмены опричнины. Иван IV и его опричная свита покинули богослужение. Некоторые историки считают, что именно в этот день в Москве произошло мощное выступление посадских людей, требовавших отмены опричнины. Перепуганный царь поспешил уехать из столицы в Александрову слободу, где стал обдумывать план расправы с митрополитом.

Авторитет Филиппа среди духовенства, боярства, а также, вероятно, и других слоев населения был весьма высок. В повседневной жизни он был безупре-

152

чен с точки зрения христианской морали. Беспричинная расправа с ним могла привести к нежелательным для царя последствиям. Поэтому Иван IV решил избавиться от неугодного митрополита более «законным» путем. Осенью 1568 г. он направил в Соловецкий монастырь своего рода «следственную комиссию» в составе суздальского епископа Пафнутия (личного врага митрополита Филиппа), архимандрита московского Спасо-Андроникова монастыря Феодосия, боярина Василия Темкина и дьяка Дмитрия Пивова. Посланные вскоре вернулись, доставив царю «доказательства» недостойного поведения Филиппа на посту соловецкого игумена. В качестве свидетелей в Москву были привезены преемник Филиппа игумен Паисий и некоторые монахи, согласившиеся давать нужные следователям показания.

В начале ноября 1568 г. в Москве состоялся суд над Филиппом. Митрополит не унизился до оправданий и заявил, что готов немедленно сложить с себя сан и покинуть кафедру. Однако дело зашло уже слишком далеко, и выйти из игры, сохранив жизнь и свободу, оказалось невозможным. Памятливый на обиды царь решил поиздеваться над Филиппом, насладиться его унижением. Он велел ему выслушать все обвинения и исполнять обязанности митрополита до окончания суда и соборного приговора. Выполняя волю грозного царя, церковный собор признал Филиппа виновным в «скарденных делах».

8 ноября 1568 г. опричники во главе с Алексеем Басмановым схватили Филиппа во время богослужения в Успенском соборе, сорвали с него митрополичье облачение и в одежде простого монаха, на дровнях отвезли в московский Богоявленский монастырь. Вскоре «инок Филипп» был перевезен в соседний Никольский монастырь, где также содержался под строгим надзором. Падение Филиппа повлекло за собой новую волну репрессий. По своему обыкновению царь расправился со всей родней и близкими опального. За «гордыню» митрополита поплатились клирики и светские лица из его свиты, а также около десятка представителей рода Кольчевых. Голову одного из них Иван распорядился бросить в мешок и отослать в келью, где содержался Филипп.

153

Когда царский гнев несколько поостыл, он велел увезти Филиппа из Москвы и поместить в тверском Успенском Отроче монастыре. Однако Иван не забыл строптивного иерарха. В конце 1569 г., когда опричное войско во главе с самим царем остановилось в Твери по дороге на Новгород, он приказал Малюте Скуратову расправиться с бывшим митрополитом. 23 декабря 1569 г., выполняя царскую волю, Малюта «возглавиєм» (то есть подушкой) задушил Филиппа в его келье.

Неуравновешенный, склонный к покаянию, царь, кажется, вскоре стал сожалеть о расправе с митрополитом. В начале 70-х годов он уничтожил многих людей, причастных к «делу Филиппа». Уже в 1571 г. был казнен глава «следственной комиссии» опричный боярин В. Темкин. Тогда же исчез с политической сцены дьяк Д. Пивов.

После расправы с Филиппом высшие иерархи почувствовали непреодолимый страх перед царем. Впрочем, Грозный не забывал и о другой стороне дела: жестоко расправляясь с непокорными иерархами, он одновременно давал богатые вклады в крупные монастыри, избегал прямых посягательств на земельные владения церкви. Политика «кнута и пряника», которую проводил царь по отношению к высшему духовенству, стала приносить свои плоды. По свидетельству исследователя внутренней политики Ивана IV П. А. Садикова, «митрополиты: Кирилл (1568—1572 гг.), Антоний (1572—1581 гг.), бывший архиепископ полоцкий, и Дионисий (1581—1586 гг.), — из новгородского Хутынского монастыря, — ничем не проявили себя в отношении опричнины и всего «домового обихода» Ивана, покорно исполняя его волю и не протестуя против эксцессов, которым подвергалось духовенство в некоторых случаях; они милостиво разрешали Грозному в его личной жизни самые грубые нарушения церковных догм в вопросе о браке. Пассивен был в массе и митрополичий совет, «Освященный собор», состоявший из высших представителей черного духовенства»²⁰.

Во времена Грозного уже не слышно было о просветленных молчанием и «умной молитвой» лесных отшельниках — бесстрашных обличителях несправедливости и жестокостей мира. Царь превращает мона-

154

стыри в своего рода тюрьмы, где постригаются опальные бояре. Это ускорило внутреннее разложение иноческого «братства», проникновение в монастырь мирских пороков и «соблазнов». Невольные иноки — вчерашние бояре — устраивались в монастырях с привычными удобствами, держали собственный стол и прислугу, кормили и поили у себя в кельях монастырских «соборных старцев».

Иван IV писал инокам Кирилло-Белозерского монастыря: «Ныне бояре разрушили порядок во всех монастырях своими пороками... Иссякло в Троице-Сергиевом монастыре благочестие — и монастырь оскудел: никто у них не постригается и никто им ничего не дает. А в Сторожевском монастыре до чего допились? Некому и затворить монастырь, на трапезе трава растет»²¹.

Раздраженный теми почестями и льготами, которыми пользовались в Кирилловой монастыре опальные бояре Шереметев, Хабаров, Собакин и другие, царь гневно вопрошал иноков: «Хорошо ли, чтобы в Кирилловом монастыре завелись такие порядки, которые заводил митрополит Иоасаф, пировавший в Троицком монастыре с клирошанами, или Мисаил Сукин, живший в Никитском и других монастырях, как вельможа?»

Впрочем, подкупленные богатыми «милостынями» монастырские власти были снисходительны не только к опальным боярам, но даже и к самым «богомерзким», кровавым царским опричникам. Так, например, в Иосифо-Волоцком монастыре молились «за упокой души» Малюты Скуратова и всей его родни. Домочадцы царского палача регулярно устраивали для братии обильные «корма». В целом же церковь не нашла в себе сил для того, чтобы остановить кровавый произвол Ивана Грозного. Из всех разрядов «церковных людей» лишь городские юродивые порой отваживались спорить с царем, упрекать его за жестокости, призывать к покаянию и милосердию. Бедные как церковные мыши и бесстрашные как библейские пророки, они были окружены стеной суеверного почтения, сильны молчаливой поддержкой городской «черни». Перед этими безоружными противниками случалось отступать и самому всесильному царю.

ПЕРВЫЙ ПАТРИАРХ

«...Наша же страна, якоже зрети, благодатию божьей во многорасширение приходит... И сего ради хошу... яко да в царствующем граде Москве устроится превысочайший престол патриарший».

Из речи царя Федора Ивановича на церковном соборе.

«Известие о начале патриаршества в России»

Принятие русским государем царского титула в январе 1547 г. влекло за собой и вопрос о новом, более высоком титуле главы русской церкви. Для русских людей того времени слово «царь» вызывала воспоминания о византийских императорах, рядом с которыми привыкли видеть первосвященника — константинопольского патриарха.

С древних времен восточная церковь имела четырех патриархов: александрийского, антиохийского, иерусалимского и константинопольского *. С иерархической точки зрения старшим из них считался патриарх константинопольский. Каждый из патриархов руководил религиозным сообществом, именовавшимся «церковью». Все церкви выводили свою родословную от ближайших учеников Христа — апостолов. Александрийская церковь считала своим основателем Марка, антиохийская — Петра и Павла, иерусалимская — Иакова.

Константинопольская церковь у истоков своих помещала сразу нескольких апостолов — Андрея,

Павла, Иоанна и других. Первоначально руководители всех церквей имели сан епископа. Уже на * В Болгарии патриаршество было установлено в X в., в Сербии — в XIV в. В Грузии во главе православной церкви с XI в. стоит католикос-патриарх. В 1925 г. патриархатом провозглашена румынская православная церковь.

156

Втором вселенском соборе (381 г. н. э.) епископу Константинополя («Нового Рима») было предоставлено второе место после епископа собственно Рима. После разрыва между восточной (православной) и западной (католической) церквями, окончательно оформившегося в середине XI в., константинопольский первосвященник, естественно, переместился со 2-го на 1-е место среди собратьев. Уже в V в. н. э. все главы восточных церквей имели достоинство патриархов, то есть наиболее почитаемых, старейших среди епископов.

Среди константинопольских епископов были такие прославленные «отцы церкви», как Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст. Александрийская церковь гордилась именами известных theologов Афанасия Великого, Кирилла и Климента Александрийских. Из ее недр в IV—V вв. н. э. вышли основатели христианского монашества, отшельники-аскеты Антоний, Пахомий, Пимен, прозванные впоследствии «Великими». Воспитанником антиохийской церкви был знаменитый богослов и гимнограф Иоанн Дамаскин. Иерусалимская церковь особо чтит память песнопевца Козьмы Маюмского, подвижников, основателей монастырей V—VI вв. Евфимия Великого и Саввы Освященного.

Печальное состояние восточных церквей в конце XVI в. уже почти ничем не напоминало об их богатом историческом прошлом. Все патриархи жили и руководили своими церквями на территориях, захваченных «неверными» — турками или арабами. Русская церковь была единственной крупной ветвью «вселенского православия», которая пользовалась положением господствующей, государственной церкви.

Уже в конце XV в. появилась идея об особой исторической роли Москвы как новой религиозной столицы всех православных христиан. Мысль об учреждении московской патриархии волновала честолюбие русских иерархов, сулила надежды на возрождение политического суверенитета церкви. Однако на пути ее реализации существовало немало преград. Главной из них была позиция константинопольского патриарха. Опасаясь конкуренции, сокращения сферы своего влияния, он издавна препятствовал учреждению патриаршества в славянских странах — Болгарии

157

и Сербии. По тем же причинам не желал он и появления нового московского патриарха. В бурную эпоху Ивана IV русским было не до церковных споров с Константинополем. К тому же и сам царь, очевидно, не имел желаний видеть главу русской церкви в достоинстве патриарха. Конфликты с митрополитами многому научили Ивана IV. Он резонно опасался, что рост авторитета церковного руководства пойдет на пользу его врагам— боярской оппозиции. Мысль об учреждении патриаршества впервые была высказана московскими правителями лишь в 1586 г. Царь Федор Иванович по совету своего шурина Бориса Годунова, искавшего союза с высшим духовенством, поручил приехавшему в Москву за «милостыней» антиохийскому патриарху Иоакиму разузнать мнение других патриархов и всего православного Востока относительно учреждения патриаршества в России.

Прошел год — а от патриарха Иоакима не было никаких вестей. Явившийся в Москву летом 1587 г. грек Николай выдал себя за патриаршего посла и обнадежил русских вестью о том, что восточные патриархи якобы одобрили их замысел. Однако дальнейшие события показали, что это было далеко не так.

Еще через год, летом 1588 г., в пределы России неожиданно въехал сам константинопольский патриарх Иеремия. Смоленским воеводам и архиерею был послан приказ всячески чтить патриарха, собирать толпу народа в той церкви, куда он захочет пойти помолиться. Одновременно из Москвы были отправлены царские приближенные для сопровождения патриарха в столицу, а также для выяснения его намерений и целей приезда. Наряду с прочими вопросами посланным велено было выяснить: не есть ли этот Иеремия самозванец, выдающий себя за патриарха с целью сбора богатой «милостыни»? Такие случаи были довольно распространены в отношениях России с православным Востоком. Прежний константинопольский патриарх Феолит был только что низложен турками, и потому в Москве еще не имели ясного представления о ситуации в Константинополе.

Убедившись в том, что патриарх — настоящий, недавно возведенный на кафедру, царские посланцы

158

проводили его в Москву. Здесь он был помещен со всеми возможными удобствами на подворье

рязанского епископа. Любопытство московских обывателей было возбуждено до крайности: это был первый в истории приезд на Русь константинопольского патриарха. Однако Годунов распорядился держать Иеремию в строгой изоляции, под своего рода «домашним арестом». Вокруг подворья были выставлены крепкие караулы. К патриарху допускались лишь доверенные лица Годунова¹.

Через неделю после прибытия в Москву Иеремия был принят царем Федором Ивановичем, а затем имел долгую беседу с Борисом Годуновым. Из речей патриарха стало ясно, что единственной целью его приезда в Россию был сбор милостыни для обнищавшей константинопольской церкви. Никаких полномочий от других патриархов по вопросу об учреждении московской патриархии Иеремия не имел и вести переговоры на эту тему не собирался. Православный Восток охотно принимал московские дары, но вовсе не желал появления пятого, российского патриарха. Уяснив истинное положение вещей, московские политики решили добиться своей цели хитростью и силой. Патриарх был вновь помещен под «домашний арест». Дни шли за днями — а о нем словно забыли. При этом Иеремию и его свиту снабжали всем необходимым, приносили даже кушанья и напитки «с царского стола».

Патриарх был окружен челядью, передававшей Годунову каждое его слово. Даже среди двух ближайших спутников Иеремии, митрополита мальвазийского Иерофея и архиепископа элассонского Арсения, один, Арсений, был подкуплен москвичами и сообщал им о тайных помыслах патриарха. Годунов тонко рассчитал свои действия, проник в душу слабовольного и тщеславного Иеремии. Вскоре патриарх, сломленный почетным пленом, в разговоре со своими приближенными обмолвился, что он готов уступить желанию русских иметь собственного патриарха в том случае, если этот пост будет предложен ему самому. Годунов приказал своим людям всячески укреплять патриарха в этой мысли. Наконец, поддавшись уговорам, Иеремия во всеуслышание изъявил согласие стать российским патриархом.

159

Обсуждение дела тотчас было поставлено на официальную основу и перенесено в Боярскую думу. Годунов и бояре поставили условие: патриарх должен жить не в Москве, а там, где был «древний престол русский» — во Владимире-на-Клязьме. Отправляя Иеремию во Владимир, Годунов тем самым спасал своего ставленника московского митрополита Иова. В случае, если бы Иеремия остался в Москве, Иов неизбежно должен был покинуть кафедру.

Было и еще одно препятствие утверждению Иеремии в Москве. Водворение в «доме пречистой Богородицы» грека, чуждого русским обычаям и языку, могло вызвать всеобщее возмущение. За полтора столетия, прошедшие со времени установления автокефалии русской церкви, на Руси успели привыкнуть к мысли о том, что греческое православие «порушилось», утратило первоначальную чистоту.

Иеремия не пожелал переезжать в захолустный Владимир. Он указал на то, что по византийским обычаям патриарх всегда должен находиться при царе, в столице государства.

Отказ Иеремии ускорил развитие событий. Указав патриарху, что в принципе он уже признал возможность открытия русской патриархии и вопрос заключается лишь в том, кто именно будет патриархом, Годунов предложил поставить на кафедру московского митрополита Иова. Иеремия отклонил московского кандидата, ссылаясь на отсутствие полномочий для его поставления со стороны трех других патриархов.

За обработку Иеремии принялись государевы дьяки Андрей и Василий Щелкаловы. Обещая богатые дары в случае положительного решения вопроса, патриарху в то же время дали понять, что если он отвергнет просьбу московского царя, то будет до конца своих дней жить в России под арестом. Спутник патриарха, митрополит Иерофей, убеждавший Иеремию не уступать требованиям Годунова, имел беседу с Андреем Щелкаловым. Дьяк без околичностей предупредил митрополита, что если он и впредь будет мешать московским замыслам, то его попросту утопят в реке.

Константинопольский патриарх понял, что он и его спутники оказались в западне. Неосторожный

ви-

160

зит в московское царство мог закончиться для греков трагически. Сломленный духом, Иеремия согласился на все при одном лишь условии: чтобы его самого и его людей отпустили в отечество. 26 января 1589 г. Иеремия возвел митрополита Иова в достоинство патриарха. Он признал право русских и впредь поставлять себе патриарха собором местных архиереев. Любой ценой стремясь вырваться из России, Иеремия обещал уговорить других восточных патриархов признать московского собрата.

Однако и после возведения Иова на патриаршество москвичи, кажется, долго колебались, стоит ли выпускать Иеремию. Его заставили съездить на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, затем долго задерживали в Москве, ссылаясь на весеннюю распутицу. Лишь 19 мая 1589 г., проведя в Москве почти год, незадачливый иерарх отбыл на родину. На прощанье московские правители богато одарили Иеремию. Царь дал ему грамоту к султану, в которой убеждал турецкого правителя «беречь» патриарха. Практичный Годунов навязал Иеремии и весьма деликатное поручение: находясь в Литве, разведать тамошние политические новости и тайно сообщить о них в Москву.

Оказавшись на свободе, Иеремия почел за лучшее примириться со всем происшедшим, «не поднимать шума» в православном мире и действовать в интересах Москвы. Уже в следующем 1590 г. он созвал в Константинополе собор православных патриархов, который утвердил создание московской патриархии. Летом 1591 г. Иеремия направил в Москву тырновского митрополита с известием о признании русского патриарха и с просьбой о новых пожертвованиях на нужды греческой церкви. Царь и Годунов и на сей раз не поскупились на подарки Иеремии и его посланцу. Щедрость эта имела свои причины; новый александрийский патриарх, авторитетный и непреклонный Мелетий Пигас заявил протест относительно незаконного, по его мнению, создания русской патриархии. Назревал крупный международный скандал. Однако русское золото, меха и «рыбий зуб», своевременно и в большом количестве посланные в 1591 г. восточным патриархам, сделали свое дело.

Православный Восток окончательно признал мос-

6 Н. С. Борисов

161

ковского патриарха, однако отвел ему лишь последнее, пятое место среди собратьев. Русские дипломаты долго пытались исправить положение и выхлопотать Иову хотя бы третье место, выше патриархов антиохийского и иерусалимского. Однако здесь они натолкнулись на столь дружное сопротивление восточных иерархов, что принуждены были отступить. Утешением могла служить лишь несокрушимая вера в собственное превосходство, в то, что московский патриарх—единственный полноправный иерарх, главный среди своих обделенных судьбой, угнетенных «неверными» собратьев.

Разумеется, очень немногие знали о том, как было достигнуто учреждение патриаршества. Да и те немногие, кто знали, едва ли осмеливались говорить об этом вслух. Официальная версия, которую излагает созданная в XVII в. «История о первом патриархе Иове Московском», уверяла, что восточные патриархи, узнав о желании российского царя иметь собственного патриарха, «с радостию собор собравше вселенский, подписашася вси... и послаша оне с тою подписною грамотою святейшаго Иеремию, патриарха Царяграда, да поставит в Велицей России в царствующем граде Москве патриарха»².

Достигнутое не совсем чистыми средствами учреждение патриаршества было тем не менее крупнейшей политической победой России. Оно символизировало международное признание ее исторических заслуг и духовной самостоятельности. В Москве по случаю этого события были устроены пышные торжества. Новый патриарх в сопровождении духовенства, бояр и многотысячной толпы объехал вокруг Кремля на «осляти».

Патриаршего «осля» вел под уздцы сам Борис Годунов. Это был его первый крупный успех как главы боярского правительства. Учреждение патриаршества «бысть начало гордыни его», отмечали современники. В лице нового патриарха он обрел верного, деятельного помощника.

В январе 1589 г. высшее духовенство имело все основания праздновать победу. Сбывалась давняя мечта об особом историческом предназначении московского православия. Возрастал его авторитет внутри страны и за ее пределами.

162

Некоторые из «князей церкви» имели и другие, вполне конкретные причины для ликования. Вслед за митрополитом Иовом, ставшим патриархом, «шаг вперед» по служебной лестнице сделали еще целый ряд иерархов. Поскольку патриарху подобало иметь под своим началом митрополитов, четыре архиепископа—новгородский, ростовский, казанский, крутицкий—были возведены в это достоинство. Пять епископов—вологодский, суздальский, смоленский, рязанский, тверской—стали архиепископами.

Патриарх Иов обещал духовенству открыть еще 8 новых епархий, однако впоследствии не сдержал слова³.

Сделав высшим иерархам щедрый подарок в виде патриаршей кафедры, Годунов тем самым надолго, практически до последних дней своей жизни заручился их поддержкой. Иерархи

закрывали глаза на жестокие расправы правителя с его политическими противниками, поддерживали его кандидатуру при «избрании на царство», проклинали с амвона «еретика Гришку Отрепьева».

Необходимо сказать о личности и судьбе первого московского патриарха. Свою карьеру он начал в Старице, небольшом городке на Верхней Волге, основанном в XIV в. тверскими князьями. В 1569 г. Иван Грозный расправился с последним старицким удельным князем Владимиром Андреевичем. После этого в городе был произведен «перебор людишек». Для многих он закончился плахой. «Старец» Иов, напротив, оказался в чести у царя и получил место игумена в старицком Успенском монастыре. В 1571 г. он был назначен архимандритом московского Симонова монастыря — «опричной государевой богомольни». В 1575—1580 гг. Иов возглавлял другой крупнейший московский монастырь — Новоспасский. Наконец, в апреле 1581 г. он был поставлен епископом Коломенским.

Неизвестно, какие качества Иова привлекли к нему благосклонное внимание царя. Впрочем, источники свидетельствуют о том, что Иов обладал феноменальной памятью и мог наизусть, без книг, вести всю церковную службу. Кроме того, «глас его был умилен 6*

163

во чтении, громогласуя и добротою чтения у всех сердце, яко огнем, попаляя»⁴. Иван IV сам был отменным знатоком Священного писания, тонким ценителем всяческого церковного «благочиния». Вероятно, его привлекли «внешние данные» будущего патриарха, а также его покладистый нрав. Царю импонировало безоговорочное преклонение Иова перед самодержавной властью, забавляла простодушная наивность провинциала.

И после смерти Ивана Грозного карьера Иова благополучно развивалась. В январе 1586 г. митрополит Дионисий назначил его архиепископом Ростовским. Думал ли тогда злополучный Дионисий, что менее чем через год склонившийся перед ним, ждущий благословения новый ростовский владыка займет его место, а сам он, униженный, лишенный сана за дружбу с врагами Годунова, будет сослан простым монахом в новгородский Спасо-Хутынский монастырь?

11 декабря 1586 г. по воле Бориса Годунова Иов был возведен на московский митрополичий престол. Поднаторевший в интригах и знании слабых сторон человеческой природы временщик рассчитал верно: недалекий, но всецело преданный своему благодетелю Иов оказался очень полезной фигурой в той крупной политической игре, которую вел царский шурин. Став патриархом, он верой и правдой служил Годунову.

Вскоре после избрания Иов позаботился о прославлении тех, кого считал своими духовными учителями— Иосифа Волоцкого и Филиппа Колычева. В 1591 г. Иов установил общерусское празднование памяти главы «иосифлян», сам написал ему канон и отредактировал церковную «службу». В том же году патриарх санкционировал перенесение из тверского Отроча монастыря на Соловки «мошей» митрополита Филиппа. По существу, это было публичное признание его «святости».

В 1595 г. Иов почтил и более ранних своих предшественников—московских митрополитов Петра, Алексея и Иону. Он установил особый день (5 октября) для празднования их общей памяти. Первый патриарх поначалу пытался навести порядок в среде московского приходского духовенства. Однако он не проявил в этой области должной настойчивости и твердости.

Московские попы по-преж-

164

нему сплошь и рядом «спустя рукава» относились к своим обязанностям, мало заботились о нравственном и религиозном воспитании прихожан. Между тем патриарх с конца 90-х годов оказался вовлеченным в острую борьбу вокруг престола и почти не имел времени для внутрицерковных дел.

7 января 1598 г. на 41-м году жизни скончался последний представитель правящей ветви «рюрикова дома» слабоумный царь Федор Иванович. Благодаря поддержке патриарха временное правление — «на малое время, покамест бог царство строит от всех мятежей и царя даст», — перешло ко вдове Федора, царице Ирине Годуновой. После завершения сорокадневного траура, 17 февраля, в Москве состоялся Земский собор, который по предложению патриарха избрал на царство Бориса Годунова. Последующие десять дней патриарх, не зная ни минуты покоя, хлопотал о признании нового царя боярами, духовенством и московским простонародьем.

8 дело пошли даже древние кремлевские святыни. Иов распорядился взять из Успенского собора знаменитую икону Владимирской Божьей матери, главную святыню Российского государства.

«Чудотворная» была принесена к воротам Новодевичьего монастыря, где находился Годунов, якобы не желавший принять царский венец. «Сий образ матери божий тебе ради изнесохом и тебе ради толик путь шествова царица», — говорили церковники Борису, «убеждая» его взойти на престол. Один из современников событий с горечью писал по поводу этого события: «Двигнут бысть тот образ нелепо, двинута же и Росия бысть нелепо»⁵.

Преодолев сопротивление бояр и части высшего духовенства, Иов проложил Борису путь к престолу. В сентябре 1598 г. патриарх в Успенском соборе венчал Годунова на царство. По свидетельству одного современника, враждебно относившегося к Годунову, во время совершения коронации новый царь сделал весьма необычное заявление: «И во время святых литургии, стоя под того (патриарха. — *Н. Б.*) рукою, — не знаем, чего ради, — испустил (Борис. — *Н. Б.*) такой глагол, зело высок и богомерзостен: «Отче, великий патриарх Иов, бог свидетель сему: никто не будет в моем царстве нищ или беден!» И тряся верх сороч-

165
ки на себе и глаголя: «И сию последнюю разделю со всеми!»⁶.

Однако по иронии судьбы именно Иов оказался косвенным виновником несчастий рода Годунова. Сам того не желая, он подтолкнул Григория Отрепьева на путь, который со временем привел его в Москву как «царевича Дмитрия». В 1601 г. патриарх, заметив грамотного и расторопного чудовского монаха Григория, взял его в свою свиту. Однако когда тот был обвинен в крамольных речах и чернокнижии, Иов не стал выручать своего клирика. Попав под следствие, Григорий не стал дожидаться его исхода. В начале 1602 г. он бежал из Москвы и перебрался в Польшу. Там и произошло его чудесное превращение в «царевича»⁷.

В конце мая 1605 г. войска Лжедмитрия подошли к самой Москве. В это время Борис Годунов уже покоился в каменной гробнице под сводами Архангельского собора московского Кремля. Он умер 13 апреля 1605 г.

Молодой царь Федор Борисович не пользовался поддержкой боярства и дворян. Не обладая ловкостью и изворотливостью отца, он растерялся перед лицом надвигавшихся грозных событий. Патриарх пытался поддержать авторитет Федора. Он неоднократно выступал перед народом с обличениями самозванца. Однако его уже мало кто слушал.

За свою приверженность семье Годуновых Иов едва не поплатился жизнью. 1 июня 1605 г. в Москве вспыхнуло восстание. Город быстро оказался в руках сторонников Лжедмитрия. Патриарх был схвачен ими во время богослужения в Успенском соборе. Его поволокли на Красную площадь, на Лобное место, намереваясь казнить за борьбу против «законного государя» — «царевича Дмитрия». Однако в толпе оказались не только враги, но и доброжелатели Иова. «Тогда бо соборной церкви клирики во все церковные двери выбегоша, вопль и крик с плачем сотвориша о Иове патриархе, и моляще народ, бе бо опалилися от беснования»⁸.

Само намерение казнить первого российского патриарха многих привело в смущение. По этому поводу «распрение лютое бысть в народе». Между тем начался погром патриаршего дворца.

«Богат, богат, богат

166

Иов патриарх! Идем и разграбим имения его!» — закричали в толпе. Известно было, что в голодные годы патриарх прятал запасы хлеба⁹. Бросив полуживого от страха и побоев Иова, толпа устремилась в Кремль за добычей. «И в мале часе весь дом его разграбиша, и разнесоша все богатство».

По распоряжению Лжедмитрия Иов на телеге, в простой монашеской рясе был отправлен туда, откуда некогда начал свой путь: в старицкий Успенский монастырь. Монастырским властям приказано было бывшего патриарха «держати в озлоблении скорбном». Однако игумен Дионисий, невзирая на указ, не стал притеснять низложенного «первосвятителя». Он принял и содержал Иова с почетом. Опасаясь доноса, он ублажил царских приставов щедрым угощением и дарами. Это был тот самый Дионисий, который впоследствии стал архимандритом Троице-Сергиева монастыря и прославился как один из организаторов героической борьбы с польско-литовскими интервентами в 1610—1612 гг.

После гибели Лжедмитрия и прихода к власти Василия Шуйского в мае 1606 г. Иов получил возможность вернуться в Москву. Его преемник, ставленник Лжедмитрия, патриарх Игнатий был низложен и посажен под стражу в Чудов монастырь. Казалось, ничто не мешает Иову вновь занять патриарший престол. Однако бурные события последних лет, по-видимому, сказались на здоровье патриарха. Он почти ослеп.

Размышляя относительно возвращения в Москву, Иов учитывал и то, что новый царь Василий

Шуйский, конечно, помнил о его дружбе с ненавистным для всех Шуйских Борисом Годуновым. Вернувшись в столицу, Иов оказался бы среди своих тайных и явных врагов. Взвесив все «за» и «против», Иов «не восхоте паки первый своея власти восприяти»¹⁰. Тихая провинциальная Старица с ее зелеными холмами и голубой лентой Волги была идеальным местом для отдохновения после многих лет политической борьбы и «мятежей».

И все же отставному патриарху пришлось-таки еще раз посетить Москву. В начале 1607 г., когда центральные уезды страны охватил пожар грандиоз-

167

ного крестьянского движения под предводительством И. И. Болотникова, правительство Василия Шуйского решило прибегнуть к своеобразной церковно-политической демонстрации. По приказу Шуйского Иов был привезен в столицу. Здесь ему была устроена торжественная встреча. 20 февраля вместе с самим царем и новым патриархом Гермогеном Иов совершил в Успенском соборе церемонию всенародного «покаяния». «Простив» москвичей за их «измены» прежним правителям, Иов призвал их повиноваться царю Василию. После этого он был отправлен обратно в Старицу. Там он и скончался 19 июня 1607 г.

На погребении Иова присутствовали Крутицкий митрополит Пафнутий и тверской архиепископ Феоктист. Его похоронили у западной стены монастырского собора, выстроенного еще удельными старицкими князьями в 1530 г. Предвидя большие выгоды от погребения в обители столь знатной особы, иноки позаботились о «чудесах», которые начались сразу же после смерти Иова. Вскоре над его могилой была выстроена небольшая «палатка».

В 1652 г. одновременно с перенесением в Москву «мощей» Филиппа Колычева царь Алексей Михайлович приказал доставить в столицу и останки патриарха Иова. 27 марта 1652 г. ростовский митрополит Варлаам и боярин Михаил Михайлович Салтыков вывезли из Старицы эту необычную реликвию. Прах Иова был торжественно помещен в Успенском соборе московского Кремля, среди гробниц других «перво-святителей» русской церкви.

На память об Иове в Старице осталась лишь белокаменная плита с его могилы. В 1686 г. на месте его первоначального погребения выстроили высокую шатровую колокольню. В ее верхнем ярусе были устроены часы. Каждую четверть часа над Волгой разносился их задумчивый, чистый перезвон, напоминавший о бренности человеческих тревог и волнений перед лицом всеокрушающего времени.

«Смутное время», как называют иногда богатое драматическими событиями начало XVII в., оказалось весьма тревожным и для тех, кто поднимался на высшую ступень русской церковной иерархии. По

168

своему положению второго человека в государстве патриарх не мог оставаться в стороне от придворной борьбы, от событий, потрясших всю страну. Каждый из участников борьбы за трон имел «своего» патриарха. Показательны уже сами судьбы патриархов того времени. Два из них, Иов и Игнатий, были низложены по политическим мотивам. Третий, «нареченный патриарх» Филарет, провел 9 лет в польском плену. Лишь в 1619 г., после заключения Деулинского мира и обмена пленными, он вернулся в Москву и официально принял патриаршество.

Особой известностью пользовался в начале XVII в. патриарх Гермоген (1606—1612). Ставленник Василия Шуйского, он всеми средствами помогал своему покровителю в борьбе с врагами, будь то отряды Болотникова, шайки «тушинского вора» — второго Лже-дмитрия или регулярное войско польского короля Сигизмунда. После падения Василия Шуйского (июль 1610 г.) Гермоген мужественно выступал против польско-литовских интервентов и был замучен ими в феврале 1612 г.

7 Н. С. Борисов

ДЕЛО НИКОНА

«Священство более есть царства».

Никои

В один из самых драматических моментов «Смутного времени», быть может именно в те дни, когда первый патриарх Иов ехал в ссылку в крестьянской телеге, в нижегородских пределах, в семье крестьянина по имени Мина родился сын, нареченный Никитой. Мог ли кто-нибудь из бедных соседей, собравшихся на его крестины, подумать о том, что он стоит у начала земного пути будущего главы российской церкви, самого могущественного из ее патриархов!

На всей деятельности Никона лежит глубокий отпечаток его незаурядной личности, сложившейся вопреки самым неблагоприятным, подчас драматическим обстоятельствам. В детстве он не раз

убегал из дома, где хозяйничала жестокая мачеха. Повзрослев, он твердо решил посвятить себя служению богу. Свою духовную карьеру будущий патриарх начал рядовым приходским священником. Со временем семья переехала в Москву. Вскоре, потрясенные смертью детей, супруги расстаются, приняв решение вступить на путь монашества. Никита отправляется на далекий беломорский Север. Этот край издавна манил смятенных людей глубоким предвечным покоем, очевидной близостью основ мироздания — тверди, небес, бескрайней морской равнины. Природа Со-ловков, знаменитой цитадели северного монашества, отличалась тихой, как бы прозрачной красотой. Чуткие души отшельников находили в ней нечто созвучное Евангелию. Среди соловецких «старцев» того времени особой известностью пользовался Елеазар. Как и знамени-

170

тый подвижник Нил Сорский, он был приверженцем «скитского жития».

Свой скит Елеазар основал на Анзере — одном из шести крупных островов Соловецкого архипелага. Благожелательное отношение большого монастыря к скиту на Анзере зиждилось на дружбе Елеазара с тогдашними руководителями обители — игуменом Иринархом (1613—1626) и келарем Александром Булатниковым. В 1628 г., вероятно, по рекомендации Александра, ставшего к тому времени келарем Троице-Сергиева монастыря, советником самого царя Михаила Романова (1613—1645) и патриарха Филарета (1619—1633), Елеазар был вызван в Москву. Как человеку, известному отменной «святостью», ему была поручена весьма ответственная миссия: «умилостивить» своими молитвами господу бога, упросить его ниспослать 33-летнему царю Михаилу долгожданного наследника престола. Уже само имя аскета — Елеазар, в переводе с древнееврейского — «божья помощь», сулило надежду. Усердно помолившись, Елеазар предсказал царской чете скорое рождение сына. Обещание «старца» удивительным образом сбылось: 10 марта 1629 г. у царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой родился сын. Царевича нарекли в честь «Алексея, божьего человека», память которого по церковному календарю отмечалась 17 марта.

После столь удачного «вмешательства» в жизнь царской семьи Елеазар мог рассчитывать на самые высокие посты в церковной иерархии. Однако он предпочел вернуться в свой уединенный скит на Анзере, который, согласно царскому указу, получил полную независимость от большого монастыря. Там, окруженный славой «чудотворца», Елеазар продолжал свои монашеские труды. Вот к этому-то «светилу» тогдашнего монашеского мира и явился в 1635 г. никому неведомый поп Никита Минов, бежавший от жестокого к нему мира.

По примеру Сергия Радонежского Елеазар имел под началом «апостольское» количество учеников — двенадцать. Одним из них и стал Никита, принявший после пострига монашеское имя Никона. Перемена имен знаменательна. Она показывает, что Елеазар хорошо понимал сильную, волевою натуру своего по-

7*

171

стриженника: Никита по-гречески — «победитель», Никон — «побеждающий».

На Анзере Никон прожил около трех лет. За это время он успел вместе со своим наставником побывать в Москве. «Старец» хлопотал о постройке в скиту каменной церкви. Правительством царя Михаила были отпущены средства, командирован опытный строитель. Однако «старцы» Спасо-Преображенско-го монастыря сменили свое бывшее благоволение к Елеазару на самую яркую неприязнь. Их раздражали успехи независимого Елеазара, беспокоила популярность его скита, который в перспективе мог вырасти в серьезного соперника, конкурента в борьбе за денежные и земельные пожалования. Соловецкие иноки всячески препятствовали возведению на Анзере каменного собора, притесняли самого Елеазара. В конце концов он был брошен в монастырскую темницу.

Все эти события заставили Никона задуматься о будущем. Он давно уже тяготился зависимостью от проницательного и своенравного Елеазара. Не сулила ничего хорошего и развернувшаяся тяжба с могущественным Соловецким монастырем. Наконец — и это, видимо, было главным — Никон, подобно многим выдающимся деятелям древнерусского монашества, вопреки заветам смирения и послушания искал самостоятельности и власти хотя бы в небольшом кругу учеников. Его манила перспектива завести собственное «дело»: стать во главе монашеской общины.

Опыт учителя, Елеазара, как, впрочем, и жизнеописания многих других «преподобных», убеждал Никона в том, что самый верный путь к достижению этой цели лежит через отшельничество, строгое уединение, быстро приносящее славу «святого», а вместе с ней и почитание мирян, преклонение учеников.

Летом 1639 г. Никон покидает Анзер. Карбас, на котором он плыл, направлялся в устье Онеги. Оттуда Никон перебрался в уединенный монастырь, расположенный в ста верстах к югу, на живописном берегу Кожозера. Единственная связь с миром — своенравная, порожистая река Кожа, левый приток Онеги, была непригодна для судоходства. Лишь зимой, по льду, добирались в монастырь обозы со всякими припасами и товарами.

172

Иногда с обозом привозили и ссыльных: со времен Бориса Годунова монастырь служил местом пострижения опальных бояр. В отрезанной от мира обители они чувствовали себя хозяевами; привыкнув к власти, стремились подчинить себе немногочисленную иноческую общину. Две собственноручно переписанные богослужебные книги, составлявшие все имущество Никона, он передал монастырю взамен вклада, который требовался от каждого новоприбывшего. Впрочем, Никон обосновался не в самом монастыре, а в его окрестностях. Он начал жизнь отшельника, ревностного последователя анзерского подвижника. Расчет Никона — если, конечно, мы правильно понимаем мотивы поступков столь противоречивой натуры — оказался верным. Спустя года два после прихода на Кожозеро он был избран игуменом лесного монастыря.

Новый игумен оказался хорошим хозяином. В годы его управления лесной обителью (1643—1646) ее владения расширились. Царь пожаловал монастырю весьма доходное право беспошлинной торговли солью. Монастырь, не имевший прежде даже ограды, быстро богатеет.

В 1646 г. Никон покинул Кожозеро и отправился в Москву хлопотать о новых льготах для своей обители. Он добился приема у самого царя, 17-летнего Алексея Михайловича. Эта встреча имела неожиданные последствия. Царь повелел Никону остаться в Москве и вскоре определил его на очень высокую в иерархическом отношении должность игумена московского Новоспасского монастыря.

Основанный Иваном Калитой в московском Кремле Спасский монастырь во второй половине XV в. был выведен за черту города. Ему отвели новое место на левом берегу Москвы-реки, ниже устья Яузы, в районе, где располагались древние московские «богомолья»: Симонов и — на другом берегу реки — Данилов монастыри. Между Новоспасским и Симоновым монастырями находились Крутицы — резиденция митрополитов Сарских и Подонских. После распада Золотой Орды бывшие сарайские (сарские) владыки, оставшись не у дел, выполняли роль «правой руки» московских митрополитов, а затем и патриархов.

Новоспасский монастырь пользовался особым рас-

173

положением царя Алексея Михайловича: с давних пор он служил местом погребения потомков любимца великого князя Василия I боярина Федора Кошки. Одной из ветвей «Кошкина рода», как выражались составители родословных сборников, были и Романовы. Игумены Новоспасского монастыря носили почетное звание архимандритов. Многие из них становились со временем епископами и даже митрополитами.

Чем объяснить необычайное расположение юного Романова к игумену глухого монастыря, мужицкому сыну Никону?

Несомненно, большую роль сыграли личные качества царя и Никона. Воспитанный в духе «древнего благочестия», с детства окруженный горячо верующими людьми, Алексей был глубоко религиозен. Впоследствии он готов был отдать чуть ли не полказны за какую-нибудь наспех сфабрикованную греками реликвию — «чудотворную главу Иоанна Златоуста» или «животворящий крест». Для такого человека особое значение имело то обстоятельство, что оба они, царь и Никон, были духовными детьми одного отца — анзерского отшельника Елеазара¹. Что касается Никона, то он, пройдя тяжелую школу жизни, закалившую его выдающуюся натуру, стал одним из тех ярких людей, которых, однажды увидев, трудно забыть. Годы лесного безмолвия научили его великому искусству молчания, накопили в душе запас духовной энергии. Вместе с тем он не был ограничен прямолинейной бескомпромиссностью фанатика. Опыт игуменства в сотрясаемом внутренними распрями Кожозерском монастыре выработал у Никона навыки обхождения с людьми.

И все же необычайное расположение юного царя к Никону объяснялось не только личными мотивами. Важно отметить, что Никон появился в Москве очень ко времени: то был момент, когда спрос на незаурядных людей из числа духовенства был очень велик. Еще в правление Михаила Романова (1613—1645) в высших церковных и правительственных кругах распространилась мысль о необходимости основательной «чистки» рядов духовенства, введения «благочинного», единообразного богослужения во всех церквях.

Повышение авторитета церкви, сильно пошатну-

174

шегося в первой половине XVII в., было необходимой частью работы по укреплению феодальной государственности в целом. Оно имело большое значение и для упрочения позиций новой династии.

В 1636 г. девять нижегородских священников обратились к тогдашнему патриарху Иоасафу (1634— 1640) с челобитной, в которой указывали на многочисленные беспорядки в жизни приходского духовенства и требовали строгих мер воздействия. О том же писали «наверх» и другие ревнители церковных уставов. Из этих жалоб складывается весьма мрачная картина. Вместо того, чтобы заботиться о душах своих прихожан, священники проводили время в пьянстве и распутстве. Они не только не произносили проповедей, но даже самую церковную службу стремились сократить путем введения «многогласия» — одновременного чтения и пения различных молитв и текстов. Как белое, так и черное духовенство отличалось безграничным корыстолюбием. В обителях иноки пировали с местной знатью. Руководящие посты в монастырях приобретались взяткой боярину или архиерею. Между тем народ терял уважение к духовному званию, не желал ходить в церковь и соблюдать посты, предавался языческому, «дьявольским» игрищам, приурочивая их к церковным праздникам.

Патриарх в ответ на жалобы направил поповским старостам и светским чиновникам духовного ведомства своего рода циркуляр — «память». Он требовал решительно бороться с церковными беспорядками².

Понимая, что одними строгостями попов не вразумить, церковное руководство озаботилось подбором наиболее достойных кандидатур на должности «протопопов» — блюстителей порядка в церковных округах. Протопопы должны были личным примером учить подчиненных им приходских священников добродетели и благочинию.

Среди церковных деятелей, обеспокоенных падением авторитета духовенства, особой активностью отличался протопоп Благовещенского собора в московском Кремле, духовник и наставник юного царя Алексея Стефан Вонифатьев. Красноречивый проповедник, Стефан пользовался огромным авторитетом при дворе. Он играл здесь примерно ту же роль, что и Сильвестр при дворе юного Ивана IV.

175

Вонифатьев собрал вокруг себя наиболее горячих поборников церковного благочиния из разных городов России. Это сообщество единомышленников известно в литературе под названием «кружок ревнителей благочестия». Присмотримся поближе к этим людям: все они отмечены судьбой.

В 1649 г. из Нижнего Новгорода Стефан Вонифатьев вызвал известного проповедника 58-летнего Ивана Неронова. Он получил высокий пост протопопа Казанского собора — одного из главных храмов Москвы. Собор был построен князем Д. М. Пожарским на Красной площади в память об освобождении России от чужеземцев. Проповеди Ивана Неронова в Казанском соборе собирали множество слушателей. Посещал их и сам царь со своим семейством и боярами. Не довольствуясь поучениями, Неронов распорядился расписать храм снаружи нравоучительными сентенциями, цитатами из «святых отцов».

Двумя годами ранее, в 1647 г., к Вонифатьеву явился 27-летний сельский священник из нижегородских краев Аввакум Петров. Он горел желанием послужить на благо церкви. Царский духовник ласково обошелся с Аввакумом, одарил его иконой и книгой и отправил в родные края. Несколько лет спустя он выхлопотал для него место протопопа в городе Юрь-евце Поволжском, на границе костромских и нижегородских земель. Однако строгий, нетерпимый священник восстановил против себя прихожан. В мае 1652 г. Аввакум вынужден был покинуть Юрьевец и вновь искать помощи у Стефана Вонифатьева³.

Пострадали и были изгнаны своей паствой и другие «ревнители благочестия» — костромской протопоп Даниил, романово-борисоглебский поп Лазарь, муромский поп Логгин.

В то время как простоватые провинциальные «батюшки» рьяно обличали пороки и слабости своих прихожан, получая в ответ лишь брань и побои, в Москве, при дворе, на церковные дела смотрели гораздо шире. Правительство Алексея Михайловича склонялось к мысли о необходимости пересмотра всех церковных обрядов и приведения их в соответствие с греческой богослужебной практикой. Это было вызвано прежде всего стремлением упорядочить обря-

176

довую практику русской церкви в условиях роста религиозного вольномыслия и падения авторитета духовенства.

Вместе с тем сближение с греческой церковью должно было поднять престиж Российского государства на православном Востоке. К середине XVII в. горизонты московской дипломатии сильно расширяются. Перед ней начинает вырисовываться идея, получившая полное развитие в XVIII—XIX веках: использование христианского населения Османской империи в качестве политического союзника. Как это не раз бывало в истории, пылкие религиозные призывы скрывали трезвый политический расчет.

Связь российской церкви с константинопольским патриархатом сохранялась и после установления автокефалии в 1448 г. Греческие иерархи со смешанным чувством смотрели на русское «православное царство»: они ждали от него материальной и духовной поддержки и в то же время не могли избавиться от привычного, укоренившегося пренебрежения к «северным варварам». Впрочем, константинопольский патриарх признал в свое время акт венчания Ивана IV на царство и тем оказал ему немалую услугу.

Во второй четверти XVII в. представители высшего греческого духовенства постоянно посещают Москву, привозя с собой всякого рода церковные «святыни», которые пользовались большим спросом в России, а также политические новости и секреты, интересовавшие Посольский приказ. Приезжавшие в Москву греки настойчиво указывали русским на многочисленные и часто весьма существенные различия в русском и греческом богослужении и церковных обрядах. Однако московские книжники с несокрушимым высокомерием отвечали: «Всех греческих старых переводов добрых правила у нас есть; а новых переводов греческого языка и всяких книг не приемлем»⁴.

Разночтения в русских и греческих церковных книгах приводили порой к настоящим скандалам. Так, в период патриаршества Филарета из России было послано в афонские славянские монастыри большое количество богослужебных книг московской печати. Однако афонские иноки, главным образом греки по происхождению, изучив эти книги, объяви-

ли их еретическими. Особое раздражение вызвала у греков московская традиция «двоперстного» крестного знамения.

По решению афонских «соборных старцев» московские книги были публично сожжены как еретические. Тем, кто признал их за истинные, пригрозили костром.

Узнав об этой акции греков, российские иерархи были возмущены. Несколько лет спустя известный московский книжник Арсений Суханов во время прений с греками о вере, упрекая их за этот случай, говорил, что их собственные книги печатаются «у латинян», в Венеции, и потому полны «латинских ересей»⁵. Грекам следовало бы сжечь как еретические отнюдь не русские, а свои собственные богослужебные книги, восклицал Суханов.

Мнение Суханова разделяло большинство тогдашнего русского духовенства. Оно имело глубокие исторические корни. Уже во второй половине XV в. в русской церкви утвердилась мысль о том, что после Флорентийской унии и падения Константинополя истинное, чистое христианство сохранилось лишь на Руси. Все новое, что шло от греков, казалось подозрительным, ложным. Это мнение господствовало и в XVI столетии. Оно по-своему отражало тогдашнее внутри- и внешнеполитическое положение России. Напряженная борьба за ликвидацию пережитков феодальной раздробленности в экономике и политической системе России не позволяла даже таким увлекавшимся и далеко не консервативным людям, как Иван Грозный, посягнуть на привычные идеологические представления. Круто расправляясь с неудобными церковными иерархами, он при этом никогда не покушался на традиционную православную доктрину. Царь беспощадно преследовал еретиков, пресекал попытки католической пропаганды в России. Понимая всю опасность неосторожных вторжений в область веры, царь в то же время почитал полезным для государства всеми средствами, в том числе и личным примером, укреплять религиозность своих подданных. Возбуждение фанатизма, распространение идеи о религиозной исключительности, богоизбранности России он считал одним из необходимых условий успешного решения военных задач в По-

178

волжье и Прибалтике. Той же линии придерживались и преемники Ивана Грозного — царь Федор Иванович и Борис Годунов.

В первой половине XVII столетия пошатнулись многие устоявшиеся представления о внутреннем устройстве России и ее месте среди других государств. Потребности экономического развития страны, поддержания ее военного потенциала на европейском уровне настоятельно требовали приоткрыть дверь в Европу, шире взглянуть на мир, отказаться от традиций «закрытого общества». Осторожно, с оглядкой правительство молодого царя Алексея вступало на этот путь,

который полвека спустя привел к петровским преобразованиям. Перемена в отношении к греческому православию была своего рода пробным камнем новой политики.

Правительство понимало, что отказ от традиции не пройдет безболезненно. Нужен был человек, способный твердой рукой повести дело церковной реформы. Одной из самых ярких фигур среди церковных иерархов был Новоспасский архимандрит Никон. Алексей Михайлович с семейством часто посещал его монастырь. Царь приказал Никону каждую пятницу являться во дворец для беседы.

Со своей стороны Никон стремился укрепить расположение царя. Он ищет дружбы с близкими ко двору московскими «ревнителями благочестия» — Стефаном Вонифатьевым, боярином Ф. М. Ртищевым и их окружением. Новоспасский архимандрит выступает активным сторонником обновления церковной жизни, о котором мечтали «ревнители благочестия». Заметив, что царь и его духовник уважительно отзываются о константинопольском патриархе, Никон становится ревностным грекофилом.

Усилия Никона не пропали даром. 19 марта 1649 г. он стал митрополитом Новгородским.

На берегах Волхова Никон энергично действовал в духе программы «ревнителей благочестия». Он потребовал, чтобы священники произносили проповеди, запретил пресловутое «многогласие», добивался совершения обрядов в соответствии с греческими традициями. На средства митрополии Никон устраивает богадельни, организует раздачу хлеба нищим и голодным.

179

Как и следовало ожидать, требовательность нового митрополита, его строгие меры по отношению к ленивому и распущенному новгородскому духовенству принесли ему немало врагов. Во время восстания 1650 г. новгородцы жестоко избили Никона, укрывшего на своем дворе царского воеводу и публично проклинавшего зачинщиков мятежа. Однако в конечном счете эти происшествия пошли на пользу митрополиту, укрепили расположение к нему царя и бояр.

В то время как Никон сражался со строптивым новгородским духовенством и усмирал мятежный посад, в Москве готовились к проведению церковной реформы.

Еще в середине 40-х годов один из наиболее близких ко двору лиц боярин Ф. М. Ртищев основал недалеко от царского села Воробьева, на правом берегу Москвы-реки, Андреевский монастырь. Он населил его выходцами из украинских монастырей, преимущественно — из Киево-Печерского. Киевское православное духовенство еще в 30-е годы XVII в. провело у себя ту церковную реформу, то исправление богослужебных книг по греческому образцу, которое намеревались теперь провести и в Российском государстве. Андреевский монастырь призван был стать своего рода рассадником новых порядков, эталоном истинного, «сверенного» с греческим иноческого благочестия.

Одновременно Ртищев на свои средства отправлял московских иноков и приходских священников для обучения в киевские монастыри.

По приглашению царя летом 1649 г. в Москву прибыли киевские монахи Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий. В 1650 г. к ним присоединился Дамаскин Птицкий. Все трое знали греческий язык и должны были подготовить переводы современных греческих церковных книг. Тем самым сильно двинулось вперед дело, которое медленно, робко начиналось еще при патриархе Филарете, высоко ценившем духовные уставы греков.

Тогда же решено было устроить в Москве греческую школу, где готовить собственных переводчиков, знатоков греческой книжности.

Под давлением царя и «ревнителей благочестия»

180

престарелый патриарх Иосиф (1642—1652) вынужден был приняться за такое сложное и хлопотное дело, как искоренение «многогласия». В 1651 г. повсеместно было введено «единогласное» пение, издан новый Служебник, в предисловии к которому давалось обоснование переходу к обязательному «единогласному» пению. В борьбе с противниками «единогласия» патриарх Иосиф постоянно ссылался на авторитет восточных церквей. В 1652 г. царь приказал духовенству ввести в церковную службу поминание восточных патриархов. Так постепенно подтачивались основы традиционных представлений об исключительности российского православия и «неполноценности» других православных церквей.

Смерть патриарха Иосифа заставила царя окончательно решить, кому из иерархов доверено будет проведение в жизнь церковной реформы. Некоторые из царских сановников предлагали избрать патриархом Стефана Вонифатьева. Однако ноша была ему явно не по плечу. Понимая это, Вонифатьев наотрез отказался от каких-либо претензий на патриарший сан. 25 июля 1652 г. новгородский митрополит Никон был поставлен патриархом «всех Руси». Свершилось волею

обстоятельств одно из немногих подлинных чудес в истории русской церкви: крестьянский сын воссел на вершине власти рука об руку с царем. Самодержец выполнял все пожелания Никона, называл его своим «собинным другом».

Под непосредственной властью Никона оказалась обширная кафедральная патриаршья вотчина, в которой насчитывалось тогда около 6500 крестьянских дворов⁶. Здесь патриарх был полновластным хозяином: лишь дела, связанные с убийством и грабежом, ведались царскими дьяками.

В это время Никон был в расцвете сил. Он чувствовал призвание к делам великим и необычным. Вот как характеризует его один из дореволюционных исследователей. «Никон был бесспорно замечательно умный и богато одаренный от природы человек: живой, восприимчивый, сильно увлекающийся и энергичный, способный своими выдающимися качествами и всею своею личностью производить на других сильное впечатление. Он был учителей и умел хорошо говорить поучения и речи на различные случаи, он об-

181

ладал обширной начитанностью и прекрасной памятью, что давало ему возможность в своих речах ссылаться на библейско-церковно-исторические примеры, на свидетельства отцов и учителей церкви. По природе он был широкая натура, способная действовать не по шаблону, способная увлекаться новым, оригинальным, грандиозным»⁷.

С первых же дней пребывания у власти Никон повел себя отнюдь не так, как ожидали многие из его прежних единомышленников. Провинциальные «ревнители благочестия» к осени 1652 г. уже почти все были изгнаны из своих уездов. Они собрались в Москве, надеясь на милости и поддержку со стороны нового патриарха. Однако их ожидало горькое разочарование. Вместо прежнего Никона — внимательного, даже предупредительного к авторитетным при дворе протопопам — явился как бы совсем другой человек. Он порвал все связи с бывшими единомышленниками, не велел даже пускать их к себе в приемную — «крестовую палату» патриаршего дворца. Разумеется, для Стефана Вонифатьева Никон сделал исключение: слишком велико было влияние духовника на царя Алексея. К тому же Никон не считал кроткого, уступчивого Стефана своим соперником, был благодарен ему за отказ от претензий на патриарший престол.

И все же не столько личная обида, сколько принципиальные соображения превратили многих «ревнителей благочестия» в непримиримых врагов нового патриарха. От Никона ожидали действенных мер, направленных на укрепление внутрицерковных порядков, унификацию книг и обрядов. Однако патриарх приступил к исправлению русских церковных порядков не по древнерусским, как ожидали «ревнители», а по греческим образцам. В феврале 1653 г. он приказал во всех московских церквях запретить верующим «творить поклоны», стоя на коленях; допускались лишь поясные поклоны. Крестное знамение отныне разрешалось только «троеперстное». Этот указ взволновал и обеспокоил «ревнителей благочестия». В русском православии мелочам обрядности придавалось огромное значение. «Спасение души», по мнению тогдашних книжников, зависело главным образом от точного следования традицион-

182

ным нормам церковного обихода. К тому же и в решениях «Стоглавого» собора 1551 г. было вполне определенно сказано: «Если кто не знаменается двумя перстами, как Христос,— да будет проклят».

Протопоп Аввакум, один из наиболее видных «ревнителей благочестия», так описывал впечатление, произведенное на членов кружка патриаршим указом: «Мы же, собравшись вместе, задумались; видим — словно зима наступает: сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам скрылся в Чудов монастырь и неделю в палатке молился. И там ему от образа глас был во время молитвы: «Время пришло страдания!» Он мне, плача, об этом рассказал»⁸.

Стремясь помешать Никону, «ревнители» подали царю челобитную, в которой доказывали незаконность нововведений. Тогда Никон дал ход обвинениям и жалобам на них прихожан. В ответ «ревнители» публично, в самых сильных выражениях принялись хулить патриарха и его указы. Разумеется, силы были неравны. Вскоре Иван Неронов был сослан под строгий надзор в Спасо-Каменный монастырь, находившийся в Вологодском уезде, на островке посреди Кубенского озера. Протопоп Логгин был лишен сана и отправлен под стражей в свои родные места — под Муром. Даниил Костромской также был расстрижен, а затем выслан в Астрахань. Протопоп Аввакум, живший «на дворе» у Ивана Неронова, после его ареста развил бурную деятельность. Изгнанный из Казанского собора, он собирал своих приверженцев «в сушиле»,

проповедовал им, призывал не подчиняться указам Никона. Там он и был арестован вместе с толпой учеников 13 августа 1653 г. Аввакума заковали в цепи и, лишив пищи, бросили в подвалы московского Андроникова монастыря. В сентябре 1653 г. он был отправлен в ссылку в Тобольск, а оттуда 13 августа 1656 г. переведен в Восточную Сибирь.

Никон хотел лишить Аввакума священнического сана. Однако «богобоязненный» царь, лично знавший протопопа и в глубине души боявшийся его проклятий, отменил это решение.

Заточенные, униженные, «ревнители благочестия» лишь укреплялись в своем «подвиге». Они

впадали в

183
религиозный экстаз, пророчествовали. Им являлись ангелы, слышались небесные голоса. Слухи об этих «чудесах» проникали из-за стен монастырей, разносились по Москве. Однако Никон, хорошо знавший происхождение такого рода «чудес», лишь посмеивался: «Знаю я пустосвятов тех!»⁹.

Убедившись в том, что одной лишь своей властью он не сумеет поставить дело реформы на прочное основание, Никон весной 1654 г. созвал в Москве общерусский церковный собор.

Патриарх в присутствии царя, обращаясь к собору, перечислил многие неточности и отступления от греческих церковных порядков, имевшиеся в практике русской церкви. Собравшиеся иерархи утвердили предложенные Никоном изменения в богослужении. Впрочем, предусмотрительный патриарх не вынес на обсуждение собора наиболее «скользкие» вопросы, в первую очередь, о «троеперстии».

Даже те второстепенные изменения в обрядах, которые утвердил собор, вызвали сильное волнение среди рядового духовенства и прихожан. Во главе недовольных стал коломенский епископ Павел — единственный из членов собора, отказавшийся утвердить предложенные Никоном новшества.

Он был арестован, сослан в новгородский Спасо-Хутынский монастырь и там вскоре умер.

Летом 1654 г. Никон занялся исправлением икон. По его приказу были отобраны у населения иконы, отличавшиеся некоторым реализмом. Это «живство», популярное тогда среди московских иконников, Никон объяснял пагубным влиянием «латинства». Он приказал выколоть глаза изображенным на таких иконах святым или же соскоблить и переписать заново лики. Случилось так, что в это время в Москве вспыхнула сильная эпидемия чумы. В народе поползли слухи о том, что «морская язва» — наказание за надругательство Никона над иконами. 2 августа 1654 г.

произошло полное солнечное затмение, давшее новую пищу для толков. 25 августа 1654 г. московские посадские люди восстали против Никона и его нововведений. Положение правительства осложнялось тем, что сам царь в этот момент находился с войсками на театре русско-польской войны, а его семейство укрывалось от чумы в Макарьевом Каля-

184

зинском монастыре. Однако в итоге власти сумели усмирить взбунтовавшийся посад.

Не довольствуясь поддержкой московского собора 1654 г., Никон обратился к константинопольскому патриарху Паисию, который одобрил его деятельность. В начале 1655 г. в Москву прибыл за «милостыней» другой восточный иерарх — антиохийский патриарх Макарий. Он всецело поддержал реформу Никона. В феврале 1655 г., опираясь на авторитет антиохийского патриарха, Никон вновь обрушился на иконы «фряжского письма». Он публично в Успенском соборе разбивал их о железные плиты пола, а обломки приказывал сжечь. Лишь после вмешательства царя сожжение икон было заменено их захоронением: в народном сознании иконы воспринимались тогда как живые существа.

Тогда же Никон при полном одобрении Макария вновь потребовал перехода к «троеперстному» крестному знаменю, угрожая послушникам проклятием. В марте 1655 г. в Москве состоялся новый церковный собор, утвердивший русский перевод греческого церковного Служебника и «троеперстие». В апреле — июне 1656 г. вновь заседал церковный собор, наложивший проклятье и отлучение от церкви на всех, кто не признает «троеперстия» и прочих новшеств.

Не зная греческого языка, Никон тем не менее во всеуслышание заявлял: «Хотя я русский и сын русского, но вера моя и убеждения — греческие». Он перенес в русскую церковь даже внешние отличия высшего греческого духовенства: покрой монашеского клобука и мантии.

Однако постепенно реформаторский пыл Никона угасал. Главным для него становилось его собственное исключительное положение в государстве. Никона вдохновлял образ патриарха Филарета, обладавшего не только церковной, но и высшей государственной властью.

В своих притязаниях на неограниченную власть Никон чувствовал за собой поддержку высшего духовенства, которое было сильно раздражено мерами правительства, направленными на ограничение привилегий и доходов церкви. После «золотых времен» правления патриарха Филарета и его слабавольного сына царя Михаила особенно болезненно восприни-

мались решения земского собора 1649 г., внесенные в новый свод законов — Соборное уложение. Согласно уложению перешли в руки государства все городские «белые слободы» и дворы монастырей и епископских кафедр (всего около 3600 дворов); было категорически запрещено приобретение церковью новых земель; для суда над духовенством по гражданским делам создавался особый Монастырский приказ, полномочия которого постепенно расширялись. Как и многие другие иерархи, Никон был недоволен решениями собора 1649 г. Он считал, что его главная задача состоит в том, чтобы подчинить себе царя и бояр, остановить наступление государства на позиции церкви.

Стремительно и как бы беспричинно вознесясь из самых низов общества к вершине власти, Никон утратил чувство реальности. Он не хотел понять, что своей головокружительной карьерой он обязан не столько своим личным качествам или «божьему промыслу», сколько видам боярского правительства, нуждавшегося в нем как в энергичном реформаторе церковной жизни. Иллюзии пагубны. Со временем Никону пришлось пережить жестокое разочарование и убедиться в своем заблуждении.

Свое стремление участвовать в государственных делах Никон обосновывал историческими примерами. Вполне естественно, что его внимание привлек образ митрополита Филиппа Колычева, не боявшегося спорить с самим Иваном Грозным. Весной 1652 г. Никон, тогда еще новгородский митрополит, отправился на Соловки и, к немалому огорчению тамошних монахов, увез «чудотворные мощи» Филиппа в Москву. Их встреча в столице и «положение» в Успенском соборе московского Кремля сопровождались многочасовыми молебнами и торжественными процессиями, в которых участвовал и сам царь.

Возникший в связи с этими событиями литературный памятник — «Молебное послание государя царя Алексея Михайловича к мощам святого митрополита Филиппа» — содержит в себе отзвуки идеи о превосходстве духовной власти над светской. Та же мысль проведена Никоном и в предисловии к Служебнику 1655 г., в «Послании о Крестном монастыре» (1656 г.).

Обстоятельства довольно долго благоприятствовали развитию властолюбия Никона. В связи с войной царь Алексей Михайлович отсутствовал в Москве с мая 1654 г. по январь 1655 г., с марта по декабрь 1655 г., с мая 1656 г. по январь 1657 г. В эти периоды патриарх оказывался фактическим главой правительства. Однако вернувшись в Москву воином-победителем, возмужавший царь уже не хотел находиться под постоянной опекой патриарха. Недовольство царя разжигали многочисленные враги самого Никона и его реформ.

Летом 1658 г. стали заметны признаки скорой опалы на патриарха. Его перестали приглашать на торжественные царские обеды, бояре стали задевать его слуг, царь перестал бывать на патриаршских богослужениях. 10 июля 1658 г. произошел окончательный разрыв. Алексей Михайлович прислал к Никону своего боярина князя Юрия Ромодановского, который передал патриарху, что ему впредь не следует именоваться титулом «великого государя». «У нас один великий государь — царь», — заявил Никону Ромодановский¹⁰.

В ответ на царскую опалу патриарх принял свои меры, как обычно, торопливые и неосмотрительные. Совершив молебен в Успенском соборе, он обратился к толпе с краткой речью. «От сего времени я вам больше не патриарх, если же помыслию быть патриархом, то буду анафема (т. е. «буду проклят». — *Н. Б.*)». Вслед за этим Никон пешком ушел из Кремля на подворье своего любимого Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, находившееся на Ильинской улице. Оттуда он в тот же день уехал в Воскресенский монастырь, основанный им на живописном берегу реки Истры, примерно на полпути между Москвой и Волоколамском.

Покидая кафедру, Никон рассчитывал, что царь и бояре будут просить его вернуться. Тогда он сможет, как и при избрании, диктовать свои условия. Однако времена были уже не те. Царь слал Никону дружелюбные письма, но обратно в Москву не приглашал. Враги Никона при дворе требовали суда над ним. На его имущество и бумаги был наложен арест. Запрещено было посещать бывшего патриарха в его монастыре.

Никон понял, наконец, какую большую ошибку он совершил, покинув столицу, переоценив свое влияние на царя. Тон его писем к самодержцу меняется: из смиренно-христианского становится то капризно-требовательным, то униженно-подобострастным. Опальный патриарх лихорадочно ищет средств, чтобы вернуть себе расположение царя. В конце концов он решается на крайнюю меру: вопреки своим прежним утверждениям Никон заявляет, что хотя он и покинул по своей воле

Москву, но по-прежнему считает себя патриархом, имеет на себе «благодать» и может творить исцеления.

Этой декларацией Никон практически перекрыл правительству путь к избранию нового патриарха. Царь медлил, колебался, не зная, как поступить. В 1659 г. Никон приезжал в Москву, посетил царя и царицу, устроил обед для нищих и сам, следуя примеру Христа, омывал им ноги. В беседах с народом Никон осуждал неудачную войну с Польшей. В конце концов он был выслан из столицы по распоряжению царя и уехал на богомолье в Крестный монастырь на Белом море.

Желая избавиться от Никона, правительство в феврале 1660 г. созвало церковный собор. Русские иерархи, а также случившиеся тогда в Москве три греческих епископа постановили лишить Никона патриаршья сана. Однако ученый киевский монах Епифаний Славинецкий, живший в Москве и почитавшийся главным авторитетом в вопросах канонического права, заявил, что низложение Никона таким составом собора противозаконно. «Тишайший» царь не решился нарушить заветы «отцов церкви», и дело надолго зашло в тупик.

Вернувшись с Севера, Никон вновь поселился в Воскресенском монастыре. Отсюда он в 1661 г. написал царю гневное послание, в которой приоткрылись главные точки столкновения сторон. Поводом для письма послужил арест монастырских крестьян, захвативших по приказу патриарха ряд угодий, на которые претендовал соседний помещик Роман Боборыкин. Нарушив традиционный судебный иммунитет патриаршских вотчин, царские приставы своими действиями вызвали у Никона взрыв бессильной ярости. «Откуда ты такое дерзновение принял —

сыскивать

188
о нас и судить нас? — язвительно вопрошает Никон. — Какие законы божий велят обладать нами, бо-жиими рабами? Не довольно ли тебе судить вправду людей царства мира сего?.. Всем архиерейским рука твоя обладает: страшно молвить, но терпеть невозможно, какие слухи сюда доходят, что по твоему указу владык посвящают, архимандритов, игуменов, попов ставят и в ставленных грамотах пишут равно-честна святому духу так: по благодати святого духа и по указу великого государя... К тому же повсюду, по святым митрополиям, епископиям, монастырям, безо всякого совета и благословения, насилем берешь нещадно вещи движимые и недвижимые...» В запале полемики патриарх поднимается до обличений социального характера. Он пишет царю: «Ты всем проповедуешь поститься, а теперь и неведомо кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего. Нет никого, кто бы был помилован: нищие, слепые, хромые, вдовы, чернецы и черницы — все данями обложены тяжкими, везде плач и сокрушение, везде стенание и воздыхание, нет никакого веселящегося во дни сии»¹¹.

Осенью 1662 г. Никон написал «Возражения» на ответы греческого митрополита Паисия боярину Семену Стрешневу. В своих ответах заезжий иерарх осуждал Никона за властолюбие и требовал его низложения. Именно здесь, в «Возражениях», Никон наиболее четко сформулировал свой главный тезис — «священство более есть царства»¹². Эта идея, лежащая в основе теократических притязаний всех воинствующих церковников средневековой Руси, была высказана Никоном с предельной откровенностью: священство выше царства, так же как небо выше земли; власть архиерея — солнце, царская власть — «меньшее светило», месяц, светящий отраженным светом; власть царская — капля дождя, тогда как власть архиерейская — дождевая туча.

В 1663 г. царь отправил доверенного человека, грека Мелетия, к восточным патриархам с вопросом относительно наказания иерарха за различные проступки. Хотя имя Никона и не было названо в тексте вопросов, но патриархи прекрасно поняли, о ком идет речь. Желая угодить царю, они дали отве-

189

ты, на основании которых можно было осудить Никона. Однако в это же время среди греческого духовенства наметилось и противоположное движение — в защиту московского патриарха. Царь Алексей Михайлович по своему обыкновению колебался, просил восточных патриархов приехать в Россию для разбора дела Никона.

Пока шли переговоры с православным Востоком, в Москве дьяки усердно собирали всякого рода улики и обвинения против патриарха. Его уличали в бесчинствах, жестокостях, незаконном присвоении имущества различных церквей и монастырей.

18 декабря 1664 г. Никон неожиданно явился в Москву, во время службы вошел в Успенский собор и занял патриаршье место. Находившееся в храме духовенство во главе с ростовским митрополитом Ионей подошло к нему за благословением как к главе церкви.

Приезд Никона был вызван дошедшими до него слухами о том, что царь якобы более всего желает примириться с патриархом, но не может первым пойти на соглашение. Однако слухи и уверения

московских друзей Никона оказались ложными. По приказу Алексея Михайловича Никон был выдворен из Москвы и вновь помещен в Воскресенский монастырь.

Весной 1666 г. в Россию прибыли два патриарха — Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский. Они ехали в Москву южным путем, через Астрахань и далее вверх по Волге. Повсюду согласно царскому указу им устраивали самую торжественную встречу. В ноябре 1666 г. в Москве началось соборное слушание обвинений против Никона. Главное обвинение царь, обращаясь к восточным патриархам, сформулировал так: Никон «писал в грамоте к константинопольскому патриарху, будто все православное христианство (т. е. русская церковь.— *Н. Б.*) от восточной церкви отложилось к западному костелу». Сильное выражение, употребленное сгоряча всегда не сдержанным на слова Никонем, было, таким образом, представлено как позиция, как сознательная хула на все российское православие. Никону напомнили также и то, что он в некоторых письмах называл себя «бывшим патриархом».

Собор постановил лишить Никона патриаршества.

190

12 декабря 1666 г. над ним был совершен соответствующий обряд. Однако введенные им новые церковные книги и обряды, распространение которых в 1658—1666 гг. в связи с опалой на Никона приостановилось, были торжественно утверждены собором. Противники реформы, «раскольники», были прокляты. Их предводители, протопопы Аввакум, Никифор и Лазарь, дьякон Федор, соловецкий монах Епифаний, после долгих допросов и мучений были отправлены под конвоем в Пустозерский острог. Одно из самых «потаенных» мест России, острог находился в низовьях Печоры, недалеко от современного города Нарьян-Мара.

10 февраля 1667 г. патриархом стал Иоасаф II (1667—1672), занимавший прежде пост архимандрита Троице-Сергиева монастыря. Что до Никона, то он был отправлен простым монахом в Ферапонтов монастырь, знаменитый и ныне сохранившимися там росписями великого художника средневековой Руси Дионисия. Этот монастырь основан был в лесах Бе-лозерья еще в конце XIV в. соратником Кирилла Белозерского иноком Ферапонтом. В 1500 г. собор монастыря был расписан Дионисием.

Низложенному патриарху было запрещено писать кому-либо, кроме царя, и даже общаться с посторонними. Однако царь, не желая превращать Никона в «мученика», а также памятуя об их былой близости, приказал приставам и монастырским властям содержать его с честью и в полном довольстве. По царскому указу белозерские монастыри обязаны были ежегодно поставлять к столу Никона и его окружения «15 ведр вина церковного, 10 ведр романи, 10 ренского, 10 пуд патоки на мед, 30 пуд меду-сырцу, 20 ведр малины на мед, 10 ведр вишен на мед, 30 ведр уксусу, 50 осетров, 20 белуг, 400 теш межукосных, 70 стерлядей свежих, 150 щук, 200 язей, 50 лещей, 1000 окуней, 1000 карасей, 30 пуд икры, 300 пучков вязиги, 20 000 кочней капусты, 20 ведр огурцов, 5 ведр рыжиков, 50 ведр масла конопляного, 5 ведр масла орехового, 50 пуд масла коровья, 50 ведр сметаны, 10 000 яиц, 30 пуд сыров, 300 лимонов, полпуда сахара головного, пуд пшена сорочинского, 10 фунтов перцу, 10 фунтов инбирю, 5 четвертей луку, 10 четвертей чесноку, 10 четвертей грибов,

191

10 четвертей репы, 5 четвертей свеклы, 500 редек, 3 четверти хрену, 100 пуд соли, 60 четвертей муки ржаной, 20 четвертей пшеничной, 50 четвертей овса, 30 четвертей муки овсяной, 30 четвертей ячменю, 50 четвертей солоду ржаного, 30 ячного, 10 овсяного, 15 четвертей круп гречневых, 50 четвертей овсяных, 3 четверти проса, 12 четвертей гороху, 5 четвертей семени конопляного, 20 четвертей толокна, да работникам 40 стягов говядины, или 150 полоть ветчины»¹³.

Ознакомившись с росписью царского «жалования», Никон собственноручно сократил ее, иронически заметив в послании к царю: «А по твоей росписи многих запасов в здешних странах не водится». Впрочем, и со скидкой на реальные возможности поставщиков содержание Никона в ссылке мало чем отличалось от прежде бывшего, патриаршьяго. Царь слал ему соболей на шубу и рукавицы, плотники строили в монастыре поварни, житницы и погреб для разнообразных припасов.

Постепенно Никон стал фактическим хозяином монастыря. Не только игумен, но и карауливший Никона пристав побаивались его тяжелой руки. Ссылный патриарх не терял своей обычной самоуверенности, надеялся на скорое прощение. Он жадно ловил доходившие из Москвы слухи, вопреки запрету принимал и отправлял в разные места своих тайных сторонников. Однако прощение не приходило.

Никон писал царю то грозные, то жалобные письма. Потеряв терпение, он сочинил даже донос на некоторых бояр, которые якобы хотят «очаровать» царя. Окруженный многочисленной прислугой, Никон, чтобы предстать в роли мученика, сам таскал воду в келью и колол дрова. С прежней жестокостью он приказывал бить «дубьем» провинившихся перед ним монахов.

Честолюбие не давало покоя низложенному иерарху. В окрестностях монастыря он поставил несколько огромных крестов с надписью: «Никон, божию милостию патриарх, поставил сей крест Христов, будучи в заточении в Ферапонтове монастыре»¹⁴.

Враги Никона вскоре нащупали верный способ ухудшить его положение. В 1668 г. царю донесли, что Никон имеет сношения с мятежными донскими казаками, которые обещают освободить его и вновь воз-

192

вести на патриарший престол. Один из ферапонтовских монахов донес, будто Никон собирается бежать из обители и даже поднять народ на свою защиту. И без того напуганный постоянными народными волнениями царь повелел впредь не выпускать Никона из кельи и усилить охрану. Лишь после подавления восстания Степана Разина царь вновь смягчил содержание бывшего патриарха.

Теряя надежды, Никон утрачивал и привлекательные стороны своего характера. Он превратился в мелкого склочника, брюзгу, вечно недовольного окружающими. Постепенно теряя рассудок, он жалуется царю, что ему не дают покоя черти, которых подсылает к нему в келью архимандрит соседнего Кириллова монастыря.

29 января 1676 г. царь Алексей Михайлович скончался. Незадолго до смерти он послал к Никону за «разрешительной грамотой» — своего рода индульгенцией, прощением грехов. Никон отказался написать царю такую грамоту.

Новый царь Федор Алексеевич распорядился перевести Никона под строгий надзор в Кирилло-Бело-зерский монастырь. Там он жил с лета 1676 до лета 1681 г., когда ему разрешено было вернуться в свой любимый Воскресенский монастырь. Однако прибыл он туда уже в гробу: по дороге, в Ярославле, бывший патриарх занемог и 17 августа 1681 г. скончался.

Падение Никона не означало полного поражения церкви в ее борьбе за сохранение экономического могущества и влияния на политические дела. Напротив, уже в 1667 г. высшие иерархи добились упразднения ненавистного им Монастырского приказа, изгнания светских чиновников из системы церковного суда. Патриаршья владения вновь стали расширяться. Зримым воплощением «контрнаступления» церкви в 70—80-е годы XVII в. стал выстроенный в этот период ростовский «Кремль» — роскошная резиденция ростовского митрополита Ионы, духовного наследника идей Никона.

Весьма знаменательна судьба института патриаршества в России в последней трети XVII — начале XVIII в. По мере укрепления российского абсолютиз-

193

ма привилегии и амбиции патриархов все чаще стали: раздражать самодержца. Временами между царем и главой церкви возникали отношения «двух медведей в одной берлоге».

В 1700 г. умер патриарх Адриан, о котором современники писали, что он жил «из куска», то есть заботясь лишь о собственном благе. После его кончины царь Петр не позволил духовенству провести выборы нового главы церкви. Покладистый Адриан был скорее исключением, нежели правилом: Петр хорошо знал, сколько хлопот причинил его отцу, царю Алексею Михайловичу, патриарх Никон. Сам Петр в детстве и юности побаивался строгого, порой жестокого патриарха Иоакима (1674—1690).

Петр хотел иметь церковь, четко выполняющую свои идеологические функции, но в политическом отношении полностью управляемую, подчиненную. В созданном им абсолютистском государстве церковь становилась одной из ветвей чиновничье-бюрократического аппарата. Во главе церковной организации в 1721 г. была поставлена «духовная коллегия» — «Святейший Синод». В его состав входили высшие церковные иерархи, однако руководил их деятельностью, утверждал указы и распоряжения Синода его светский глава — назначаемый царем обер-прокурор.

Превращение церкви в составную часть чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи завершилось секуляризацией монастырских земель в 1764 г. Единственный иерарх, выступивший против этой меры правительства, ростовский митрополит Арсений Мацевич, поплатился за свою смелость пожизненным заключением в крепость.

Продолжая выполнять обязанности «духовной полиции», монашество с 1764 г. полностью

перешло на содержание государства. Белое, приходское духовенство по-прежнему жило главным образом за счет прихожан. Вполне закономерно, что в XIX — начале-XX в. русская церковь уже не могла выдвинуть из своих рядов сколько-нибудь самостоятельных, независимых общественно-политических деятелей.

На исторической сцене появляются новые общественные силы. Русская православная церковь в новую-эпоху неизбежно утрачивала господство в духовной жизни страны.

Примечания

Введение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 360—361.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М., 1960. С. 198.

Пришел народ неведомый

■ Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризостом (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // Византийский временник. Т. 21. М., 1962. С. 48—50.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 352.

³ Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 64.

⁴ Там же.

* А. С. Пушкин-критик. М., 1978. С. 409.

⁵ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

С. 137, 139. ⁷ Там же. С. 169.

* Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 64—66.

⁹ Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 471.

"Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. [М.], 1933. С. 130.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 22.

¹² Житие митрополита Петра по списку конца XIV в. опубликовано в приложении к книге: Прохоров Г. М. «Повесть о Митяе». Л., 1978. С. 211.

¹³ Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913. С. 201.

¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 149.

¹⁵ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XVIII. С. 81.

¹⁶ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 158.

¹⁷ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 447, 449.

¹⁸ Там же. С. 455.

"Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 217—221.

Пророчество Петра

"Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 68—69.

² Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 115.

³ Там же. С. 131—139.

⁴ Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 92.

⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 178; Т. XVIII. С. 87.

⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С. 40—41.

¹ Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 59—79.

195

¹ Кондаков Н. И. Иконография Богородицы. Т. I. СПб., 1914. С. 345.

⁹ Соколов И. И. Патриархия и храмы в Константинополе от второй половины XV в. до настоящего времени. Пг., 1916. С. 34.

Забывтый чудотворец

¹ ПСРЛ. Т. VI. С. 198.

² Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 65.

³ Макарий, архиеп. История русской церкви. Т. IV. Кн. 1. СПб., 1866. С. 22—23.

⁴ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. 2-я половина тома. Вып. 1. М., 1917. С. 24.

⁵ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. Париж, 1959. С. 305, 307.

⁶ Православный церковный календарь на 1985 год. С. 2. Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 109.

⁸ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983. С. 140.

¹ Каштанов С. М. Богословская преамбула жалованных грамот // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. Л., 1973. С. 82.

¹⁰ Новгородская Первая летопись. М.; Л., 1950. С. 357. (далее—НПЛ).

"Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 75—81.

¹² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 95.

¹³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 57.

¹⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964. С. 340—345.

¹⁵ НПЛ. С. 363—364.

¹⁶ Там же. С. 353.

¹⁷ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 84.

¹⁸ Соколов П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 266—267.

Небесный человек

- ¹ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 277—278.
- ² Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Прилож. Стб. 41—52.
- ³ Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 366; Белоброва О. А. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому // Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Вып. 2. Загорск, 1958. С. 14—18.
- ⁴ Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 78.
- ⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 69.
- ⁶ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 30.

196

- ⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 170—171.
- ⁸ ПСРЛ. Т. XI. С. 8—9.
- ⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 84.
- ¹⁰ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 402.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 96.
- ¹² Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 571.
- ¹³ Греков И. Б. Указ. соч. С. 88.
- ¹⁴ Zernov N. The Russians and their church. London, 1978. P. 35.
- ¹⁵ Журнал Московской патриархии. 1978. № 2. С. 75.
- ¹⁶ Бунташный век. М., 1983. С. 450.
- ¹⁷ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 335.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 193.
- ¹⁹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957. Прилож. С. 290—291.
- ²⁰ Прохоров Г. М. «Повесть о Митяе» Л., 1978. Прилож. С. 219.
- ²¹ Там же. С. 218.

Мятежное время

- ¹ Сырку П. А. Патриарх Евфимий Тырновский и его время. Т. I. Вып. 1—2. СПб., 1890. С. 255.
- ² Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 441.
- ³ Там же. С. 430.
- ⁴ Прохоров Г. М. «Повесть о Митяе». Л., 1978. С. 66.
- ⁵ Там же. Прилож. С. 221.
- ⁶ Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. С. 395.
- ⁷ Прохоров Г. М. «Повесть о Митяе». Прилож. С. 223.
- ⁸ Там же. С. 224.
- ⁹ Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. С. 395.
- ¹⁰ Бальзак О. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1984. С. 352.
- ¹¹ Щапов А. П. Соч. Т. I. СПб., 1906. С. 75.
- ¹² Памятники литературы Древней Руси. XI—начало XII века. М., 1978. С. 401.
- ¹³ Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. С. 403—405.

Государевы богомольцы

- ¹ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 160—161.
 - ² Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 493.
 - ³ Цит. по: Синецкая Н. В. Нестыжательство и русская православная церковь XIV—XV вв. // Религии мира. Ежегодник. 1983. М., 1983. С. 93.
 - ⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 184.
 - ⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Пг., 1916. С. 35.
- 197
- * Бердяев Н. А. Ответ протоиерею С. Четверикову // Путь. № 50. Париж, 1936. С. 46.
 - ⁷ Памятники древней письменности и искусства. Т. 179. Б/м. 1912. С. 6.
 - ⁸ Макарий, архиеп. История русской церкви. Т. VII. Кн. 2. СПб., 1874. С. 58.
 - ⁹ Цит. по: Синецкая Н. В. Указ. соч. С. 91.
 - ¹⁰ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 157—158.
 - ¹¹ Текст летописца опубликован в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 176.
 - ¹² Изложение чина — см. в кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М., 1960. С. 73—74.
 - ¹³ Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 376.
 - ¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 161, 157, 153.
 - ¹⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 258.
 - ¹⁶ Там же. С. 115.
- "Соловьев С. М. Указ. соч. С. 76—77.
- ¹⁸ Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. С. 352.
 - ¹⁹ Там же. С. 376.
 - ²⁰ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 52.
 - ²¹ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 163—165.

Первый патриарх

- ¹ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 55.
- ⁵ Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб., 1909. Стб. 925.
- ³ Макарий, митр. История русской церкви. Т. X. Кн. 1. СПб., 1881. С. 59—60.

⁴ Русская историческая библиотека. Т. 13. Стб. 928.

⁵ Там же. Стб. 477.

⁶ Там же.

⁷ Некоторые историки считают, что Григорию в Москве не угрожала никакая опасность и причиной, по которой он покинул дворец патриарха, были лишь его непомерное честолюбие, склонность к авантюрам (Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 164—165).

* Русская историческая библиотека. Т. 13. Стб. 936. ⁹ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 149.

¹⁰ Русская историческая библиотека. Т. 13. Стб. 926.

Дело Никона

¹ Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский//Древнерусская книжность (по материалам Пушкинского дома). Л., 1985. С. 230—242.

[^] Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. Сергиев Посад, 1909. С. 3—7.

³ Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума»// Древнерусская книжность (по материалам Пушкинского дома). С. 286.

⁴ Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православ-
198

ному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад 1914. С. 388. ⁶ Там же. С. 401.

⁶ Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. М., 1979. С. 302.

⁷ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. С. 60.

⁸ Хрестоматия по древнерусской литературе (для студентов гуманитарных вузов). М., 1985. С. 223.

⁹ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. С. 123.

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 212.

¹¹ Там же. С. 225.

¹² Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 45.

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. С. 342.

¹⁴ Там же. С. 274.

Содержание

Введение	3
Пришел народ неведомый.....	7
Пророчество Петра.....	29
Забытый чудотворец	42
Небесный человек.....	61
Мятежное время.....	96
Государевы богомольцы.....	122
Первый патриарх	156
Дело Никона.....	170
Примечания.....	195

Научное издание Николай Сергеевич Борисов

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ XIII—XVII ВВ.

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*. Редактор *Г. В. Кошелева*. Художник

обложки *Е. К. Самойлов*. Художественный редактор *Н. Ю. Калмыкова*.

Технический редактор *Г. Д. Колоскова*. Корректоры *Л. А. Айдарбекова*,

Л. А. Кузнецова

ИБ М> 2850

Сдано в набор 04.12.87. Подписано в печать 16.05.88. Л-35702. Формат

84ХЮ8/зг. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Высокая печать.

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,68. Тираж 30 000 экз. Заказ 364.

Изд. № 257. Цена 70 коп. Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. ПО «Чертановская типография» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома 113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а